

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»**

На правах рукописи

Фролов Дмитрий Михайлович

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
КОНЦЕПТА «KRIEGSZEIT»
В РОМАНАХ Э.М. РЕМАРКА «ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ» И
Х.Г. КОНЗАЛИКА «СТАЛИНГРАДСКИЙ ВРАЧ»**

5.9.2 – Литературы народов мира

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Похаленков Олег Евгеньевич

Смоленск – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава I. Концепт «Kriegszeit» в историко-литературном контексте немецкой литературы	17
1.1. Концепт как инструмент когнитивного анализа художественного текста	17
1.2. Концепт «Kriegszeit» в концептосфере немецкой культуры: исторический аспект	28
1.3. Дилемма войны и мира в европейском историософском дискурсе	34
1.4. Образ войны в послевоенной немецкой литературе	45
Выводы по первой главе	58
Глава II. Концепт «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» и Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач»	61
2.1. История формирования политических и этических взглядов Э.М. Ремарка	61
2.2. Художественное воплощение концепта «Kriegszeit» в романе Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать»	74
2.3. Творчество Х.Г. Конзалика в свете оценки литературной критики и проблемы амбивалентности читательского восприятия	92
2.4. Художественное воплощение концепта «Kriegszeit» в романе Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач»	102
2.5. Сравнительный анализ реализации концепта «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» и Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач»	122
Выводы по второй главе	137
Заключение	141
Список использованной литературы	146

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению типологических сходжений и различий в осмыслении феномена Второй мировой войны немецкими писателями Эрихом Марией Ремарком и Хайнцем Гюнтером Конзаликом в романах «Время жить и время умирать» и «Сталинградский врач». Использование в качестве основного инструмента анализа концепта «Kriegszeit»¹, имеющего органическую связь с историческим опытом и культурой немецкого народа, представляется оптимальным способом восприятия художественно-образного отражения мировой трагедии XX века.

Актуальность исследования определяется тем, что проблемы человеческого существования в период войны, поднятые Э.М. Ремарком и Х.Г. Конзаликом в середине 50-х гг. прошлого века, не только не утрачивают своей значимости, но и имеют исключительную важность в настоящее время – в условиях эскалации ксенофобии, нарастания тенденций возрождения и героизации нацизма. Оценка причин и итогов Второй мировой войны в различные периоды новейшей истории Германии не была однозначной и определялась как объективными, так и субъективными факторами. Определенный диссонанс в немецком общественном сознании в первые послевоенные годы вызвала правовая коллизия, связанная с противоречием принципа об «ответственности высших инстанций и лично Гитлера», положенного в основу Нюрнбергского процесса [224], тезису о «предании суду всех военных преступников», выдвинутому на Потсдамской конференции держав антигитлеровской коалиции [181, с. 120]. В этой связи отдельные решения Международного военного трибунала (оправдательные приговоры трем подсудимым, непризнание преступными организациями правительства Третьего рейха, Верховного командования вермахта и штурмовых отрядов НСДАП) вызвали непонимание в немецком обществе и

¹ Немецкое существительное «Kriegszeit» в дословном переводе означает «военное время».

стали благоприятной почвой для различного толкования итогов процесса. Провозглашенный канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром принцип «простить и забыть», фактически означавший снятие ограничений для поступления на государственную службу бывших функционеров национал-социалистической партии [136, с. 316], послужил импульсом к разворачиванию дискуссии об отношении к нацистскому прошлому, нашедшей отражение в немецком историческом и литературном нарративе. В этой связи представляется актуальным проведение сравнительного анализа романов Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика сквозь призму концепта «Kriegszeit», который открывает новые возможности в понимании политических и этических позиций писателей, в чьих судьбах исторические события первой половины XX века нашли несхожее преломление.

Степень разработанности темы. Исследованию военного творчества Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика посвящены работы отечественных и зарубежных литературоведов, подходы которых определялись как социально-историческими условиями, так и мировоззренческими позициями.

Отношение к творчеству Э.М. Ремарка в отечественной критической литературе имело тенденциозный характер. Его первый антивоенный роман, вышедший в 1929 г. на русском языке с предисловием опального журналиста К. Радека, уже в 1936 г. изымается из библиотек, так как признается идеологами большевистской партии «буржуазно-пацифистской» литературой [5]. По этой же причине произведения Э.М. Ремарка на протяжении двух десятков лет не издавались в СССР, что и обусловило отсутствие критических работ. Новое знакомство отечественного читателя с творчеством Э.М. Ремарка стало возможным в период частичного отступления от авторитарной политики, вошедший в историю под названием «хрущевская оттепель». В этот период выходят критические работы И. Каринцевой (1955) [100, с. 4], В. Залесского (1957) [93], В. Кирпотина (1959) [105], О. Боярского (1959) [70], Л. Копелева (1960) [109], Т. Мотылевой (1960) [125], А. Дмитриева (1960) [89], Г. Петелина (1961)

[135], И. Фрадкина (1963) [167] и др. Наряду с позитивной оценкой творчества Э.М. Ремарка-антифашиста (И. Каринцева, В. Залесский) в работах отмечается безыдейность произведений писателя (В. Кирпотин, А. Дмитриев), ограниченность мировоззрения и противоречивость его нравственных идеалов (Л. Копелев, Г. Петелин, Т. Мотылева). И. Фрадкин в статье «Ремарк и споры о нем», подчеркивая актуальность антимилитаристской позиции Э.М. Ремарка в условиях роста неофашистских тенденций в ФРГ, укоряет писателя в том, что его произведения не проникнуты идеей революционного переустройства общества. Творчеству Э.М. Ремарка, по мнению И. Фрадкина, присущи однообразие и подражательность [Там же. С. 92].

Работы Д.В. Затонского (1988), Г.А. Склейнис (1998), В.А. Пронина (2007) посвящены исследованию эволюции антифашистской концепции Э.М. Ремарка. Д.В. Затонский, анализируя биографию писателя, отмечает: «Он не всегда был прав, однако всегда был честен. Его волновали острейшие проблемы столетия – война и фашизм. У него не было средства их остановить, но он умел их ненавидеть. И противопоставлял им непобежденное человеческое достоинство» [95, с. 349]. Заслугой писателя, по мнению Г.А. Склейнис, является осмысление истоков и трагических уроков двух войн, отражение тревожной атмосферы предчувствия мировой катастрофы [156, с. 10]. В.А. Пронин отмечает, что антифашистская тема пронизывает послевоенное творчество писателя в связи с личной трагедией, вызванной гибелью в нацистских застенках его родной сестры и друзей [144, с. 309].

Особенности гуманистической позиции Э.М. Ремарка исследованы в работах М.Ю. Бабкова (2004), Т.С. Николаевой (1983), Б.Л. Сучкова (1976). По образному выражению М.Ю. Бабкова, «жизнь остается для Э.М. Ремарка ценностью, с гибелью человека каждый раз гибнет мир, целая вселенная» [57, с. 56]. Т.С. Николаева, исследуя эволюцию этической концепции писателя, раскрывает роль эмоционального и трагического элементов в

отражении действительности [127]. Б.Л. Сучков подчеркивает политическую смелость писателя, отразившего антигуманную сущность и истинные причины войны, ее враждебность интересам и потребностям личности [159].

В исследованиях постсоветского периода критически оцениваются истоки ремарковского «абстрактного пацифизма» (О.Е. Похаленков [139; 140]), анализируется авторский подход к определению рамок и степени совиновности соотечественников в преступлениях нацизма (А.С. Поршнева [138]), отмечается значимость антивоенной тематики в формировании Ремарка-писателя (М.А. Матвеев [122]).

Зарубежная критическая литература, посвященная творчеству Ремарка, включает работы Р. Фирда «Erich Maria Remarque: A thematic analysis of his novels» (Firda, 1988), В. Штернбурга «Als wäre alles das letzte Mal. Erich Maria Remarque: Eine Biographie» (Sternburg, 2000), Б. Мердока «The Novels of Erich Maria Remarque: Sparks of Life» (Murdoch, 2006), Т. Вестфалена «Nachwort. Wann wird zum Mord, was man sonst Heldentum nennt?» (Westphalen, 1989), А. Антковяка «Erich Maria Remarque: Leben und Werk» (Antkowiak, 1983), И. Шлоссера «Die Darstellung des Exils bei Erich Maria Remarque» (Schlösser, 2001), М. Пырвановой «”...das Symbol der Ewigkeit ist der Kreis”: eine Untersuchung der Motive in den Romanen von Erich Maria Remarque» (Parvanova, 2003); биографические работы Д. Менди «Remarque, Erich Maria» (Mendie, 1986), Х. Тимса «Erich Maria Remarque. The last romantic» (Tims, 2003), Т. Шнайдера «Erich Maria Remarque: Ein Chronist des 20. Jahrhunderts: Eine Biographie in Bildern und Dokumenten», «Remarque E.M. Ein militanter Pazifist: Texte und Interviews, 1929–1966», «Ein ekler Leichenwurm. Motive und Rezeption der Schriften Erich Maria Remarques zur nationalsozialistischen Vergangenheit» (Schneider, 1991, 1994, 2001), Г. Вагенера «Remarque in Amerika – zwischen Erfolg und Exilbewußtsein» (Wagener, 1999).

Р. Фирда, исследуя историю первого немецкого издания романа «Время жить и время умирать» (издательство «Kierpenheuer»), замечает, что в книге, в сравнении с американским изданием, отсутствуют или изменены

отдельные эпизоды, обладавшие потенциальной возможностью вызвать негативный резонанс в немецком обществе, в коллективном сознании которого Э.М. Ремарк еще оставался «сомнительным автором». В частности, скрыто неарийское происхождение Хиршмана, отсутствует упоминание об эсэсовском прошлом Штайнбренера, идентифицирован как социал-демократ коммунист Иммерман, заметно сокращен рассказ Хайни о преступлениях, совершенных нацистами на оккупированных территориях [190, p. 174].

В. Штернбург, исследуя творчество Э.М. Ремарка в тесной взаимосвязи с биографией писателя, отмечает, что в произведениях, посвященных Второй мировой войне, автору удалось разработать тему, запретную для послевоенного немецкого общества, стремившегося вытеснить из своего сознания позорное прошлое: «Ремарк глубже и, главное, значительно раньше, чем большинство немцев, распознает чудовищную аморальность содеянного в гитлеровские времена» [208, S. 402]. Роман «Время жить и время умирать» поставлен критиком в один ряд с произведениями Г. Бёлля, А. Андерша, Г. Грасса, З. Ленца.

Б. Мердок, подчеркивая политическую смелость Э.М. Ремарка, проявившуюся в отражении ужасов фашизма в романах «Искра жизни» и «Время жить и время умирать», отмечает, что поднятая автором проблема коллективной вины немецкого народа не могла в полной мере быть ощутимой в середине 1950-х гг., когда германская «историческая модель современного зверства» воспринималась в немецком обществе сугубо как результат политики НСДАП [198, p. 185].

Т. Вестфален в предисловии к немецкому изданию романа «Время жить и время умирать» отмечает, что рукопись, представленная Э.М. Ремарком, не была напечатана в оригинальном варианте, так как, по мнению издательства, отдельные эпизоды романа могли расходиться с общественными настроениями в Германии и обидеть бывших солдат вермахта. В частности, автору предложено конкретизировать, что роте

Гребера был отдан приказ расстрелять не просто пленных русских, а партизан, а споры о вине и ответственности личности в условиях войны свести к уровню, соответствующему политике примирения с нацистским прошлым [215].

А. Антковяк, сравнивая нарративные стратегии в романах «На Западном фронте без перемен» и «Время жить и время умирать», предполагает, что отказ автора вести повествование от первого лица, как это было сделано в первом «военном» романе, вызван нежеланием Э.М. Ремарка совпадать с главным героем, исполнявшим преступные приказы, и личным неучастием во Второй мировой войне. Причем первый фактор, по мнению критика, является более веским [184, р. 73-75].

Х. Вегенер, проводя сравнительный анализ образов главных героев романов Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и «Время жить и время умирать», подчеркивает, что Боймер и Гребер – разные типы жертв. Первый представлен «невинной жертвой», а второй – «жертвой, не освобожденной от вины» [213, р. 75-81].

Д. Менди подчеркивает искренность творчества Э.М. Ремарка: «Писать прямо, а не окольно – вот жизненный принцип писателя, у которого война – война, хлеб – хлеб, нежность – нежность и жизнь – жизнь» [197, S. 505].

Неоднозначное восприятие Э.М. Ремарка в Западной Германии 1950-х гг. Т. Шнайдер характеризует цитатой из письма читателя в редакцию мюнхенского журнала, опубликовавшего роман «Время жить и время умирать»: «На все вещи можно смотреть с разных точек зрения. Ремарк теперь смотрит на вещи с точки зрения отвратительного трупного червя, который чувствует себя комфортно, копаясь в мусоре, и живет за счет этого» [206, S. 42].

И. Шлоссер, исследуя биографию Э.М. Ремарка, приходит к выводу о том, что отвержение писателем фашизма вызвано «сугубо личными человеческими причинами, сопротивление национал-социализму играет второстепенную роль» [203, S. 95].

Х.Г. Конзалик, будучи общепризнанным писателем в ФРГ, менее знаком отечественной аудитории. Это обусловлено существовавшим в СССР запретом на издание ряда его произведений на военную тему, в которых предпринимались попытки показать светлые стороны тоталитарного прошлого Германии. Различные аспекты творчества Х.Г. Конзалика исследованы в работах отечественных авторов: А.И. Долгого (2003), Л.Р. Оганян (2004), Д.А. Олицкой (2018), О.Е. Похаленкова (2023), Е. Степановой (2010).

В литературной критике отмечается стремление автора представить вермахт «армией-жертвой», оправдать вторжение Германии в СССР необходимостью освобождения народа от авторитарного режима большевиков и выполнения цивилизаторской миссии [67, с. 187; 69, с. 42; 158].

Ряд критиков (Д.А. Олицкая [132], А.И. Борозняк [68, с. 112], В. Орлов-Корф [133] и др.), отмечая детективный жанр и трафаретные приемы, характерные для отдельных произведений Х.Г. Конзалика, относят его творчество к массовой литературе, не знающей авторской индивидуальности, рассчитанной на неквалифицированного читателя.

В немногочисленных диссертационных работах, посвященных творчеству Х.Г. Конзалика (А.И. Долгий [88], Л.Р. Оганян [131]), тема войны не выступала объектом исследования.

В зарубежных литературно-критических работах отмечается стремление Х.Г. Конзалика показать немецкого солдата жертвой войны, нежелание признавать поражение Германии общенациональной катастрофой (М. Сарджент [202, р. 216]), тяготение к пропаганде идей национал-социализма (М. Хардер [193, S. 91], Е.-М. Столберг [209]).

В работах, посвященных «военному» творчеству Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика, попыток сравнительного анализа романов «Время жить и время умирать» и «Сталинградский врач» не предпринималось.

Научная новизна исследования определяется следующими обстоятельствами:

– тема диссертационной работы ранее не становилась объектом самостоятельного монографического исследования, о чем свидетельствует отсутствие исследований, посвященных сравнительно-историческому анализу политических и этических оценок образа войны в творчестве Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика;

– впервые использован интегративный подход к построению концепта «Kriegszeit», реализуемого в художественном тексте мотивно-фреймовой структурой, системой образов и персонажей;

– выявленная в ходе исследования специфика реализации двухкомпонентного концепта «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика позволила раскрыть суть авторских концепций в освещении событий Второй мировой войны и констатировать приверженность писателей диаметрально противоположным мировоззренческим позициям – пацифистской и апологетической соответственно.

Цель диссертационного исследования – выявление особенностей отражения Второй мировой войны и интерпретации концепта «Kriegszeit» в немецкоязычной художественной прозе на примере романов «Время жить и время умирать» Э.М. Ремарка и «Сталинградский врач» Х.Г. Конзалика.

На достижение указанной цели направлено решение следующих взаимосвязанных задач:

1) проанализировать различные подходы к определению понятия «концепт» в современном гуманитарном знании в целях выявления его значения в литературоведческом исследовании и разработать алгоритм его анализа;

2) изучить исторические предпосылки формирования и философское обоснование концепта «Kriegszeit» в немецкой языковой картине мира;

3) проследить трансформацию образа войны в послевоенной немецкой литературе;

4) проанализировать процесс формирования политических и этических взглядов Э.М. Ремарка и их отражение сквозь призму концепта «Kriegszeit» в романе «Время жить и время умирать»;

5) проанализировать творчество Х.Г. Конзалика, посвященное теме войны, и рассмотреть особенности реализации концепта «Kriegszeit» в романе «Сталинградский врач»;

6) провести сравнительный анализ реализации концепта «Kriegszeit» в романах «Время жить и время умирать» Э.М. Ремарка и «Сталинградский врач» Х.Г. Конзалика.

Объектом исследования является тематика и проблематика творчества Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика в аспекте сравнительно-исторического анализа немецкоязычного концепта «Kriegszeit».

Предмет исследования – художественная реализация концепта «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» и Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач».

Материалом исследования являются тексты романов «Время жить и время умирать» Э.М. Ремарка и «Сталинградский врач» Х.Г. Конзалика. В целях осмысления особенностей мировоззренческих позиций Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика нами были использованы и другие произведения этих авторов, прямо либо косвенно затрагивающие тему войны: «На Западном фронте без перемен», «Возвращение», «Три товарища», «Возлюби ближнего своего», «Триумфальная арка», «Искра жизни» Э.М. Ремарка; «Штрафбатальон 999», «Они упали с неба», «Сердце 6-й армии», «Женский батальон», «Янтарная комната» Х.Г. Конзалика.

Гипотеза, нашедшая подтверждение в ходе исследования, состоит в том, что подходы Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика к оценке величайшей трагедии XX века, на фоне объединяющих анализируемые произведения комплексов устойчивых экзистенциальных образов и мотивов, имеют существенные различия, обусловленные несхожестью судеб и мировоззренческих позиций писателей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт «Kriegszeit» является одним из основополагающих мировоззренческих феноменов в концептосфере немецкой культуры с древнейших времен эпохи рыцарства. Он отражает притяжение германской этической мысли к оценке сущности войны с точки зрения ее оправдания, что обусловлено особенностями исторического процесса возникновения германского государства и формирования ментальности нации.

2. Художественное своеобразие смыслового наполнения концепта «Kriegszeit» обусловлено его фреймовой структурой, построенной на основе когнитивных метафор («Kriegszeit – субъект», «Kriegszeit – объект», «Kriegszeit – состояние»). Ассоциативный уровень концепта формируется устойчивой парадигмой ассоциатов, репрезентирующих основные образы военного времени и распадающихся по центральным темам анализируемых романов (бытия и небытия, вины нации и индивидуальной ответственности, ложных и истинных ценностей).

3. Хронотоп войны, выступающий центральным в системе пространственно-временных координат обоих романов, является сюжетообразующим и формирует комплекс экзистенциальных мотивов, имеющих неодинаковую реализацию: репрезентанты контекстуальных фреймов «Kriegszeit – убийца» и «Kriegszeit – разрушитель» показывают, что в нарративе Э.М. Ремарка война отождествляется с абсолютным злом, катастрофой мирового масштаба, а у Х.Г. Конзалика война отражена трагедией прежде всего немецкого народа.

4. Репрезентация контекстуального фрейма «Kriegszeit – судья» отражает отношение авторов к проблеме «немецкой вины»: Э.М. Ремарк придерживается мнения о коллективной ответственности соотечественников, Х.Г. Конзалик – позиции о «чистом вермахте», исключая ответственность армии за военные преступления и возлагающей вину на карательные структуры Третьего рейха.

5. Выделение контекстуального фрейма «Kriegszeit – диктатор» выявляет различия в авторском восприятии авторитарных режимов Германии и СССР: Э.М. Ремарк отрицает любое проявление авторитаризма, Х.Г. Конзалик, подвергая резкой критике сталинский режим, восторгается политикой национал-социалистов, способствовавшей достижению германского «экономического чуда».

6. Э.М. Ремарк отражает разрушительный характер идеологии нацизма, превращающей соотечественников в «пещерных троглодитов». Х.Г. Конзалик занимает диаметрально противоположную позицию: образ солдата вермахта соотносится с носителем «высокой германской культуры» для народов оккупированных территорий (контекстуальный фрейм «Kriegszeit – культуртрегер»).

Теоретической основой послужили исследования, посвященные теоретическим вопросам, изложенным в диссертации:

работы по теории литературы и когнитивному анализу: Л.Е. Адясовой, Ю.Д. Апресяна, С.А. Аскольдова-Алексеева, М.М. Бахтина, Н.С. Болотновой, В.С. Демьянкова, Е.В. Дзюбы, В.Г. Зинченко, В.Г. Зусмана, В.И. Карасика, З.И. Кирнозе, В.В. Колесова, Д.С. Лихачева, Л.В. Миллер, Р.И. Павелёниса, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, И.А. Тарасовой, Л.О. Чернейко и др.;

труды философов, посвященные фундаментальной проблеме войны и мира: Аристотеля, Ф. Бэкона, Гераклита, Г. Гегеля, Геродота, Г. Гроция, К. Гельвеция, П. Гольбаха, В. Гюго, И. Канта, Клаузевица, Ф. Лассалья, Д. Локка, Н. Макиавелли др.

Методологическая база исследования. Методологической основой исследования является диалектический метод научного познания, предполагающий изучение явлений и процессов объективной действительности в их развитии и взаимосвязи, в рамках которого использованы общенаучные методы познания и частнонаучные методы. Биографический метод позволил установить связи между биографией

авторов и особенностями их произведений. Культурно-исторический метод позволил рассмотреть исследуемые произведения с учетом особенностей культурно-исторических условий их создания. Структурный метод использован для определения состава и наполнения лексико-семантических полей концепта. Метод когнитивного анализа позволяет выявить глубинный смысл, свернутую смысловую структуру текста, суммировать знания и представления. Сравнительный метод использован для выявления элементов тождества и различия реализации концепта в авторских картинах мира.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что в нем существенно расширены семантические границы концепта «Kriegszeit» с учетом национальной традиции, впервые осуществлен компаративистский анализ творчества Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика с помощью выделения общего для их военной прозы центрального концепта «Kriegszeit». Указанный подход, сочетающий методы сравнительного литературоведения и элементы когнитивного анализа (использование концепта в качестве инструмента исследования), позволил проанализировать тексты, уточнить и объяснить диаметрально противоположные политические позиции писателей по вопросу «немецкой вины» во Второй мировой войне.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в практике вузовского преподавания литературоведения, истории зарубежной литературы, в разработке специальных курсов, посвященных творчеству немецких писателей.

Объективность и достоверность результатов и выводов исследования определяется полнотой материала исследования, объемом проанализированных источников, применением научного инструментария, соответствующего цели и задачам исследования. Положения и выводы подробно аргументированы и подкреплены фактическими данными.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует паспорту

специальности 5.9.2 «Литературы народов мира» по следующим пунктам:

1. История литератур народов мира (за исключением русской литературы, литератур народов РФ и литературы русского зарубежья XX века). Динамика и закономерности литературного процесса за рубежом, его периодизация;
2. Генезис, развитие, функционирование и типология литературных явлений (жанров, стилей, форм, направлений, течений, школ, приемов, образов, тем и т. д.) в литературах народов мира;
3. Поэтика писателей, литературных произведений, тропов, приемов, жанров, литературных направлений, течений, школ, художественных систем в литературах народов мира;
7. Статус выдающихся зарубежных писателей прошлого и современности в национальной и мировой литературе, тематика, проблематика и поэтика их творчества.

Апробация работы. Материалы исследования отражены в десяти научных публикациях, четыре из которых в изданиях, включенных в перечень ВАК. Основные положения диссертации докладывались на научно-практических конференциях: Международной научной конференции «Автор – текст – читатель: теория и практика анализа» в рамках Седьмых научных чтений «Калуга на литературной карте России» (Калуга, 2020), XXVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2020), «Вторых калужских университетских чтениях» (Калуга, 2020), IV Национальной научно-практической конференции (Москва, 2020), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора А.Л. Зеленецкого (Калуга, 2021), Международной научной конференции «Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве» в рамках Восьмых научных чтений «Калуга на литературной карте России» (Калуга, 2022).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих девять параграфов, заключения и списка использованной литературы.

Глава I

Концепт «Kriegszeit» в историко-литературном контексте немецкой литературы

1.1. Концепт как инструмент когнитивного анализа художественного текста

С точки зрения этимологии, слово «концепт» восходит к латинскому «conceptus», что означает «понятие, мысль, представление» [218]. Философы понимают под концептом акт схватывания смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания [222, с. 306]. В философских трактатах П. Абеляра использовано выражение «концепт (conceptus) в душе слушателя» [53, с. 250], которое трактуется им как понимание произнесенной речи. И. Кант, анализируя процесс познания, использует триаду «восприятие – рассудок – разум». Понятие разума у И. Канта ассоциируется с рациональным пониманием «conceptus ratiocinatus», а восприятие и рассудок, не имеющие объективного значения, – с рационализирующим пониманием «conceptus ratiocinans» [99, с. 300]. Таким образом, по И. Канту, познание может быть как интуитивным – на уровне восприятия и рассудка, так и концептуальным – на уровне мыслительного процесса.

Немецко-немецкий словарь [231] содержит несколько вариантов интерпретации термина «Konzept»: версия (черновик), план, идея. Исходя из многовариантности трактовки этого термина, можно говорить о возможности его использования в словосочетаниях, означающих незавершенный (вероятный) результат. Для четкого определения чего-либо, отражения самой сути в немецком языке используется термин «Begriff», переводимый на русский язык как «понятие».

Схожая трактовка лексемы «concept» имеет место в толковых англо-английских словарях – «некая идея о том, как что-то происходит, или как что-то должно быть сделано» [232].

Лексема «концепт» в русскую речь была введена С.А. Аскольдовым-Алексеевым в статье «Концепт и слово» (1928). Под концептом понималось мысленное образование, замещающее в процессе мыслительной деятельности неопределенное множество предметов одного и того же рода [30]. Но уже в словаре Д.Н. Ушакова (1935) оно получило иное толкование – «общее понятие, общее представление» [228]. Очевидно, это связано с переносом значения латинского «conceptus», определяемого как понятие. Такое толкование послужило тенденцией к дальнейшему употреблению слова «концепт» в качестве синонима слова «понятие». Однако заметим, что в иных словарях слово «концепт» отсутствовало вплоть до восьмидесятых годов XX века. В частности, словарь С.И. Ожегова (1972) включал слово «концепция», толкуемое как система взглядов на что-нибудь, основная мысль [223]. В Большом современном толковом словаре русского языка «концепт» трактуется как изначальная идея, замысел, проект [230].

К началу 1990-х гг. термин «концепт», обозначающий основную единицу когнитивной деятельности, находит применение в ряде гуманитарных отраслей знания – философии, культурологии, искусствознании, лингвистике и литературоведении. Краткий словарь когнитивных терминов (1996) определяет термин «концепт» следующим образом: «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [220, с. 90].

Ю.Е. Прохоров, на основании интегрирования философских и лингвистических трактовок термина «концепт», выводит следующее определение: «Концепт – сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [49, с. 159]. По мнению В.В. Колесова,

концепт представляет собой философское, мировоззренческое, ценностное осмысление автором любого феномена [108, с. 106-109].

Отсутствие четкого отграничения термина «концепт» от смежных с ним терминов («понятие», «образ», «идея», «смысл» и пр.) привело к различным его толкованиям в филологических источниках. В исследованиях отдельных авторов (Н.Д. Арутюновой [56, с. 3], В.З. Демьянкова [33, с. 47] и др.) «концепт» и «понятие» нередко употребляются как синонимы. Диаметрально противоположной является точка зрения Л.Е. Адясовой: «Понятие – это категория логики, в то время как природа концепта сублогическая» [54, с. 19]. Термины «понятие» и «концепт», по мнению Л.О. Чернейко, означают разные по содержанию явления. Причем «концепт» шире по объему, чем «понятие», так как охватывает всю палитру значений слова и отражает «представление носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом» [182, с. 75]. По мнению Е.В. Дзюбы, концепт есть некая надстройка над «общим понятием», связанная с сенсорным, бытовым, социальным и культурным опытом человека [34, с. 127].

Основатель культурологического направления изучения концептов Ю.С. Степанов, проводя разграничение терминов «концепт» и «понятие», поясняет: «Концепт и понятие – термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии» [227, с. 43]. Подчеркивая отсутствие тождественности данных терминов, он замечает: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Там же]. По мнению ученого, «...концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Там же].

Неоднозначными являются подходы ученых к разграничению понятий, обозначаемых терминами «концепт» и «образ». Т.А. Корнеева считает эти термины синонимичными, обозначающими «мировоззрение писателя, его предыдущий опыт, восприятие и отношение к миру» [38, с. 217-218]. Е.А. Постникова заключает, что «концепт» является гиперонимом, так как способен фиксировать в себе образ [48, с. 147]. Эту позицию разделяет В.Г. Зусман, полагающий, что художественный концепт – «это такой образ, символ или мотив, который имеет “выход” на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [35, с. 14]. Относя феномены «концепт» и «образ» к разным уровням авторского сознания, И.А. Тарасова придерживается мнения, что «образ как аналоговая репрезентация предполагает синтетичность, концепт – анализм» [52, с. 743]. Разграничивая понятия «концепт» и «образ», М.А. Дубовицкая отмечает: «Концепт является смысловой доминантой, охватывающей социальный, культурный и исторический аспекты... образ является литературным художественным средством отражения концепта» [91, с. 53].

В диссертационном исследовании В.Г. Тимофеевой [160, с. 7] указывается на синонимичность и взаимозаменяемость слов «концепт» и «идея». По нашему мнению, идея не содержит интерпретационного поля, присущего концепту. Она может выступать неким первоначальным «наброском» концепта. Если идея может иметь абстрактный характер, то концепт – это более развитое ментальное представление чего-либо (воплощение идеи в связную структуру). Концепт характеризует акт (процесс) понимания и его результат.

Мыслительная деятельность, психические процессы, выполняющие функции рационального познания, отражены в большинстве дефиниций концепта. В интерпретативной теории Р.И. Павилёниса концепт определяется как нечто общее для всех или большинства носителей естественного языка, как часть концептуальной системы – то, что индивид думает, воображает,

предполагает, знает об объектах мира [46, с. 279-280]. По мысли В.И. Карасика, концепты, по сути, есть ментальные образования, которые представляют хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [36, с. 12-14]. Л.В. Миллер делает акцент на диалектике узуального и индивидуального, интерпретируя понятие «концепт» следующим образом: «...универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [44, с. 42]. Н.С. Болотнова [31], И.А. Пушкарева [145], С.М. Карпенко [101], А.А. Васильева [73] используют подход к концепту как к смысловой структуре, «кванту знания». По мысли О.В. Беспаловой, художественный концепт – это «единица сознания, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [65, с. 6]. В.Б. Волкова дает схожую дефиницию концепта: «ментальное образование, отражающее особенности авторского типа мировосприятия, черты языковой личности писателя» [75, с. 18].

По мысли С.М. Мацкевич, объективированный в художественном произведении концепт неразрывно связан с концептосферой народа, являясь ее частью в соответствии с законами диалектики [123, с. 44]. Подобной точки зрения придерживается М.А. Дубовицкая, которая отмечает: «Художественный концепт предстаёт наиболее полным, богатым и наполненным смыслом образованием, одновременно генерализирующим весь имеющийся опыт и выражающим персонализированную точку зрения определённого временного среза эпохи. Художественный концепт является авторской единицей сознания, выведенной из общей коллективной культурной целостности с отсылкой на духовные и культурные ценности, представленные в семантическом пространстве языка, и представляет собой персонализированные элементы архетипичного образа» [90, с. 74].

В.В. Прозоров, формулируя определение художественного концепта, отталкивается от одного из основных литературоведческих понятий – «мотив». Определяя мотивы как «общность рассеянных и разнородных концептных смыслов, обретших текстуальные формы» [143, с. 68], он приходит к следующему заключению: «Если мотивы – это нити, составляющие ткань текста, то концепт – это игла, которая заставляет нити ткать тот или иной узор» [Там же].

Д.С. Лихачев на основе общегуманитарного подхода к исследованию проблемы дает следующую дефиницию концепта: «Концепт – есть мысленное образование, которое замещает нам во время мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [40, с. 20]. Им введены понятия «концептосфера» и «концептоноситель». Концептосфера, по Д.С. Лихачеву, есть «совокупность концептов нации, которая образована всеми потенциями носителей языка» [Там же. С. 5]. Под концептоносителем понимается конкретный человек, сознание которого способно присваивать концепты и владеть ими [Там же. С. 3]. Несомненно, данный посыл означает возможность существования не только индивидуально-авторских концептов, но и концептов, возникающих в сознании исследователя (как читателя, обладающего определенным культурным диапазоном). Подобной точки зрения придерживается Р. Барт, утверждающий, что «автор и читатель, находясь в ситуации своеобразного диалога, создают новые смыслы» [59, с. 33]. При этом исследователь движется в направлении, обратном авторскому – от материальной данности художественного текста к раскрытию авторского замысла. В этом смысле концепты можно интерпретировать как единицы коллективного сознания.

Е.В. Дзюба, систематизируя основные направления исследования в концептологии, полагает, что художественные концепты и лингвокультурные концепты (лингвокультуремы) следует изучать в рамках единого лингвокультурологического направления изучения концептов [34, с. 120]. При этом основанием для вычленения в лингвокультурологическом

направлении двух самостоятельных сфер исследования (лингвокультурных и художественных концептов) выступают непосредственно объекты – материалы, к которым обращается исследователь. Если материалом исследования художественных концептов выступают сугубо художественные тексты, то материалом исследования лингвокультурных концептов (лингвокультурем) могут быть национальные языки, произведения фольклора, паремийный фонд и произведения национальной литературы [Там же].

И.А. Тарасова, исходя из тенденций современной научной парадигмы, предполагает, что «художественный концепт» может использоваться в качестве междисциплинарного термина. В связи с этим непосредственной задачей филологических наук исследовательница считает «деактуализацию методологии концептуального анализа в лингвистике и ее разработку – в литературоведении» [52, с. 745]. Тенденцию использования термина «концепт» в современных литературоведческих исследованиях отмечает Н.В. Володина, понимающая под концептом смысловую структуру, воплощенную в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда и обладающую культурно-значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой [32, с. 19]. С.Х. Ляпин определяет концепты как «самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный базис» [42, с. 32].

На основании всего вышесказанного нам представляется, что определения художественного концепта, данные Ю.С. Степановым и Д.С. Лихачевым с позиций общегуманитарного подхода, наиболее полно отражают его суть не только как феномена культуры, но и как средства общения автора и читателя, способа освоения культурных ценностей. Логические конструкции обоих авторов позволяют говорить не только об индивидуально-авторских концептах, но и о концептах, возникающих в

сознании «обычного человека, не являющегося творцом культурных ценностей» – концептах коллективного сознания.

Большинство исследователей, рассматривая структуру концепта, разграничивают в его наполнении центр (ядро) и периферию. В.И. Карасик называет ядро концепта ценностно-акцентуированной точкой сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. По мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций [37, с. 79]. Согласно И.А. Стернину, ядро имеет многослойную структуру, представленную базовым слоем и совокупность когнитивных слоев, а периферия («интерпретационное поле») есть «совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [50, с. 61]. Исследуя структуру концепта, Е.В. Дзюба заключает: «Концепт является дискретной единицей, включающей набор иерархически организованных (ядерных и периферийных) когнитивных признаков. Разграничение в содержательной структуре концептов универсального, национального и индивидуального компонентов позволяет выявить этнокультурную специфику концептов при их сопоставлении в разных лингвокультурах или обнаружить индивидуально-авторские особенности представлений о мире у разных поэтов и писателей при сопоставлении разных художественных картин мира» [34, с. 155]. И.Р. Гальперин, исследуя структуру концепта, выделяет фактуальный и образный компоненты: «Фактуальный компонент концепта хранится в сознании в вербальной форме и воспроизводится в речи, а образный имеет невербальную природу и поэтому может быть только интерпретирован» [77, с. 27-28]. По мнению Ю.С. Степанова, структура концепта может быть представлена тремя компонентами: основным, дополнительным и этимологическим. Основной компонент выступает средством коммуникации определенной нации, народа, народности, так как известен всем представителям этнической общности. Дополнительный

компонент доступен для представителей определенной социальной группы (конкретного микросоциума). Третий компонент (этимологический признак) наименее актуален для концептоносителей любой культуры [227, с. 40-43]. Точки зрения о трехмерной структуре концепта придерживается и С.Г. Воркачев, который выделяет понятийную, образную и значимостную составляющие: «Первая отражает дефинитивную структурную часть концепта, вторая – фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании, третья – определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [76, с. 46]. По мнению В.А. Масловой, в структуре концепта можно выделить пять элементов: «общечеловеческий (универсальный), национально-культурный; социальный, групповой, индивидуально-личностный» [43, с. 54]. И.А. Тарасова выделяет шесть слоев в структуре концепта: «предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический, ценностно-оценочный» [51, с. 51]. При этом понятийный слой несет в себе базовую основу, а остальную часть концепта занимают коннотативные приращения, возникающие в среде носителей языка. М.В. Зацепина предлагает полевую структуру концепта, в которой центром (ядром) поля выступают ключевые лексемы-репрезентанты, «по мере удаления от центра в поле концепта появляются синонимы и антонимы ключевой лексемы; периферию концепта могут составлять фразеологические сочетания и этноспецифичные единицы» [96, с. 24]. В.И. Карасик [37, с. 77-78], Е.А. Липина [112, с. 9] и О.Е. Похаленков [139, с. 33] выделяют следующие составляющие в структуре концепта: понятийную (ядро), образную, ассоциативную и ценностную, являющуюся, по мнению авторов, определяющей.

Кроме указанного выше способа построения концепта по принципу «центр – периферия», в литературоведческих исследованиях находит широкое применение метод фреймового структурирования, разработанный М. Минским [45, с. 34]. В.З. Демьянков термином «фрейм» обозначает «единицу знаний, организованную вокруг некоего понятия, содержащую

данные о существенном, типичном и возможном для представления стереотипной ситуации» [220, с. 187-189]. Схожая дефиниция фрейма предложена И.Ф. Баданян: «Фрейм представляет собой организующий элемент в восприятии и понимании окружающего мира и может пониматься как когнитивная структура данных для представления о явлениях, объектах окружающего мира, стереотипной ситуации и стереотипного речевого поведения» [58, с. 8].

З.Д. Попова и И.А. Стернин, исследуя типологию концептов, употребляют иной термин – «сценарий» («скрипт»), которым обозначают последовательность стереотипных смен событий. «...Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов» [47, с. 84]. Преимущество фреймового представления концепта, по мнению В.З. Демьянкова, «объяснимо наличием достаточно четкой структуры фрейма, включающей совокупность элементов ситуации, которые конкретизируют определенный аспект фрейма, отражают в отдельном виде отношения, характеризующие объекты и события» [220, с. 187-189].

Таким образом, осуществленный нами обзор схем и принципов ведения когнитивного анализа, изложенных в работах С.Г. Воркачева, Е.В. Дзюбы, В.Г. Зусмана, В.И. Карасика, Е.А. Липиной, В.А. Масловой, О.Е. Похаленкова, Ю.С. Степанова, И.А. Тарасовой, позволил для анализа концепта «Kriegszeit» взять за основу его интегративное представление с учетом многослойной фреймовой структуры и разработать следующую схему когнитивного (концептуального) анализа:

1) рассмотрение этимологии компонентов «Krieg» и «Zeit» концепта «Kriegszeit» на материале этимологических словарей;

2) анализ русских и немецких толковых словарей, энциклопедических словарей, словарей синонимов и антонимов с целью выявления информационного поля концепта и выделения его основного значения;

3) анализ интерпретационного поля концепта;

4) контекстуальный анализ сочетаемости лексем, связанных с темпоральной семантикой, и лексем, связанных с военным временем на ассоциативном уровне;

5) построение модели концепта с использованием мотивно-фреймовой структуры;

6) интерпретация ассоциативного, образного и оценочного компонентов концепта посредством контекста.

На создание ассоциативного и образного полей концепта оказывают значимое влияние такие компоненты художественного текста, как художественное время и художественное пространство. Художественное время, по мнению Д.С. Лихачева, это такое время, «которое писатель сам творит в своем произведении» [39, с. 76]. Художественное время – это не только образная модель действительности, реальной или ирреальной, объективной или субъективной, это еще и средство выразительности. Это определенная модель действительности, в которой сочетаются реальное и вымысел. В этом смысле содержание художественного времени характеризуется многозначностью: это и время событий, из которых складывается сюжет, и восприятие времени героями произведения, и авторская концепция времени, отражающая его временную позицию по отношению к изображаемым событиям. Художественное время, по образному выражению З.Я. Тураевой, есть форма бытия художественного мира [163, с. 14]. Осмысляя феномены войны и времени, А.С. Грачев отмечает: «Все в нашей действительности происходит с течением времени, и война здесь не исключение. Когда состояние реальности переходит от мира к войне, то люди начинают мерить время, отталкиваясь от этого состояния. Несмотря на то, что война протекает в объективном для всех времени, она также имеет свое уникальное время, по которому функционирует все, так или иначе с ней связанное» [84, с. 364].

Художественное пространство, по мнению Ю.М. Лотмана, является моделью мира автора, выраженной на языке пространственных

представлений [116, с. 251]. Подчеркивая роль пространственных отношений в осмыслении действительности, он отмечает: «Самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира, при помощи которых человек осмысляет окружающую его жизнь, оказываются неизменно наделенными пространственными характеристиками» [41, с. 212]. Пространство, по мнению О.Е. Похаленкова, «не только может выражать непространственные смыслы, но и придавать пространственную семантику изначально непространственным явлениям и вещам» [139, с. 35].

Художественная литература имеет в большей степени связь со временем, а не с пространством. В этой связи в художественном тексте может присутствовать пространственная неопределенность. Наиболее рациональным приемом определения взаимосвязи временных и пространственных отношений в художественном произведении, по-нашему мнению, является интегральный подход М.М. Бахтина, который для определения пространственно-временной связи ввел термин «хронотоп»: «Время приобретает ... чувственно-наглядный характер; сюжетные события в хронотопе конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью. О событиях можно сообщить, осведомить, можно при этом дать точные указания о месте и времени его свершения. Но событие не становится образом. Хронотоп же дает существенную почву для показа-изображения событий. И это именно благодаря особому сгущению и конкретизации примет времени – времени человеческой жизни, исторического времени – на определенных участках пространства» [60, с. 403].

1.2. Концепт «Kriegszeit» в концептосфере немецкой культуры: исторический аспект

Первостепенную роль в раскрытии понятийного слоя концепта играет семантика лексем, служащих для его номинации, – существительного «Kriegszeit» и производящих слов «Krieg» и «Zeit».

Этимологический анализ слова «Krieg» показывает, что оно происходит от древневерхненемецкого «chrēg», что означает «Hartnäckigkeit» (упрямство, упорство, настойчивость). В средневерхненемецком языке кроме изменения письменной формы слова – «kries» – появились и новые смысловые оттенки: «Anstrengung» (тяготы), «Bemühen» (усилия, старания), «Streben» (стремления, побуждения), «Streit» (спор, ссора, столкновение), «Widerstand» (сопротивление), «Zwietracht» (раздор, разлад), «Kampf» (борьба) [233, S. 894]. Значение слова «Zeit» происходит от древневерхненемецкого «zīt», что соответствует современному «Abschnitt» (отрезок; период времени) и отражает «сугубо математическую функцию деления пространства и времени» [Ibid. S. 1688].

В соответствии с современным словарем Wahrig, лексема «Krieg» имеет два значения: «bewaffnete Auseinandersetzung zwischen Staaten, Stämmen oder Völkern» и «ständiger Kampf, dauernde Feindschaft». Эти значения имеют схожий смысл – «вооруженный конфликт, борьба, вражда между сторонами», однако во втором значении период противостояния (конфликта, вражды, борьбы и т. д.) характеризуется длительностью во времени [Ibid. S. 894]. Словарь Duden толкует лексему «Krieg» более развернуто: «mit Waffengewalt ausgetragener Konflikt zwischen Staaten, Völkern; größere militärische Auseinandersetzung, die sich über einen längeren Zeitraum erstreckt» [231], по сути, объединяя в единой дефиниции обе трактовки, данные в словаре Wahrig.

Таким образом, центральным звеном в дефинициях слова «Krieg», представленных в обоих словарях, является наличие вооруженной борьбы (конфликта) между враждующими сторонами, которая носит длительный характер².

Слово «Zeit» в используемых нами источниках имеет большую палитру значений. В словаре Wahrig отмечены следующие значения данной лексемы:

² Очевидно, что под вооруженным противостоянием сторон в настоящее время можно понимать и состояние «холодной войны», в котором мощным оружием выступают информационно-пропагандистские и иные средства.

«ablauf des Geschehens, Nacheinander des Erlebens» (ход событий, последовательность пережитого), «aufeinanderfolge der Ereignisse» (последовательность событий), «bestimmter Abschnitt dieses Ablaufs, Zeitraum; Zeitalter, Epoche» (определенный период события, времени; век, эпоха), «jahreszeit, Tageszeit» (время года, дня), «bestimmter Augenblick dieses Ablaufs, Zeitpunkt» (определенный момент), «minuten, Stunden, Wochen» (минуты, часы, недели), «uhrzeit» (показания часов) [233, S. 1687]. Словарь Duden интерпретирует «Zeit» в следующих значениях: «Ablauf, Nacheinander, Aufeinanderfolge der Augenblicke, Stunden, Tage, Wochen, Jahre» (течение времени, часов, дней, недель и т. д.), «Zeitpunkt; eng begrenzter Zeitraum; Uhrzeit; Einheitszeit, Normalzeit» (момент; интервал времени; показания часов; средневропейское время, поясное время), «Zeitraum, Zeitabschnitt, Zeitspanne» (период, промежуток времени), «Zeitform, Tempus» (временная форма) [231].

Следовательно, употребление слова «Zeit» применительно к военным событиям, в соответствии с обоими словарями, подразумевает значения «ход и последовательность событий», «определенный период», «момент времени».

Примечательно, что в словарном фонде современного немецкого языка, наряду с лексемами «Krieg» и «Zeit», присутствует самостоятельная лексема «Kriegszeit». Слово «Kriegszeit» в немецко-немецком словаре Wahrig «Deutsches Wörterbuch» трактуется как «Zeit, in der Krieg geführt wird» (время, в которое ведется война) [233, S. 895]. Словарь Duden дает следующее толкование этой лексеме: «Zeit, in der Krieg herrscht» (время, когда господствует война) [231].

Исследование процесса формирования немецкой языковой картины мира как культурного феномена немислимо без учета исторического пути германского народа. Исторические реалии появления германской государственности легли в основу теории насилия, развитой немецкими философами К. Каутским, Е. Дюрингом и др. Эта теория обосновывает появление германского государства военно-политическими факторами –

захватом и порабощением северных римских земель древнегерманскими племенами. По мысли К. Каутского, «Государство есть организация властвования завоевателей в целях поддержки и упрочения своего господства над покоренными» [107, с. 72]. По мнению Г.В. Ражнева, на формирование менталитета немецкого народа «больше всего повлияли рыцарство, геополитика, культура и философия» [148, с. 26]. Все это обуславливает значимость концепта «Kriegszeit» в общекультурном достоянии немецкой нации.

Исследователь истории древних германцев Э. Ренан отмечал: «Чем были германские народы во время своих великих нашествий в V веке вплоть до последних норманнских завоеваний в X веке? Они мало изменили сущность рас, но навязали династию и военную аристократию более или менее значительным частям старой Западной империи, которые получили имена рас завоевателей» [149, с. 91-92].

Исторические корни концепта «Kriegszeit» тесно связаны с немецкой культурой периода рыцарства (XIII–XVI вв.). Создание рыцарских орденов отвечало насущным потребностям германского общества в условиях феодализма. Отдельные черты национального характера (агрессивность, упорство и стойкость) вошли в рыцарские кодексы средневековой Германии. Имя немецкого короля Ф. Барбаросса, в годы правления которого Германия имела самую боеспособную армию в Европе, нашло достаточно яркое отражение в немецком фольклоре. Превосходство «немецкого боевого духа» и образ идеального воина запечатлелись в древнегерманских литературных памятниках. Первенство «белокурого героя», его твердость, непоколебимость, бесстрашие и презрение к врагам ярко отражены в эпической поэме «Песнь о Нибелунгах». Эти черты немецкого рыцарства образно запечатлены также в гравюре А. Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол» (XVI в.). Композитор Р. Вагнер (XIX в.), говоря о специфике немецкого менталитета, писал: «Там, где француз работает ради славы, а итальянец ради заработка, немец трудится ради короля Пруссии» [72, с. 158]. Раскрывая

сущность «немецкого духа», Р. Вагнер отмечает: «То, что у других народов вело к соглашениям, к практическому обеспечению тех или иных выгод путем подчинения – не может быть определяющим началом для немцев: в то время, когда Ришельё заставил французов примириться с принципом политической выгоды, немецкий народ предпочел погибнуть» [Там же. С. 159]. Философское обоснование воинственности немецкой нации дано в трудах И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, К. Шмитта и других немецких мыслителей.

Анализируя особенности «германского боевого духа», А.А. Флакман замечает: «Принимая во внимание тяжелые условия жизни, опасность и постоянные столкновения, можно вести речь о существовании концепта “война” в культуре германцев средневекового периода времени. Этот концепт составляют такие черты национального характера, как воинственность, жестокость, кровожадность и агрессивность» [165, с. 150]. На протяжении столетий менталитет германцев ориентировался на расширение геопространства. Германская доктрина середины XIX в. «Drang nach Osten» отражает сущность менталитета немцев как народа-завоевателя. По мнению русского генерала А.А. Брусилова, «германцы – военная нация, у которой голова давно закружилась от военных успехов 1864–1866 гг. и в особенности 1870–1871 гг.» [71, с. 73].

Появление в XIX в. мощного социалистического движения, развивавшегося параллельно марксистскому интернационал-социализму, явилось предтечей германского национал-социализма. Сотрудничество социалистов с правительством определило постулаты «германского духа» в преддверии Первой мировой войны: колониализм, расизм, иерархия народов. Идея господства одного народа над другим была естественным последствием века колониализма. По мнению А. Фененко, «расовая теория национал-социализма стала лишь крайней и доведенной до радикализма идеологией предшествовавшего столетия» [164].

Таким образом, концепт «Kriegszeit» органично корреспондируется с особенностями немецкого менталитета, такими как верность воинскому долгу, презрение к врагу и уверенность в победе над противником, непоколебимость духа и упорство.

Понятийный слой концепта «Kriegszeit» раскрывают также пословицы и поговорки немецкого народа на тему войны. Пословицы и поговорки, являясь частью культуры и быта, выступают средством выражения мысли, наиболее точной передачи информации о том или ином явлении человеческой жизни. Они отражают в себе исторический опыт нации, проверенный многими поколениями. Пословицы и поговорки можно назвать эмоционально-понятийным обобщением жизненного опыта народа. Являясь квинтэссенцией коллективного разума, они содержат в себе «рациональное зерно, которое всегда подскажет тот или иной выход из сложной ситуации» [92, с. 5].

В большинстве пословиц и поговорок отражается антигуманная сущность войны: «Krieg verzehrt, was Friede beschert» (война уничтожает то, что дарит мир), «Ein schlechter Friede ist besser als ein gerechter Krieg» (худой мир лучше доброй ссоры) [171, с. 142]. В некоторых пословицах раскрываются причины войн и обличаются лица, их проповедующие: «Geld führt den Krieg» (деньги ведут войну), «Wer Krieg predigt, ist des Teufels Feldprediger» (кто проповедует войну, тот священник дьявола) [Там же]. Есть и такие, которые содержат рекомендации, как поступать в условиях возникновения опасности для жизни, или снимают любые табу, касающиеся поведения человека в период военного времени: «Im Krieg ist jedes Loch ein Bunker» (в войну каждая дыра – бункер), «In der Liebe und im Krieg sind alle Mittel gestattet» (в любви, как на войне, все средства хороши) [Там же].

В пословицах о времени четко отражаются особенности психологии и жизнедеятельности человека в условиях войны: «Die Zeit ist der beste Arzt» (время – лучший лекарь), «Die Zeit heilt alle Wunden» (время залечивает все раны), «Die Zeiten ändern sich, und wir ändern uns mit Ihnen» (меняются

времена, и мы меняемся вместе с ними), «Mit der Zeit gewöhnt man sich an alles» (со временем ко всему привыкают), «Andere Zeiten, andere Sitten» (другие времена, другие нравы) [Там же. С. 143].

Таким образом, проведенный анализ ядра и понятийного слоя концепта «Kriegszeit» отражает его органичную связь с историческим опытом и культурой германской нации. Наличие в словарном запасе немецкого языка, кроме лексем «Krieg» и «Zeit», самостоятельного термина «Kriegszeit» обусловлено особенностями исторического пути немецкого народа.

1.3. Дилемма войны и мира в европейском историософском дискурсе

Война, являющаяся неизменным спутником человечества, не могла не вызывать интереса у представителей различных направлений научной мысли. Исследованию феномена войны посвящены не только работы ученых-полемологов, но и труды философов и историков.

За пять тысяч лет мировой истории, как показало проведенное В.В. Серебрянниковым исследование, произошло около пятнадцати тысяч войн. Анализируя войны, происходившие с конца XIX века по конец XX века, исследователь получил следующую закономерность распределения среднего показателя вооруженных конфликтов на временных отрезках: до Первой мировой войны – 2; в период между мировыми войнами – 4; в 1946–1990-е гг. – 8; в последнее десятилетие XX века – 35 [155, с. 13]. Полученный В.В. Серебрянниковым ряд можно интерпретировать как геометрическую прогрессию со знаменателем, равным двум (до 1990 г.). Последнее десятилетие XX века характеризовалось четырехкратным увеличением числа военных конфликтов.

Изучение феномена войны как социального явления имеет давнюю философскую традицию. Уже в V веке до нашей эры Фукидид, анализируя причины Пелопоннесской войны, приходит к выводу о том, что война является следствием моральной деградации людей. Согласно Фукидиду, источник войны находится в самой природе человека, неподвластной каким-

либо историческим изменениям: «Человеческая натура, всегда готовая преступить законы, теперь поправа их, с радостью выявила необузданность своих страстей» [179, с. 62]. По мысли Геродота, человек, предпочитающий войну миру, является неразумным. Время военное историк отличает от времени мира следующим признаком: «В мирное время сыновья погребают отцов, а на войне отцы – сыновей» [81, с. 39].

Отношение философов к сущности войны весьма неоднозначно. Оценка феномена войны с позиции основных этических категорий добра и зла разделила историософскую мысль на три направления: апологетику (Гераклит, Аристотель, Н. Макиавелли, Г. Гегель, К. Клаузевиц, П. Прудон, Ф. Лассаль, Х. Мольтке, Ф. Ницше, В. Соловьев, Ю. Эвола и др.), пацифизм (Геродот, Платон, Э. Роттердамский, Б. Паскаль, К. Гельвеций, П. Гольбах, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, В. Гюго, Л. Толстой, С. Франк и др.) и плюрализм (Ф. Бэкон, Г. Гроций, Д. Локк, Н. Бердяев, И. Ильин, Л. Карсавин и др.) [85; 130].

Гераклит полагал, что именно войне обязано человеческое общество и государство своим возникновением и процветанием, так как она создает между людьми правильные отношения, разделяя людей по рангам и ценностям [120, с. 257]. По мысли Гераклита, «война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, одних творит рабами, других – свободными» [166, с. 202]. Заметим, что подобные идеи высказывались сторонниками «революции справа» – политического движения в Германии в начале XX века: О. Шпенглером, Э. Юнгером, К. Шмиттом, М. Хайдеггером, О. Шпанном и др. [152, с. 287]. Война рассматривалась ими в качестве способа освобождения общества от «порочных» людей, пришедших к власти в мирное время.

Никколо Макиавелли в труде «Государь» главнейшим фактором для достижения политических целей государства называет наличие боеспособного войска и развитие военной науки. Чтобы справиться с возникающими трудностями, государь должен обладать личной доблестью:

«кто меньше полагался на милость судьбы, тот больше удерживался у власти» [119, с. 18]. Справедливой философ называет ту войну, которая необходима. Достаточно интересен его подход к стратегии власти по отношению к завоеванным территориям: «Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя» [Там же. С. 8]. По сути, автор излагает свое видение методов управления государством и реализации внешней политики – завоевания других народов, в котором любые средства оправдывают цель.

Томас Гоббс, исходя из сущности человеческой природы, не ориентированной на заботу о других людях, выводил неизбежность войн «всех против всех» [83, с. 168]. В соответствии с этим обеспечение состояния мира возможно только в государстве с сильной властью. Для мирного сосуществования гражданам такого государства необходимо отказаться от исконных прав человеческой природы в пользу властей.

Гегель, трактуя историю человечества как череду неслучайных событий, рассматривает войну как результат противоречий между нациями, которые не могут быть разрешимы мирным путем. Отсюда делается вывод о том, что независимость государства может быть обеспечена наличием сильной армии. Основываясь на том, что феномен войны внутренне присущ человечеству, Гегель выводит «нравственный момент войны», который формулирует следующим образом: «Подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира» [78, с. 359].

Карл Клаузевиц в научном трактате «О войне», исследуя взаимосвязь войны и политики, говорит, что война есть продолжение политики иными средствами. Следуя Гегелю, он подчеркивает: «Лишь война может противодействовать той изнеженности, той погоне за приятными ощущениями, которые понижают дух народа, охваченного растущим

благополучием и увлеченного деятельностью в сфере усилившихся мирных отношений» [106, с. 212]. Война осмысливается автором как «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнять нашу волю» [Там же. С. 35]. Война, по Клаузевицу, имеет высшую политическую цель, которая оправдывается любыми средствами. Войну, в которую включается население, автор называет народной войной. Он подчеркивает непредсказуемость характера такой войны с помощью природных метафор: огонь, пожар в степи, туман. Полководец должен обладать набором моральных качеств, способствующих его успеху при столкновении с военными рисками и информационным хаосом. Клаузевиц провозглашает доминирование военной политики над прочими сферами жизни социума. Даже в мирное время государство должно помнить о войне, укреплять «военную машину», осуществлять ротацию военных кадров, привлекать на службу иностранных наемников [Там же. С. 110].

Вырождение либерально-демократических институтов, упадок христианской морали в XIX веке определили философскую концепцию Ф. Ницше, краеугольным камнем которой являлась дилемма добра и зла. Ситуация «смерти Бога» заставила Ф. Ницше пересмотреть реалии современного ему общества. Провозглашая основанную на силе мораль «сверхчеловека», Ницше приходит к выводу, что существующая демократия, ведущая к духовному обнищанию общества, является препятствием для появления «сильного духом» человека, который должен занять место Бога. Поиск средств избавления общества от поразившего его недуга философ видит в войне, которая выступает «средством лечения» общества и создания нового человека [128, с. 47]. Осмысливая феномен войны двуаспектно, Ницше пишет: «Против войны можно сказать: она делает победителя глупым, побежденного злобным. В пользу же войны можно сказать: в обоих этих действиях она варваризирует людей и тем делает их более естественными; для культуры она есть пора зимней спячки, человек выходит из нее более сильным для добра и зла» [129, с. 433].

В нашем исследовании Ф. Ницше мы отнесли к апологетам войны. Однако следует отметить, что было бы неверным согласиться с часто встречающейся точкой зрения о том, что философские взгляды Ф. Ницше явились основанием для построения идеологии национал-социализма. Антидемократизм, восхваление войны, презрение к слабым, провозглашение морали, основанной на силе, – эти мировоззренческие позиции философа, истолкованные обыденно, удачно использованы лидерами национал-социализма. Вероятной причиной достаточно вольной трактовки трудов Ф. Ницше, по нашему мнению, является афористичный язык философа.

Положительное отношение к войне в историософском представлении В.С. Соловьева является неким диссонансом в русской религиозной философии XIX века. Отрицая сложившиеся точки зрения на войну как неустранимое зло (религиозный пацифизм) и безусловное зло (религиозный плюрализм), В.С. Соловьев развивает собственную концепцию войны как неизбежного зла, допустимого в целях создания всемирного государства, которое должно положить конец всякой вооруженной вражде между народами. Формой правления во всемирном государстве, по В.С. Соловьеву, должна стать некая всемирная монархия. Первенствующую роль в этой «последней войне», в решении судеб человечества философ отводит России.

В.С. Соловьев не исключает возможности сохранения различных межгрупповых и межчеловеческих конфликтов в новом государственном образовании планетарного масштаба, но предполагает, что всемирное единство будет достигнуто путем единения всех конфессий. В работе «Оправдание добра» философ отмечает: «Смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть и нечто положительное – не в том смысле, что она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимою при данных условиях» [157, с. 462].

Диаметрально противоположная этическая оценка сущности войны содержится в трудах мыслителей, стоящих на позициях пацифизма. По

мнению древнегреческого философа Платона, война разрушает подлинную природу человека. Главные причины войны, по Платону, заключаются в человеческих склонностях к обману, жажде богатства, грабежу и насилию. Военные конфликты между полисами он сравнивает с хворью, поразившей Элладу. Понимая, что полностью избавиться от войны невозможно, Платон говорит о необходимости сделать греческие военные конфликты менее жестокими, подчинить их определенным нормам. Он ставит проблему допустимых средств ведения войны, выводит критерии разграничения справедливых и несправедливых войн. Справедливой (праведной) войной он считает ту, которая является оборонительной [137, с. 75].

Э. Роттердамский категорически отвергает войну как средство разрешения межгосударственных конфликтов. Отстаивая право человека на свободу, он исключает возможность применения насилия в любой форме. По мнению философа, люди, обладающие рассудком и нравственными принципами, могут и должны научиться договариваться о разрешении проблем мирным путем. Германец по своей принадлежности к империи, Э. Роттердамский не только не воспевал немецкий патриотизм, но и был чужд вообще всякому патриотизму. Главным признаком «справедливой войны» он называет ее освободительный характер. Признавая, что турецкая экспансия против европейцев несет упадок и разрушение, философ обосновывает необходимость противостояния агрессии, но подчеркивает важность толерантного отношения к мусульманам, называя их «почти христианами». В работе «Полезнейшие рассуждения о войне с турками» (1530) философ изображает турок варварами, не обладающими добродетелью и достоинствами, поэтому суть войны против них – это культурное противостояние [207, р. 209].

Краеугольным камнем гуманистической позиции Ж.-Ж. Руссо является тезис: люди от природы вовсе не враги друг другу [150, с. 201]. Стычки между отдельными лицами, дуэли, поединки, по сути, акты, не создающие никакого состояния войны. Говоря о причинах войн, он отмечает, что

состояние войны возникает не из отношений между людьми, а из отношений имущественных. Право убивать побежденных ни в коей мере не должно вытекать из состояния войны. Военная доблесть имеет значение лишь постольку, поскольку она помогает воспитывать добродетельных граждан. Всякий патриот суров к чужакам. Идея вечного мира, сформулированная философом, связана, прежде всего, с демократизацией жизни и устранением деспотизма. Он полагал, что «войны и завоевания, с одной стороны, и процесс деспотизма – с другой, взаимно содействуют друг другу; что в рабски покорном народе можно вдоволь черпать деньги и людей, чтобы поработать другие народы» [151, с. 164].

Для И. Канта война – это, прежде всего, нецивилизованное, неестественное состояние общества. Кант не допускает вмешательство одного государства в политическое устройство другого. По мысли философа, не могут быть оправданы бесчестные, неправомерные способы ведения войн (совершение актов терроризма в отношении лидеров государства, организация государственных переворотов и др.). Заглядывая в будущее, И. Кант полагает, что постоянные армии должны полностью исчезнуть. Нанимать людей, чтобы они убивали, это значит пользоваться ими как орудиями, что несовместимо с правами человека. Вместо регулярной армии, по мысли И. Канта, должно быть организовано «добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью защитить отечество в случае нападения» [98, с. 207]. С точки зрения И. Канта, карательная война между государствами немыслима. По мнению философа, для решения вопроса о том, быть войне или нет, требуется согласие граждан, так как все тяготы им придется взять на себя. В государствах, где нет народовластия (по Канту, это отсутствие республиканской формы правления), верховный глава может решиться начать войну по самым незначительным причинам, «равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать, приличия ради, какое-нибудь оправдание» [Там же. С. 211].

И. Гёррес в статье «Всеобщий мир – идеал» определяет войну как прекращение между находящимися в распри нациями политических отношений и наступление отношений военных. Войну на уничтожение Гёррес называет людоедской войной, высшей ступенью человеческой злобы. Война, по Гёрресу, это психологическая болезнь нации. Цель любого мира – это счастье народов. Философ исследует различные аспекты мирного сосуществования, рассматривая формальную и содержательную стороны этого феномена: «Только тот мир, который гарантирует народам благополучие на неограниченное время, может иметь смысл. Тот мир, который при своем рождении несет зародыш гниения – это нечто среднее между войной и миром, более тяжкое бремя, нежели сама война» [82, с. 267].

И. Гердер в работе «Письма для поощрения гуманности», исследуя причины войн, отмечает, что часто они начинаются вследствие прихоти монарха или интриг правительства. Таким войнам Гердер дает крайне отрицательную оценку: «Не вынужденная самооборона, а бездушное нападение на мирный соседний народ есть зверское, самое бесчеловечное начинание, которое угрожает истреблением и уничтожением не только народу, подвергшемуся нападению, но в равной мере и народу, развязавшему войну» [80, с. 254]. Гердер называет и ужасные последствия войн: болезни, лазареты, голод, распад семьи, упадок нравов. Слово «война» ассоциируется с безумием, землетрясением, инфекционными болезнями. Мыслитель разоблачает «ложное государственное искусство» правителей, использующих для захвата чужих территорий хитрость и обман. Попытки нарушить границы, обратить соседа в рабство, навязать ему свою веру, лишить его национальных святынь И. Гердер называет авантюрами.

Ф. Генц в статье «О вечном мире», анализируя феномен войны, отмечает, что война стала мощным импульсом для открытий в различных сферах научного знания, для расширения сфер человеческой деятельности, что в пылу сражения развивается ряд прекраснейших человеческих качеств (решительность, настойчивость, спокойствие в опасности, стойкость в

несчастье). Но все эти позитивные аспекты не могут сравниваться с ущербом, наносимым войной. Какие-либо расчеты и сравнения «пользы войны» и ущерба, наносимого войной, бессмысленны, если разум утверждает, что войны быть не должно, заключает Генц [79, с. 346].

Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» называет войну самым гадким делом в жизни, «противным человеческому разуму и всей человеческой природе событием» [161, с. 3]. Война, по Толстому, сложный, многофакторный процесс, неуправляемая игра «где не одна воля руководит безжизненными машинами, а где все вытекает из бесчисленного столкновения различных произволов» [Там же. С. 99]. Это результат бессилия власти и кризиса политики. Толстой разрушает традицию описания сражений с помощью приемов геометрической науки, сложившуюся в литературе эпохи Наполеоновских войн, им делается акцент на беспорядочность и бессистемность происходящего на поле боя. Исход сражений определяется в большей степени не волей высшего военного командования, а «духом войска». Военачальники (Александр I и Наполеон) показаны нерешительными, бездеятельными и даже беспомощными [162, с. 71].

С.Л. Франк называет Первую мировую войну противоречащей принципам интеллектуального мирозерцания русского человека. Для него важно найти смысл войны, разрешить нравственную антиномию, которую несет в себе любая война. По представлению Франка, война должна быть нацелена на борьбу со всем злом мира, но обернулась поражением, несчастьем и истощением каждой из воюющих сторон. В той ситуации, когда каждая сторона убеждена, что на ее стороне правда, «военные успехи суть лишь половинчатая победа... главный успех есть победа моральная» [169, с. 16]. Из максимы Франка «не противься злу злом» следует заключение о невозможности «бороться со злыми страстями возбуждением злых же страстей вражды и ненависти» [168, с. 435].

Плюралистический подход к нравственной оценке войны прослеживается в философской мысли конца Возрождения – начала Нового времени Ф. Бэкона, Г. Гроция, Д. Локка, Г. Лейбница, а также в трудах некоторых представителей русской религиозной философии.

Представитель естественной школы права Гуго Гроций исследует феномен войны сквозь призму правовых норм. Сдерживать войну, по мнению Гроция, способны международные договоры. За нарушение таких договоров должна быть предусмотрена кара, реализуемая с помощью применения военной силы: «война ведется против всех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке» [86, с. 50]. К справедливым войнам Гроций относит только те, которые морально допустимы, имеют правовую легитимацию. Целью такой войны может быть защита собственного суверенитета, интересов союзников, возвращение имущества и наказание преступника. Вынужденное применение насилия не противоречит христианской морали, но война – это крайнее средство. Гроций полагает, что «благочестивее и правильнее не воспользоваться правом на применение военной силы» [Там же. С. 547]. Однако характер насилия должен соответствовать мерам необходимой обороны. Любой непредсказуемый вред, наносимый противнику в справедливой войне, не подлежит компенсации, но философ не допускает участия в несправедливой войне даже по принуждению. Война не может быть вероломной, о ее причинах должны быть осведомлены все стороны конфликта.

Д. Локк, опираясь на естественное право, отмечает: «Можно уничтожить того, от кого исходит враждебность» [115, с. 272]. Право быть свободным, независимым, принадлежащее каждому человеку, присуще государству: «тех, кто пожелал бы отнять свободу, принадлежащую членам этого общества или государства, следует подозревать в умысле отнять у них и все остальное и, таким образом, считать находящимися в состоянии войны» [Там же. С. 272]. Естественному состоянию чуждо состояние войны, но, находясь в военном конфликте, «невиновная сторона имеет право

уничтожать другую при всякой возможности до тех пор, пока нападающий не предложит мир и не пожелает примирения на таких условиях, которые позволяют возместить любой уже нанесенный им ущерб и обеспечить безопасность невинного в будущем» [Там же. С. 274]. По мысли Локка, в обществе должно действовать совершеннейшее законодательство, не позволяющее совершать насилие. Отсутствие такого законодательства или его недобросовестное исполнение порождает несправедливость (войну в отношении пострадавших), вынуждающую «обратиться к небу».

Систематизируя мысли Д. Локка, можно отчетливо увидеть его посыл о необходимости создания надгосударственных структур, которые на основе международного права могли бы обуздать агрессора, остановить несправедливые войны.

Плюралистическая позиция представителей русской религиозной философии XX века (Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина и др.) основывается на принципе нравственного оправдания только той войны, которая ведется в целях защиты родины, жизни и мира. Первая мировая война, по Бердяеву, есть «борьба за господство разного духа в мире» [63, с. 17]. На волне массового патриотизма в начале войны Бердяев отмечал: «Война не есть разбой, обман и убийство, война имеет свою мораль, свою строгую честь, свое правосознание, не все на войне дозволено» [64, с. 22]. Однако более поздняя оценка этой войны имела диаметрально противоположный характер: «Смешно говорить о военных доблестях в современных химических войнах, истребляющих мирное население...» [62, с. 154]. Анализируя причины Первой мировой войны, Бердяев отмечал, что ее главным виновником является германский империализм с его притязаниями на мировое господство. Накануне Второй мировой войны философ пророчески заявляет о том, что в современной войне «все окажутся побежденными и уничтоженными» [Там же]. И.А. Ильин основным нравственным противоречием войны называет необходимость убивать. Убийство является большим грехом в христианстве, но, по мысли Ильина,

«призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека... Христос никогда не призывал любить врагов Божьих, благословлять тех, кто попирает все божественное» [97, с. 142]. Максиме Л.Н. Толстого «не противиться злу насилием» он противопоставляет «противиться злу из любви». Л.П. Карсавин, размышляя о нравственном смысле войны, пытается найти ответ на вопрос: несет ли война только горе или в ней есть нечто положительное? Философ приходит к выводу, что в войне «совершается такое великое добро, как жертва своей жизнью за других» [103, с. 427].

Таким образом, проведенный нами анализ направлений европейской историософской мысли о дилемме войны и мира отражает тяготение немецких философов к апологетике войны. Распространенность данной позиции в германском общественном сознании обусловлена геополитическими факторами, определявшими ментальность немецкой нации на протяжении нескольких столетий.

1.4. Образ войны в послевоенной немецкой литературе

Можно выделить четыре периода в истории послевоенной Германии, в каждом из которых официальное отношение к событиям Второй мировой войны имело свои особенности. Рамки первого периода определены историческими событиями – капитуляцией Третьего рейха и образованием двух немецких государств – ФРГ и ГДР (1949 г.). Одной из позиций программы послевоенного устройства Германии, разработанной державами-победительницами, был план ее денацификации, в соответствии с которым население Германии, разделенной державами-победительницами на четыре зоны оккупации, должно было доказывать свою непричастность к нацизму. Таким образом, в этот период действовал принцип презумпции виновности, что не могло не отразиться в коллективном сознании населения.

Образование на немецкой земле новых государств, подверженных влиянию противоположных идеологий, повлекло некое ослабление

реализации плана денацификации на территории Западной Германии. Первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, придерживавшийся принципа «простить и забыть», в условиях нехватки квалифицированных кадров допускал возможность привлечения даже к государственной службе бывших членов НСДПА, отнесенных к категориям «оправданных» и «незамешанных». Это политическое решение не приостанавливало судебные процессы в отношении нацистских преступников, которые проходили в национальном формате. Однако, в начале 1950-х гг. более половины западных немцев полагали, что национал-социализм был хорошей, но плохо реализованной идеей. Отказ Аденауэра от нейтрального статуса страны и принятие бундестагом решения о вступлении в НАТО фактически означали развертывание курса на ремилитаризацию Германии [192]. Именно в этот период выходят в свет анализируемые нами романы Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика.

В социально-политической жизни ФРГ 1950-х гг. прослеживалась тенденция оправдания военных действий вермахта на Восточном фронте. Это способствовало формированию в общественном сознании иного отношения к военнослужащим вермахта, представлявшимся «благородными и страдающими героями и жертвами, которые боролись не с русскими, а с советской тоталитарной системой» [139, с. 116].

Середина 1960-х гг., получившая образное название «черта между поколениями», определила третий период в коллективном сознании Западной Германии – период осознания своей вины. Кульминационной точкой в этом процессе явилось знаменитое коленопреклонение канцлера В. Брандта в Варшаве (1970 г.) [221, с. 116].

Четвертый период ознаменовался процессом объединения Германии и появлением коллективной немецкой позиции, основанной на признании исторической правды о немецкой вине.

Немецких писателей, творчество которых посвящено теме Второй мировой войны, в зависимости от исторических условий ее восприятия

можно разделить на три группы. К первой группе относятся писатели – непосредственные очевидцы и участники войны. Вторая группа – писатели, детство которых было обожжено войной («дети войны»). Перед «поколением отцов» ими был поставлен вопрос: как это могло произойти? [113, с. 5]. Третья группа – это писатели, творческий потенциал которых раскрылся после восстановления единства Германии. Этот период характеризовался началом диалога между авторами и читателями объединенной Германии, который до 1990 г. не мог состояться из-за диаметрально противоположных идеологий ФРГ и ГДР.

Важнейшей темой произведений немецких писателей – непосредственных участников Второй мировой войны (Ф. Вёсса, Г. Бёлля, Г. Конзалика, Г. Отто и др.) – явились события на Восточном фронте. Фриц Вёсс, воевавший под Ленинградом, Тихвином и Сталинградом, в романе «Вечно жить захотели, собаки?» (1958) повествует о финальных событиях Сталинградской битвы – окружении 6-й армии под командованием генерал-фельдмаршала Паулюса. В предисловии к роману автор говорит о величии немецкого солдата, доблестно прошедшего все испытания под Сталинградом, и предупреждает новое поколение об опасности «маршировать в новый Сталинград». Вину в провале операции он возлагает на высшее руководство Рейха, объявившее поход на Сталинград военной необходимостью. Тревога о судьбе Германии, в которой у власти стоят «фанатики и авантюристы», пронизывающая роман Ф. Вёсса, созвучна тревоге Эрнста Гребера, главного героя романа Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать».

Вёсс отмечает, что стратегическая цель должна быть достигнута любой ценой: «Генштабисты... создавали ударные группы из мертвых, умирающих и раненых» [3, с. 215]. Однако, несмотря на кризисную ситуацию, сложившуюся на фронте, солдаты вермахта пунктуально выполняют приказы командования держать фронт, который «проходит по вертикали снизу вверх, прямо посреди дома» [Там же. С. 320]. Главный герой романа – офицер вермахта Виссе, несогласный с идеями национал-социализма, но педантично

исполняющий приказы командования, следуя присяге и воинскому долгу. Солдаты вермахта показаны благородными воинами, не способными уничтожать мирных граждан, напротив – готовыми поделиться собственным пайком с голодающими деревенскими детьми. Оказавшись в безвыходной ситуации, в котле, они сражаются до последнего патрона, который зачастую оставляют для себя. Автор не обходит стороной и героизм советских солдат, сражающихся за каждую улицу, каждый дом Сталинграда, однако замечает, что плененные русские, из-за страха оказаться в концентрационных лагерях, массово вступают в ряды коллаборационистов. Аналогичный подход к оценке «Русского похода» прослеживается в романах Вилли Хайнриха «Терпеливая плоть» [15] и Генриха Герлаха «Преданная армия» [13].

Отличительной особенностью романа Ф. Вёсса является обращение к теме участия в сражении под Сталинградом союзников Германии – итальянцев и румын, которые представлены «стадом баранов», трусливыми солдатами, склонными к дезертирству и мародерству. Отметим, что Х.Г. Конзалик, повествуя о судьбе военнопленных гитлеровской коалиции в романе «Сталинградский врач», замалчивает непростую тему взаимоотношений представителей национальных армий.

Генрих Бёлль, принимавший непосредственное участие во Второй мировой войне (на Западном фронте – во Франции, на Восточном фронте – на Украине и в Крыму), в романе «Где ты был, Адам» [2] разделяет немецкое общество периода власти национал-социалистов на тех, которые находятся внизу – «хороших немцев» – и нацистов, захвативших власть. Немецкие солдаты – это не просто пушечное мясо, а конкретные личности со своими переживаниями, люди, абсолютно не заинтересованные в войне. Они вынуждены убивать, потому что у них нет иного выхода. Они шестеренки военной машины вермахта. Автор не наделяет героев романа именами: для военного времени имя ничего не значит, значение имеет только воинское звание и фамилия. Одной из проблем романа является противоречие между божественным предназначением человека – созидать и несвойственной,

навязанной ему войной функцией – разрушать. Такова судьба главного героя романа – Файнхальса, ставшего солдатом вермахта против своей воли. Он по профессии архитектор, но военное время уготовило ему иную судьбу – быть разрушителем. Лейтмотив романа – противоестественность и бессмысленность войны – отчетливо отражается в эпизоде романа о разрушении моста партизанами, его восстановлении солдатами вермахта и его последующем уничтожении ими при отступлении. Главный герой, дезертировавший с фронта и добравшийся до родной деревни, погибает на пороге родного дома от разрыва снаряда, выпущенного немецкой артиллерией. Таким образом, герои романа предстают и попустителями злодеяний нацистов, и их жертвами.

Роман Герберта Отто «Ложь» [16] можно назвать автобиографическим: автор принимал непосредственное участие во Второй мировой войне, до 1948 г. находился в лагере для военнопленных на территории СССР. Действие романа развивается на Восточном фронте. Главный герой, солдат вермахта Альфред Хафернкорн, оказавшись в советском плену, вынужден прибегнуть ко лжи, опасаясь того, что русским станет известно о его принадлежности к расстрельной команде. Повествование о нахождении заключенных в советском лагере ведется автором в духе идеологической концепции, принятой в ГДР. Под воздействием советской пропаганды заключенные лагеря (Вайсс, Беккер, Веллах) становятся не только антифашистами, но и активными пропагандистами коммунистических идей. Однако среди военнопленных есть те, которые пытаются всячески дискредитировать коммунистически настроенных активистов (Шуберт), и те, которые не могут определиться с политической ориентацией (Армгрубер). Но все они консолидированы одним мотивом: пребывание в лагере является несправедливым возмездием в отношении солдат, выполнявших свой воинский долг.

Большая часть романа посвящена отражению изменения мировоззрения главного героя, который, несмотря на противоречивость

мотивов своего поведения, превращается в ударника труда и сознательного борца за новую жизнь. Автор не оставляет открытой острую тему отношения советских людей к немецким военнопленным, отмечая, что среди победителей были и готовые убить Хафенкорна, и те, кто не мог допустить свершение самосуда. Большинство конвоиров показаны благожелательными людьми, обращающимися к военнопленным «камрад», лагерное руководство с пониманием относится к просьбам верующих разрешить пасторскую службу в день католического рождества. Работник железнодорожной станции, прошедший ужасы немецкого плена, не только не испытывает ненависти к беглому военнопленному, но и делится с ним хлебом. Автор акцентирует особое внимание на том факте, что в период военного времени немецких военнопленных кормили не хуже, чем собственное гражданское население, однако замалчивает те обстоятельства, что размер пайка жестко увязывался с выполнением нормы выработки [110, с. 27], а дополнительная порция хлеба выдавалась лишь тем «узникам войны», которые вступали в антифашистскую организацию [102, с. 120].

Роман Уве Тимма «На примере брата» написан на основании воспоминаний его родителей о старшем сыне Карле и писем, отправленных Карлом с Восточного фронта. Уве родился в 1940 году, его детская память запечатлела лишь наиболее яркие картины бомбардировок Гамбурга английской авиацией и вход танковых колонн союзников в Кобург в апреле 1945 г. События предвоенного времени известны Уве из семейных историй, рассказанных родителями. Он неоднократно слышал от матери, что его брат до войны был мечтательным, тихим мальчиком. Членство Карла в гитлерюгенде и добровольная запись в войска СС мать связывала с юношеским идеализмом сына. Родители с неизменной дотошностью подчеркивали различия между войсками СС (Waffen-SS) и СС (Die A-SS). Если СС они называли преступной организацией, то войска СС в их понимании являлись обычными воинскими подразделениями.

Уже в зрелом возрасте Уве знакомится с дневником и письмами Карла с Восточного фронта, в которых брат сообщает о фронтовых буднях. Уве, читая письма и дневник, сталкивается с противоречивостью информации, содержащейся в письмах, и своих представлений о войне. В дневнике ничего не говорится о пленных русских, из чего он делает вывод: «либо русских убивали на месте, либо они в плен никогда не сдавались, либо брат считал такую мелочь недостойной упоминания» [10, с. 47]. Уве обращает внимание на повествование брата о ремонте дорог, которые мостили кирпичами разобранных печей крестьянских изб: «Эта разборка печей равносильна разрушению жилища. Что говорили им жители? Может, они плакали? В отчаянии пытались объяснить немцам, каково им будет зимовать?» [Там же. С. 76]. Тимм сравнивает эти строки дневника Карла с другими, где брат выражает тревогу о доме в Гамбурге: «Хоть бы треклятый сакс перестал так бомбить. Какая же это война, когда это просто убийство детей и женщин, и потом – это же негуманно» [Там же. С. 77].

Одна из строк дневника – «заняли плацдарм над Донцом, 75 м от меня Иван курит сигареты, отличная мишень, пожива для моего МГ» [Там же. С. 39] – заставляет автора несколько раз откладывать его в сторону. У. Тимм задается вопросом: мог ли брат хоть сколько-нибудь осознавать свою причастность, совиновность? Ответ он формулирует исходя из собственного представления о вине соотечественников: «В те годы никто особо не задумывался над вопросами о вине. Все, от рядового до генерал-фельдмаршала Кейтеля, который и на Нюрнбергском трибунале заявил, что невиновен, ибо всего лишь выполнял приказ» [Там же. С. 88].

Автор приводит один из военных приказов, отданных генералом Райхенау: «Солдат на восточном фронте – не только боец, сражающийся по всем правилам военного искусства, но и носитель непреклонной народной воли и мститель за все зверства и притеснения, причиненные немцам и родственным им народам. Поэтому солдат обязан проникнуться полным пониманием исторической необходимости сурового, но справедливого

возмездия, свершаемого ныне над презренным недочеловекоеврейством» [Там же. С. 102]. Упомянув о массовых казнях еврейского населения в Бабьем Яре, У. Тимм говорит, что лишь немногие солдаты отказались принимать в этом участие [Там же. С. 100].

Уве Тимм, подводя итог собственному документальному расследованию, называет поколение отцов поколением отмалчивающихся подлецов: «Всеобщая немота объясняется глубоко коренящимся в нас инстинктивным стремлением не выделяться, оставаться в общей упряжке, заодно со всеми, из боязни неприятностей на работе, помех карьерному росту, а еще – из потаенного страха перед притеснениями со стороны режима. Вошедшая в привычку трусость – вот что такое наше мертвое молчание» [Там же. С. 96].

Роман «Отечество без отцов» лауреата немецких литературных премий Арно Зурмински основан на исторических фактах и подлинных документах. Повествование идет от лица героини романа Ребеки Ланге (Розен), родившейся 31 января 1943 года в Восточной Пруссии. В день рождения Ребеки под Старым Осколом погибает ее отец Роберт Розен. Спустя несколько десятилетий, изучая дневник, письма с фронта отца и его боевого товарища Вальтера Пуша, Ребека пытается осмыслить известное высказывание Курта Тухольского: «Солдаты – это убийцы» [211, S. 127]. Ребека не может и не хочет смириться с мыслью, что ее отец и многие другие участники войны могли творить зверства за линией фронта.

Повествуя о начале «восточного похода», А. Зурмински подробно описывает то утро, когда вермахт вероломно вторгся на территорию СССР. Продвижение немецкой армии по землям Прибалтики и Западной Украины автор приравнивает к веселой прогулке по туристической путевке общества «Сила через радость» [4, с. 160]. Население оккупированных территорий встречает немецких солдат-освободителей с цветами, угощает фруктами, обслуживает их быт, а деревенские хаты если и горят, то только из-за неосторожного обращения с огнем – перегрели печь, не затушили сигарету.

В одном из писем жене Вальтер Пуш, сообщая об упорстве русских, недоумевает: «За что борются они? За убогую жизнь в нищей стране? Но ведь ход истории предопределен. Так или иначе, они будут уничтожены... Когда здесь со временем воцарятся немецкий дух и порядок, немецкая прилежность и немецкая любовь к труду, а сами немцы расчистят эту землю и возделают ее, тогда тут возникнет райская часть Земного шара». Русские для него – это некий сброд, который опасен для Германии [Там же. С.124].

А. Зурмински не замалчивает преступления, совершенные немцами на Восточном фронте, но дифференцирует поведение солдат «чистого вермахта»³ и нацистов. Первые не могли не исполнить приказ, а вторые действовали по убеждению. Вальтер Пуш, сообщая жене о повешенных русских, лицемерно замечает: «Немецкие солдаты ведут себя по отношению к русскому населению излишне благородно. Но немцы ведь по своей природе порядочные люди» [Там же. С. 226]. Поясняя далеко не благородные поступки (расстрел русских раненых, совершенный по собственной инициативе унтер-офицером Гейнцом Годевиндом, повешение подростка), автор ссылается на нацистское прошлое отдельных солдат. Однако они (Годевинд и др.) стали таковыми не добровольно, а под давлением властей.

А. Зурмински не пытается объяснить «русский поход» сугубо военной необходимостью, упреждением возможного нападения со стороны СССР, цель этого похода иная – установление немецкого порядка на завоеванных землях, которые будут процветать в руках новых рачительных хозяев. Этой целью движимы и крестьянин из Восточной Пруссии Роберт Розен, восхищающийся черноземом украинских земель, и владелец бакалейной лавки в Мюнстере Вальтер Пуш, и судоводитель из Гамбурга Гейнц Годевинд, который предвкушает: «В России мы все хозяева поместий, можем охотиться, когда захотим, в том числе и на людей» [Там же. С. 230].

³ Термин «чистый вермахт» часто используется в дискуссиях о «немецкой вине». См., например, Ветте В. Гитлеровский вермахт: Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Неприкосновенный запас. 2005. № 3. С.270-274.

Для Ребеки, как и для многих детей войны, выросших без отцов, важен ответ на вопрос: те, кто носили серую военную форму, – все ли они были преступниками? Изучая дневник и письма Роберта с фронта, она приходит к мысли о том, что ее отец не мог быть таковым – он, как и многие другие, был вынужден только исполнять приказы. Ребека хочет донести до своего сына Ральфа, являющегося военнослужащим бундесвера в составе миротворческих сил на Балканах, ту мысль, что это было дважды обманутое поколение: вначале теми, кто их послал на войну, а затем теми, кто выступал под лозунгом «солдаты – это убийцы».

Роман Берхарда Шлинка «Чтец» посвящен глобальной для немецкого общества проблеме немецкой вины в событиях Второй мировой войны. Могут ли быть исправлены ошибки отцов? Таким вопросом задается автор. Название романа связано с его сюжетом – случайно возникшими любовными отношениями пятнадцатилетнего школьника Михаэля Берга с Ханной Шмитц, которая, будучи абсолютно неграмотной, любила слушать чтение классической литературы в исполнении Михаэля.

На примере судьбы Ханны, надзирательницы одного из концентрационных лагерей на территории Польши, осужденной в 1960-е годы к пожизненному лишению свободы по ложному обвинению в гибели более трехсот узниц, Шлинка вскрывает поверхностность кампании денацификации немецкого общества, обращая внимание на то, что судебные процессы крайне редко касались функционеров НСДПА, отдававших преступные приказы. Суицид, совершенный Ханной после более чем двадцатилетнего отбывания заключения в ситуации, когда правосудием уже было принято решение об ее освобождении, можно трактовать как искупление грехов, лежащих на всех немцах.

Рассказывая историю Ханны и Михаэля, Б. Шлинка поднимает ряд злободневных для послевоенной Германии вопросов. Прежде всего, это вопросы о причинах произошедшего: почему допустили холокост, почему поколение отцов «после сорок пятого терпело у себя и среди себя

преступников» [11, с. 52]. Похожий вопрос был задан Ханне на процессе судьей: почему она начала сотрудничать с СС? На это подсудимая дала ответ, характерный для большей части германского общества, подавленного нацистской пропагандой. Подчеркивая абсолютную неграмотность главной героини, автор отражает социальные корни конформистской прослойки германского общества, для которой наибольшую ценность представлял «германский порядок» вне зависимости от средств, выбираемых для достижения цели. Отсюда и авторский намек на то, что не следует обвинять всех, кто сотрудничал с СС, СД, гестапо. У них могло не быть иного выхода. Наказание за убийства следовало лишь в тех случаях, если был доказан его умышленный характер. В романе озвучена и радикальная позиция, характерная для поколения 1960-х: расстреливать нацистских преступников сразу же, не дожидаясь вынесения судебного приговора. При этом автор ничего не говорит о существовании и других немцев, антифашистский дух которых не был сломлен.

В отношениях Ханны и Михаэля просматриваются настроения послевоенного поколения (к которому относился сам Шлинк), пытающегося понять поступки своих отцов и матерей – тех, кто приспособился к условиям нацистского режима и был молчаливым свидетелем либо совершал преступления, добросовестно выполняя свою работу в силу приказа. Сквозь призму отношений главных героев автор повествует о трагедии немецкого народа и его вине, признание и искупление которой потребовало глубинного нравственного и духовного преодоления, связанного не только с наказанием, но и с внутренним обновлением общества.

Предложенная Шлинком интерпретация истоков «немецкой трагедии» была неоднозначно оценена в немецком обществе. Несмотря на то, что поднятая в романе тема холокоста большинством критиков была признана важной для «поколения внуков» [186], отдельные критики оценили роман как неглубокий и нравственно возмутительный, а писателя обвинили в «тенденциозном морализаторстве» и неискренности [185].

Роман Уллы Хан «Нечеткие контуры» построен в форме диалога дочери и отца, являвшегося участником «русского похода». Дочь (Катя) при посещении выставки, посвященной преступлениям немецкой армии, обращает внимание на фотографию расстрела солдатами вермахта советских граждан. Под впечатлением выставки Катя просит отца (Музбаха) рассказать о своем участии во Второй мировой войне. Повествование Музбаха о военном времени достаточно противоречиво. Он говорит, что был молод и в нацистских структурах не состоял, поэтому на войне он выполнял только воинский долг, причем это не были приказы о массовых расстрелах и еврейских погромах. Однако Музбах не отрицает, что на оккупированных территориях велись карательные операции, но они осуществлялись не вермахтом и были вынужденным ответом на действия партизан. Став солдатом вермахта, он оказался заложником своей собственной страны [14, S. 107]. С немецкой педантичностью отец рассказывает случай «исполнения приказа», когда он вынужден был расстрелять русскую партизанку, но, совершая выстрел, потерял сознание. В итоге пуля попала в эсэсовца, отдавшего приказ о расстреле. Музбах рассуждает о невозможности обсуждать соблюдение условий необходимой самообороны в условиях войны. Грань между самообороной и убийством в военное время стерта [Ibid. S. 55]. Музбах не отрицает, что со стороны Германии война носила захватнический характер, но отношение немцев к гражданскому населению не сопровождалось насилием – немецкие солдаты обедали за одним столом с русскими крестьянами, а их детей угощали шоколадом.

Улла Хан приходит к выводу: необходимо забыть все, что связано с войной, освободиться от памяти о ней, которая вызывает мучения [Ibid. S. 25].

Сюжетом романа Тани Дюкерс «Небесные тела» становится распространенная в современном германском обществе ситуация возвращения к истории Второй мировой войны внуков непосредственных ее участников. Главная героиня романа Фрайя пытается разгадать тайну,

связанную с инвалидностью дедушки Макса, о которой в семье говорить не принято. История его участия в войне постоянно замалчивалась, а дотошные расспросы внуков вызывали раздражение и слезы. Из рассказов деда Макса внуки узнают, что он добровольно пошел воевать «за Гитлера» в холодную и далекую Россию, где, выполняя воинский долг, должен был стойко терпеть лишения – ранения, ожоги и обморожения [12, S. 87]. Но подлинная история военного прошлого семьи всплывает позднее, когда бабушка Йоханна, находясь в состоянии деменции, рассказывает о своем активном членстве в НСДАП и о культивировании нацистской идеологии в семье. Для маленькой Ренаты, матери Фрайи, поднятие руки, высказывание нацистского приветствия и доносительство стало обычным явлением. Семейные тайны, связанные с войной, могли бы навсегда остаться загадками для поколения внуков, если бы не подлинные документы, письма и фотографии, подтверждающие нацистское прошлое старших поколений.

Таким образом, Т. Дюкерс отражает различные точки зрения на войну представителей поколения непосредственных ее участников и их внуков. Если в памяти бабушки и дедушки отложились лишь личные страдания, пережитые военным поколением, то их внуки оказываются не готовыми сопоставить эти семейные рассказы с историческими фактами, доносимыми учителями в школе.

Процессы многовекторности в формировании коллективного сознания объединенной Германии, отразившиеся в литературе периода «немецкого воссоединения», во многом обусловлены различием в осмыслении исторического прошлого «восточными» и «западными» немцами. Уве Тимм, говоря о коллизиях, возникших при объединении Германии, отмечает: «В Западной Германии перед населением со всей неумолимостью был поставлен вопрос коллективной вины, что с точки зрения демократической процедуры логично: Гитлера ведь избрали всем народом. В восточной части, напротив, всё свели к различию между обманщиками и обманутыми, в том смысле, что

капиталисты, эксплуататоры, были обманщиками, а трудящиеся оказались обманутыми» [10, с. 72].

Выводы по первой главе

1. Термин «концепт» широко применяется в различных сферах гуманитарного знания – в философии, психологии, филологии и др. В широком понимании этим термином обозначается оперативная содержательная единица памяти картины мира, отраженной в сознании человека. Иначе говоря, концепт выступает инструментом когнитивного обобщения и постоянного пополнения памяти новым культурным опытом. Появление понятия концепта в филологии связано с исследованиями С.А. Аскольдова-Алексеева в сфере когнитивной лингвистики. Дальнейшее развитие теория концепта получила в трудах Л.Е. Адясовой, Ю.Д. Апресяна, Н.С. Болотновой, С.Г. Воркачева, В.С. Демьянкова, Е.В. Дзюбы, В.Г. Зинченко, В.Г. Зусмана, В.И. Карасика, З.И. Кирнозе, В.В. Колесова, Д.С. Лихачева, Л.В. Миллер, Р.И. Павелёниса, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, И.А. Тарасовой, Л.О. Чернейко и др.

2. Несмотря на наличие множества подходов к описанию концептов (культурологический, лингвокультурный, лингвокогнитивный, психолингвистический и др.), в современном гуманитарном знании не сложилось единого мнения по поводу определения термина «концепт» в литературоведении. Нам представляется наиболее удачным общегуманитарный подход, используемый Д.С. Лихачевым и Ю.С. Степановым, позволяющий интерпретировать концепты как единицы коллективного сознания.

3. Изучение принципов и методов ведения когнитивного анализа, изложенных в работах Е.В. Дзюбы, В.Г. Зусмана, В.И. Карасика, Е.А. Липиной, О.Е. Похаленкова, позволило нам разработать схему анализа двухкомпонентного концепта «Kriegszeit», состоящую из следующих этапов:

- изучение этимологии компонентов «Krieg» и «Zeit» концепта «Kriegszeit» на материале этимологических словарей;
- анализ словарного фонда немецкого языка с целью определения понятийного слоя концепта и выделения его основного значения;
- анализ интерпретационного поля концепта;
- контекстуальный анализ сочетаемости лексем, связанных с темпоральной семантикой, и лексем, связанных с военным временем на ассоциативном уровне;
- построение модели концепта с использованием мотивно-фреймовой структуры;
- интерпретация ассоциативного, образного и оценочного компонентов концепта посредством контекста.

4. Анализ исторического пути немецкого народа и образования германского государства позволил сделать вывод о том, что концепт «Krieg» органично корреспондируется с особенностями ментальности немецкой нации. В словарном фонде современного немецкого языка наряду с лексемами «Krieg» и «Zeit» присутствует самостоятельная лексема «Kriegszeit», имеющая ряд семантических значений (время войны, ход военных событий, военная эпоха, период вооруженного конфликта и др.). Для полноты анализа концепта «Kriegszeit» мы обратились к исследованию германского героического эпоса, пословиц и поговорок, отражающих особенности психологии и поведения человека в условиях войны.

5. На основе анализа этических позиций европейских ученых (Н. Макиавелли, Ф. Бэкона, Г. Гроция, Д. Локка, Ж.Ж. Руссо, И. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля, Ф. Генца, Й. Герреса, К. Клаузевица, П. Прудона, Х. Мольтке, Лассалья, Ф. Ницше и др.) о дилемме войны и мира и определения критериев их справедливости было выявлено превалирование апологетических настроений в немецкой философской мысли (Г. Гегель, К. Клаузевиц, Ф. Лассаль, Х. Мольтке, Ф. Ницше), которое не могло не отразиться на

общественном сознании и формировании милитаристской политики Германии на протяжении нескольких веков.

6. Нами выделены четыре периода в истории послевоенной Германии, отличающиеся различной официальной оценкой событий Второй мировой войны, которая не могла не повлиять на отражение войны в художественном творчестве. «Нулевые годы» (1945–1949) характеризовались полной подконтрольностью территории Германии державам-победительницам и отразились в коллективном сознании как период презумпции виновности (необходимости доказывать свою непричастность к нацизму). Начало второго периода связано с появлением двух немецких государств – ФРГ и ГДР, проводивших свою внутреннюю и внешнюю политику на основе диаметрально противоположных идеологических принципов (1949 г. – середина 1960-х гг.). В ФРГ этот период характеризовался ослаблением начатых процессов денацификации и ориентацией на принцип «простить и забыть». Третий период (середина 1960-х гг. – 1990 г.) – «период осознания своей вины». Середина 1960-х годов в общественном сознании ФРГ отразилась как «черта между поколениями», когда «поколение детей» остро поставило перед «поколением отцов» вопрос о том, как могло произойти случившееся. Современный период немецкой истории, начавшийся с объединения Германии – это период формирования коллективной позиции, основанной на признании исторической правды о немецкой вине.

Проведенный нами анализ произведений немецких авторов, вышедших в свет в эти исторические периоды, подтверждает соответствие авторских оценок Второй мировой войны настроениям, формировавшимся в общественном сознании.

Глава II

Концепт «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» и Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач»

2.1. История формирования политических и этических взглядов Э.М. Ремарка

Творчество Э.М. Ремарка глубоко автобиографично и во многом определено историческими событиями, непосредственным участником или свидетелем которых он оказался. Родился писатель 22 июня 1898 года в немецком городе Оснабрюке. Он был вторым ребенком в семье переплетчика книг Петера Франца Ремарка. Имя, данное при рождении (Эрих Пуль), впоследствии было изменено на «Эрих Мария» в честь нежно любимой матери Анны Марии, умершей в 1917 г. Фамилия автора впоследствии тоже претерпела некоторые изменения и стала звучать на французский манер – Remarque. В семье Ремарков было еще трое детей: старший брат Теодор Артур, умерший в пятилетнем возрасте, и младшие сестры Эрна и Эльфрида. В 1943 г. Эльфрида была казнена фашистами [204; 210]. Гибель сестры оставила глубокое впечатление в душе Ремарка. После войны памяти сестры писатель посвятит роман «Искра жизни».

Школьные годы писателя (1904–1912) прошли в родном городе Оснабрюке. Сначала он обучается в народной школе, затем в католической школе. В 1915 г. Ремарк поступает в католическую семинарию, по окончании которой продолжает обучение в королевской учительской семинарии, учеба в которой была прервана войной. Годы детства и юности упоминаются в биографии писателя: «Я вырос в маленьком вестфальском городе, в мелкобуржуазной атмосфере. Мои родители были католиками, я сам часто пел как клиросник в церкви. Ни дома, ни в церкви я не находил понимания своих мечтаний о мире. Нельзя было представить себе никакое другое будущее, кроме как, вероятно, будущего начальника почтового отделения, преподавателя или аптекаря» [184, S. 7].

В 1916 г. Э.М. Ремарк призывается на военную службу и после прохождения учебных сборов направляется в запасной пехотный полк, расквартированный в Оснабрюке. В мае 1917 г. он прикомандировывается к гвардейской резервной дивизии, дислоцированной на Западном фронте. В боях он получает тяжелые ранения, после чего проходит длительное лечение в полевом госпитале. По излечении зачисляется на должность писаря в канцелярию резервного пехотного полка. За заслуги перед Германией Э.М. Ремарк представляется к высокой награде – Железному Кресту 1-го класса. Однако Э.М. Ремарк на волне антимилитаристских настроений отказывается от ордена и в 1919 г. увольняется из армии [205].

Как и многие фронтовики, Э.М. Ремарк не остается равнодушным к реваншистским настроениям, царившим в послевоенной Германии, и становится активным участником антимилитаристского движения. Многие участники этого движения начали публиковать свои воспоминания о войне, имевшие явную антивоенную направленность: Б. Келлерман («Девятое ноября», 1920), А. Цвейг («Спор об унтере Грише», 1927), Л. Ренн («Война», 1928). По образному выражению Х.Х. Мюллера, «военный роман – типичный и специфический род литературы Веймарской республики. Ничто другое не было залогом огромных продаж, как романы о войне» [199, S.20 - 25].

Однако антивоенные взгляды разделялись не всеми писателями первых лет послевоенной Германии. В многочисленных воспоминаниях, фронтовых заметках участников войны были и попытки оправдания германского милитаризма, призывы к реваншу за поражение в войне (М. Рихтгофен, Ф. Люкнер и др.) [187, S. 71-73].

Таким образом, Э.М. Ремарк обращается к теме войны в тот момент, когда в немецкой литературе сформировались две противоположные позиции по отношению к войне.

В условиях глубокого экономического кризиса, охватившего Германию, Э.М. Ремарк вынужден браться за любую работу, дающую

возможность получить какие-либо средства к существованию, – пытается учительствовать, подрабатывать игрой на органе в часовне при городской больнице, продавать надгробные памятники. Все это определяет мотивную структуру его романа «Приют грез» (1920). Роман «Гэм», написанный в 1924 г. и опубликованный уже после смерти автора, также был далек от военной тематики. Однако уже в следующем его произведении, романе «Станция на горизонте» (1927), определяется одна из узловых тем творчества Э.М. Ремарка – тема «потерянного поколения».

Война, ставшая во многом определяющим моментом в жизни писателя, оставила в его памяти глубокий след: «В годы Первой мировой я был очень юным, а на фронте мне пришлось увидеть столько страшного» [201, S. 126]. Несмотря на то, что военная тема была достаточно популярной в послевоенное время и являлась лейтмотивом творчества многих писателей – Э. Хемингуэя, Л.-Ф. Селина, А. Барбюса, Р. Олдингтона, Э. Паунда, Дж. Пассоса, Ф. Фицджеральда, Т. Вулфа и др., рассказать об «окопной правде войны», о поколении, опустошенном войной, Э.М. Ремарк решает только спустя десятилетие после окончания войны в романе «На Западном фронте без перемен», который принес ему мировую известность.

Свое душевное состояние на момент написания романа Э.М. Ремарк охарактеризовал так: «Я страдал от довольно сильных приступов отчаяния. При попытке побороть их я постепенно нашел причину своих депрессий. Посредством этого умышленного самоанализа я и вернулся к своим военным переживаниям» [188, S. 44]. Материалами для создания романа послужили не только воспоминания автора о войне, но и рассказы раненых солдат, записанные в госпитале, переписка с однополчанами: «Bis zum Ende des Krieges hielt er sich in einem Lazarett in Diensburg auf, wo er nach der Heilung seiner Verletzungen Büroarbeiten verrichte. Im Kontakt mit den dort eintreffenden Verwundeten von der Front und aus Briefen seiner Kameraden wurde ihm ein Bild des Kriegseinsatzes vermittelt, welches er in der Niederschrift des Romanes "Im Western nichts Neues" eindrücklich wiedergibt» [214, S. 57].

Лейтмотивом романа, по замыслу писателя, должны были стать не военные баталии и искусство полководцев, а проблема существования человека, вынужденного исполнять приказы власти, не имеющие ни логики, ни смысла, ни высокой идеи. Э.М. Ремарк не скрывал, что хотел отразить истинное лицо войны, запечатленное глазами фронтовика. Несмотря на авторское заявление в эпиграфе о том, что роман не является ни обвинением, ни исповедью, текст романа отличает исповедальный тон и обвинение войне, просматривающееся в подтексте многих эпизодов [61, с. 3; 195].

Повествование в романе ведется от лица немецкого солдата Пауля Боймера, попавшего на фронт, как и большинство его ровесников, добровольцем. Прообразом главного героя стал сам писатель: тот же возраст и юношеский романтизм, та же добропорядочная семья и тот же путь на фронт, те же ранения. История Пауля типична для многих молодых немцев, ушедших на фронт, свято веря в патриотические лозунги о защите отечества. Но уже первая бессмысленная атака развеяла романтизм войны, обнажив все ее реалии: смерть и ранения товарищей, кровь, грязь и холод окопов. Пауль Боймер говорит: «Мы бесчувственные мертвецы, которым какой-то фокусник, какой-то злой волшебник вернул способность бегать и убивать» [25, S. 87].

Один из немногих уцелевших на фронте одноклассников Пауля Альберт Кропп, отправленный в тыл после тяжелого ранения, рассуждает о судьбе своего поколения: «Война сделала нас никчемными людьми» [Ibid. S. 66]. Боймер оказывается в состоянии отчуждения: «Я потерял дорогу к прошлому, стал изгнанником...» [Ibid. S. 129]. Война настолько меняет психику главного героя, что он, находясь в отпуске, не может привыкнуть к прежней мирной жизни: «Ich finde mich hier nicht mehr zurecht, es ist eine fremde Welt. Es sind andere Menschen hier, Menschen, die ich nicht richtig begreife, die ich beinde und verachte» [Ibid. S. 119]. Когда городские урапатриоты, образно названные Э.М. Ремарком «тыловыми жеребчиками», мечтают о победах на фронте, захвате чужих территорий, Боймер не только

не испытывает чувства патриотизма, но пытается уединиться и не вспоминать о войне.

Не понимая целей и задач войны, Пауль Боймер и его фронтовые товарищи вынуждены беспрекословно подчиняться приказам командования, идти в атаки, убивать противника, объявленного врагом отечества, и погибать. Втянувшись в круговорот войны, с каждым днем они утрачивают надежду вернуться в прежнюю жизнь, сохранить свое «я»: «Мы не нужны сами себе, мы будем жить и стариться, – одни приспособятся, другие покорятся судьбе, а многие не найдут себе места» [Ibid. S. 212].

Э.М. Ремарк, абстрагируясь от исторических событий, явившихся подлинными причинами войны, отражает видение происходящего глазами фронтовиков: «Jeder grössere Kaiser braucht mindestens einen Krieg, sonst wird er nicht berühmt» [Ibid. S. 141].

Конец романа трагичен – главный герой погибает незадолго до объявления о заключении мира. По мысли Д.В. Затонского, его гибель «можно считать избавлением, вроде даже наградой за страдания» [94, с. 200]. По нашему мнению, завершение жизненного пути главного героя может быть интерпретировано гораздо шире – как потеря целого поколения тех молодых людей, которым война не оставила никаких перспектив существования в послевоенной жизни.

В условиях кризиса, охватившего Веймарскую республику, роман не мог не вызвать мощного политического резонанса [216, S. 54]. Отношение к роману в немецком обществе не было однозначным. С одной стороны, в адрес Э.М. Ремарка приходили письма с благодарностью за правдивое отражение событий Великой войны, а с другой – резко отрицательные послания, в которых роман расценивался как литературное предательство по отношению к солдатам Первой мировой войны. Представители левых кругов обвиняли Э.М. Ремарка в том, что он не рассматривал причины войны в контексте противоречий империализма, не акцентировал внимание на роли революционной борьбы. Так, например, К. Радек, подвергая критике

позицию Э.М. Ремарка, отмечает: «Роман не показывает, что опасность войны можно устранить, только ниспровергнув власть монополистического капитализма путем вооруженной борьбы. Пацифист Ремарк показывает ужасы войны, но не показывает, что надо готовиться к революционной войне для того, чтобы обеспечить мирное развитие человечества» [147, с. 100]. Д.З. Мануильский в предисловии к советскому изданию романа язвительно замечает: «Ремарку надо было отправиться в рязанскую глухомань, чтобы обучиться пониманию и объяснению войны и жизни» [121, с. 2]. Критики ожидали ответной реакции писателя, но Э.М. Ремарк счел развертывание дискуссии вокруг своего романа ненужным [188, р. 43].

Воспоминания о времени военном, бессмысленных жертвах «мировой бойни» долгое время будут определенным триггером, вызывающим повторные переживания Э.М. Ремарка. В дальнейшем они станут лейтмотивами романов «Возвращение» (1931) и «Три товарища» (1936).

Веймарская республика, вселившая надежду перехода к демократическому устройству общества, восстановлению экономики, стабилизации социальных отношений, не смогла претворить в жизнь лозунги революции. Несмотря на определенный период стабильности в течение 1924–1929 гг., внутренние и внешние проблемы германского общества достигли своего апогея. В этих условиях создается роман «Возвращение» («Der Weg Zurück»), который воспринимается как продолжение первого антивоенного произведения автора.

Герои романа – солдаты, возвращающиеся с войны на родину, охваченную революционными событиями и экономическим кризисом. Фронтовики надеются, что их ждет упорядоченная, хорошо знакомая повседневная жизнь с ее будничными радостями и горестями. Однако полученные на войне душевные травмы, отсутствие образования и профессии осложняет процесс их адаптации в новых условиях. Они понимают, что выжить и остаться людьми в такой ситуации без фронтового

товарищества и взаимопомощи невозможно. Прежняя жизнь теперь им кажется мелкой, мещанской [141, с. 175].

Э.М. Ремарк отражает не только эмоциональную надломленность «спасшихся от снарядов» фронтовиков, но и бедственное положение инвалидов войны, оказывать должную поддержку которым власти Веймарской республики были не в состоянии [122, с. 26]. Валентин Лагер, работавший до войны акробатом в цирке, не может вернуться на манеж из-за украденного войной здоровья. Для Хенце, прикованного к инвалидной коляске, всякий смысл жизни потерян, он не может смириться с мыслью, что никогда не сможет вернуться на футбольное поле, где блистал до войны. Единственный выход из этой ситуации он видит в самоубийстве. Карл Грегер пытается залить свое горе вином. Командир взвода Брайер, находясь в состоянии депрессии, решает покончить с собой. Ужасные картины войны преследуют по ночам тяжело контуженного Герхарда Гизекке, который, утратив надежду на выздоровление, выпрыгивает из окна больничной палаты.

Повествование о судьбах «потерянного поколения» Э.М. Ремарк увязывает с событиями и процессами, происходившими в послевоенной Германии. Тяжелейший экономический кризис, охвативший Веймарскую республику, вызвал рост контрреволюционных настроений и подавление левых сил. Причем бывшие фронтовые товарищи становятся политическими противниками: Макс Валь, связавший свою жизнь с борьбой за идеи революции, расстрелян во время митинга по приказу Хееля – его бывшего фронтового командира

В условиях экономического кризиса многие из фронтовиков (Фасбендер, Фрич, Польш) становятся безработными. Их товарищи, не окончившие школы и не имеющие никакой профессии, оказываются в еще более сложном положении. Разочарование в послевоенной действительности и трудности в адаптации к мирной жизни вызывают у некоторых фронтовиков мысли вернуться в армию. Такое решение принимает Георг

Рахе, но уже в скором времени находит и там горькое разочарование: «Я думал, что найду там остатки солдатской дружбы. Но нашел лишь слепое чувство стадности, карикатурный призрак войны» [26, S. 231].

Главный герой романа Эрнст Биркхольц и его товарищ Вилли Хомайер пытаются реализовать себя в гуманной профессии учителя. Но осознание того факта, что детей приходится обучать по учебникам, в которых войны представлены чрезвычайно важными событиями, вызывает у Эрнста глубокое разочарование и опасение, что история Германии останется в сознании учеников как история войн.

Предостережение человечеству о зыбкости установившегося мира, о появлении новых милитаристских настроений звучит в конце романа, где Э.М. Ремарк описывает случайную встречу фронтовиков с группой подростков в униформе, которых учат воевать за «свободу Германии».

Во второй половине тридцатых годов Э.М. Ремарк вновь обращается к теме «потерянного поколения». В романе «Три товарища» он повествует о судьбах бывших фронтовиков в условиях послевоенного кризиса, охватившего Германию. Герои романа Отто, Готтфрид и Роберт – фронтовые друзья, для которых «окопное братство» является единственной основой для выживания.

Роман «Три товарища», как и большинство произведений Э.М. Ремарка, имеет автобиографический подтекст. Герои, как и автор, участвовали в Первой мировой войне, пережили трудные годы послевоенного кризиса, явившиеся тяжелым бременем для германского общества. Повествование в романе ведется от лица Роберта Локампа. Из трех товарищей именно этот персонаж наиболее идентичен самому автору. Его жизненный путь напоминает судьбу самого Э.М. Ремарка: война, тяжелое ранение, смерть матери от рака, множество профессий, которые он вынужден осваивать в условиях безработицы.

В памяти бывших фронтовиков периодически всплывают страшные картины военного прошлого: смерть и ранения однополчан, сырые окопы, газовые атаки противника. «Da kam ab und zu noch einmal etwas von früher und

starrte einen aus toten Augen an» [27, S. 9]. Порой только чувство юмора позволяет друзьям найти выход из трудных жизненных ситуаций: «Wir aber leben in verzweifelten Zeiten. Da ist die einzige anständige Haltung der Humor» [Ibid. S. 293]. Фары автомобиля вызывают у них мысленную ассоциацию с прожектором для «ловли» самолетов в ночном небе, палата туберкулезного санатория – с фронтовым блиндажом. Военное прошлое научило их не заглядывать далеко вперед. В условиях отсутствия стабильности у них оставался один выход – жизнь одним днем, без каких-либо грандиозных планов на будущее, искать смысл жизни в простых вещах.

Несомненно, что к представителям «потерянного поколения» относится и возлюбленная Роберта – Патриция. Ее смертельная болезнь – следствие опаленной войной юности. Воспевая силу любви, Э.М. Ремарк утверждает, что любовь есть единственное стоящее чувство, вызывающее желание жить: «Wenn man noch leben möchte, dann ist etwas da, was man liebt. Es ist schwerer, aber auch leichter» [Ibid. S. 380].

Исследуя мотивную структуру романа, М. Пырванова относит Роберта Локампа и его товарищей к категории «статичных» геороев, которые живут в ожидании чего-то неординарного, правдоподобного и качественно нового, но не знают, как помочь себе [200, S. 46].

Таким образом, в романе «Три товарища» Э.М. Ремарк, хотя и ведет повествование о мирной жизни в послевоенной Германии, но, по сути, продолжает антивоенную тему. Более того, воспоминания героев романа о войне порождают страх перед будущим. Э.М. Ремарк передает им свое предчувствие новой войны, которая начнется буквально через год после выхода в свет этого произведения.

В романе еще не просматривается антифашистская позиция автора, но в эпизоде расправы над Готфридом Ленцем достаточно понятен мотив этого преступления. Ремарк ничего не говорит о партийной принадлежности убийцы Готфрида. Смерть убийцы Ленца от руки Альфонса, приятеля трех товарищей, связывается с мстостью за убитого друга. Очевидно, что в середине

1930-х годов Э.М. Ремарк еще не вступил на путь открытого противостояния фашистскому режиму.

Э.М. Ремарк покинул Германию до прихода к власти нацистов. Находясь в Швейцарии, он узнает о том, что на родине его занесли в списки авторов, чьи книги подлежат уничтожению по причине несоответствия идеологии национал-социализма. Однако писатель никогда не примыкал к какой-либо партии и даже «гордился своим индифферентизмом» [87, с. 119].

Оккупация Австрии и Чехословакии, совершенная нацистами через несколько месяцев после выхода книги, и развязывание Второй мировой войны заметно усилили антифашистскую позицию автора, четко просматривающуюся в романе «Возлюби ближнего своего» [7]. Вызванные политикой фашистского режима процессы вынужденной эмиграции граждан Германии, собственные переживания за судьбы оставшихся на родине близких составили сюжетно-тематическую основу этого произведения. Преследование инакомыслящих, создаваемые на родине концентрационные лагеря – все это не могло не тревожить писателя.

К эмигрантской теме Э.М. Ремарк вернется в конце войны. В романе «Триумфальная арка» [9] писатель раскрывает проблему существования человека в условиях тоталитарного режима, когда несогласие с политикой нацистов заставляет скрываться за границей под чужим именем и жить по подложным документам. Главный герой романа хирург Равик, перенесший пытки в застенках гестапо, смерть любимого человека, концентрационный лагерь, оказывается в Париже, где вынужден, как и другие эмигранты, жить «по инерции». Только волшебная сила любви способна воскресить Равика, преодолеть тягостную память о прошлом, одиночество и придать его жизни смысл. Но любовная тема в романе переплетена с темой борьбы с нацизмом. Убийство гестаповца Хааке, совершенное Равиком – это, по замыслу автора, не просто личная месть нацистскому изуверу, а вызов фашизму, уничтожающему человеческое в человеке.

Карательная политика Третьего рейха, направленная на подавление всякого инакомыслия, отразилась и на семье писателя. Жертвой режима оказалась его младшая сестра Эльфрида, которую обвинили в пораженческих настроениях, подрыве обороноспособности страны и высказываниях против политики Гитлера. В приговоре суда от 29 октября 1943 года, в котором Эльфриде выносилась смертная казнь через гильотинирование, упоминалась антимилитаристская позиция ее брата. Прощальное письмо Эльфриды было направлено сестре Эрне с приложением счета о необходимости оплатить расходы на судопроизводство и саму казнь [118].

В 1944 г. Э.М. Ремарк задумывается над созданием романа «Искра жизни», в котором решает донести правду о судьбах людей, находившихся в застенках фашистских концентрационных лагерей. Однако вплотную к работе над романом писатель приступает только в 1946 г., когда узнает о казни Эльфриды. Отражая трагизм положения узников фашистского лагеря смерти, в котором люди вместо имен числятся под номерами, автор выражает надежду на то, что нельзя лишить человека права быть Человеком. Автор описывает методы «перевоспитания» используемые в лагере Меллерн: «У Буксбаума не было трех пальцев на руке, семнадцати зубов, ногтей пальцев на ногах ...» [8, с. 2]; «У него больше не было ушей. Ему их отгрызли во время дрессировки эсэсовской собаки» [Там же. С. 3]. Заключение представляет собой производственный ресурс для лагерного крематория, пепел из которого «фасовали по мешкам и продавали как искусственное удобрение» [Там же]. Параллельно с описанием нечеловеческого существования заключенных концлагеря, автор повествует о личной жизни коменданта оберштурмбанфюрера СС Бруно Нойбауэра. Бруно получает истинное удовольствие, когда наблюдает, как солдаты издеваются над заключенными, но это не мешает ему быть любящим отцом и мужем. Писатель ищет ответ на вопрос, каким образом обычный человек может оказаться безжалостным убийцей, как в нем могут сочетаться кровожадность и тяга к искусству. Отражая преступность нацистской идеологии,

Э.М. Ремарк не снимает обвинение с соотечественников, конформное поведение которых позволило допустить установление тоталитарного режима и, как следствие, фашистского государственного террора в отношении собственного населения и народов оккупированных стран.

Тема «потерянного поколения», поднятая Э.М. Ремарком в первом антивоенном романе, нашла свое продолжение в новых исторических реалиях. События 1939–1945 гг. заставили автора взглянуть на новую мировую катастрофу под иным углом, вскрыть взаимосвязь причин агрессивной внешней политики Третьего рейха с нацистской диктатурой. Его новый роман «Время жить и время умирать» был назван созвучно ветхозаветной цитате «время рождаться и время умирать» из книги Екклесиаста, которая определяла смысл существования и последовательность событий жизни человека. Исходя из смысла ветхозаветной премудрости, жизнь человека бессмысленна и бесцельна, суть – суета [217, с. 148]. Но Э.М. Ремарк, придерживаясь этического принципа «благоговения перед жизнью» А. Швейцера [183], заменяет «рождаться» на «жить», демонстрируя тем самым свое отношение к жизни как к непреходящей ценности, подчеркивая ее уникальность.

В отличие от своего первого антивоенного романа Э.М. Ремарк не только не описывает фронтовые баталии на Восточном фронте, но даже не указывает место, где начинается разворачиваться сюжет романа. По косвенным признакам («разбитые фигурки Иисуса Христа и Девы Марии в католическом храме», «играющий на свирели Пан») с учетом повествования о времени событий (весна 1944 г.) можно определить, что действие происходит на территории Белоруссии или Западной Украины. Рота, в которой служит рядовой Эрнст Гребер, выполняет несвойственные подразделениям вермахта функции – поиск и захоронение непогребенных солдат и офицеров, трупы которых всю зиму пролежали под снегом. На фронте, несмотря на активную работу пропагандистской машины Геббельса, царит неверие в возможность каких-либо наступательных операций. Э.М. Ремарк подчеркивает лживость и

неприкрытый цинизм нацистской пропаганды: «Молодое пушечное мясо отправляется на фронт под музыку» [6, с. 409]. Эрнст Гребер, размышляя о судьбе солдат на фронте, говорит: «Солдат жив случайностью» [Там же. С. 56]. Эрнст, получивший долгожданный отпуск, приходит в отчаяние: родная Германия оказывается незащищенной от бомб союзной авиации, его дом превратился в груды развалин, судьба родителей неизвестна. Смотря в небо, он ищет ответ на вопрос: «Где они, ангелы? Обернулись самолетами. Где все? Где земля? Она теперь только для могил и окопов?» [Там же. С. 99]. Но не только развалины родного города приводят в ужас Гребера. Тотальная слежка за инакомыслящими, доноительство, концентрационные лагеря, голод и страх перед будущим – все это не может не угнетать фронтовика.

Экзистенциальный кризис, охвативший главного героя, достигает своего апогея: для него уже нет разницы между диаметрально противоположными понятиями: «...все едино – разлука и встреча, обладание и потеря, жизнь и смерть, прошлое и будущее» [Там же. С. 401]. Мысли о распаде, кончине собственного «Я» преследуют Гребера.

Непростым для ассоциативного осмысления является заключительный эпизод романа. В ситуации стремительного наступления противника Гребер не позволяет ярому нацисту Штайнбреннеру своевольно расстрелять пленных партизан и в перепалке убивает его. Очевидно, что убийство Штайнбреннера не было случайным поступком Эрнста, ненавидившего СС, СД, гестапо, ощутившего в период пребывания в отпуске всю мерзость нацистского режима. Выпуская пленных из-под стражи, Эрнст выбрасывает оружие. Но расставание Гребера с винтовкой вряд ли можно признать халатным отношением к табельному оружию. Эти два события каким-то образом мгновенно изменили мироощущение Гребера: «Он более не чувствовал тяжести» [Там же. С. 446].

Окончание романа гибелью Гребера можно объяснить определенной ремарковской традицией заканчивать повествование смертью главного героя: Пауль Боймер («На Западном фронте без перемен»), Патриция Хольман

(«Три товарища»), Елена («Ночь в Лиссабоне»), Штайнер («Возлюби ближнего своего»), Пятьсот девятый («Искра жизни»). При этом смерть Гребера может иметь особенную трактовку. Э.М. Ремарк пространно намекает на новую миссию своего героя: «Надо было сделать что-то бесконечно важное, но он никак не мог уловить, что именно... Оно было еще слишком далеким, слишком новым и настолько ясным, что причиняло боль» [Там же]. Мировоззренческая позиция автора (отрицание тоталитаризма в любом его проявлении, как левого, так и правого) отразилась в неожиданном развитии событий: Гребер погибает от выстрела партизана, отпущенного им из плена.

Таким образом, если в двух первых антивоенных произведениях («На Западном фронте без перемен» и «Возвращение») писатель, показывая уродливое лицо войны и тяжесть послевоенного времени, возлагает всю ответственность на империализм с присущей ему глобальной воинственностью, то уже в романе «Три товарища» прослеживается угроза человечеству, исходящая от нарождающейся идеологии национал-социализма. Превращение национал-социализма в государственную идеологию гитлеровской Германии и приближение новой мировой войны четко просматривается в романе «Триумфальная арка». Последствия реализации ультраправой, расистской и антисемитской доктрины в самой Германии и на оккупированных нацистами территориях создали сюжетно-тематическую основу романа «Время жить и время умирать».

2.2. Художественное воплощение концепта «Kriegszeit» в романе Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать»

Методика анализа двухкомпонентного концепта «Kriegszeit», разработанная нами в первой главе, предполагает пять этапов. Первые два этапа анализа концепта были реализованы нами во втором параграфе первой главы. В настоящем параграфе мы продолжим анализ концепта «Kriegszeit»

на материале текста романа с учетом положений, обоснованных нами в параграфе 1.1.

Контекстуальный анализ романа Э.М. Ремарка, проведенный нами с учетом основного значения концепта «Kriegszeit» и многообразия смыслов, содержащихся в понятийном слое, позволил выявить наиболее частотные значения концепта, которые определили имена фреймов, положенных в основу его мотивно-фреймовой структуры:

- «Kriegszeit – субъект»,
- «Kriegszeit – объект»,
- «Kriegszeit – состояние».

Выделенные фреймы совпадают с концептуальными метафорами, которые были использованы Дж. Лакоффом и М. Джонсоном для постижения событий, действий, занятий и состояний [111, с. 49-58]. Подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона к осмыслению онтологических метафор времени позволяет рассматривать время как действующий субъект; объект, имеющий определенную ценность; состояние человека и окружающего его мира (пространства).

Выделенные нами фреймы логично структурировать, представив их в виде небольших пакетов взаимосвязанной информации, которые конфигурируются на основе ключевых параметров изображаемой ситуации и сохраняют наиболее яркие ее детали. Для наименования таких пакетов (блоков) информации в литературоведческих работах используются различные термины: «контекстуальные фреймы» (К. Эммонтт [189]), «проекции концептуальной метафоры» (Дж. Лакофф, М. Турнер [196]), «логические производные» (Е.В. Лозинская [114, с. 50]), «субфреймы» (Е.Н. Муратова [126, с. 89]). На наш взгляд, термин, введенный К. Эммонтт для обозначения структурных элементов фрейма, удачно отражает соотношение категорий части и целого.

Фрейм «Kriegszeit – субъект» представлен в романе следующими контекстуальными фреймами: «Kriegszeit – убийца», «Kriegszeit –

разрушитель», «Kriegszeit – могильщик», «Kriegszeit – диктатор», «Kriegszeit – вор», «Kriegszeit – животное», «Kriegszeit – судья», «Kriegszeit – извратитель».

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – убийца», самый объемный по наполнению, выделяется в рамках нахождения центрального персонажа – Гребера – на фронте. При этом автор даже не указывает место, где начинается разворачиваться сюжет романа. Однако уже в начале повествования происходит семантизация художественного пространства с использованием лексем с негативной коннотацией: «Tot», «Tote», «alte Tote», «Januartoten», «Dezembertoten» [24, S. 11-13]. Устанавливается ассоциация времени военного со временем смертей. Гребер включается в пространство смерти, так как он вынужден выступать в роли могильщика – хоронить трупы, которые начинают появляться с наступлением весны. Автор, говоря о мертвецах, «выходящих» на поверхность тающего снега, не применяет другие выражения кроме «убитые», «расстрелянные», «погибшие», однако скрупулезно описывает «локализацию смерти» во времени: мертвецы давние, декабрьские, январские и т. д. Они выступают своеобразным ориентиром, способом исчисления времени, проведенного на войне. Эпизоды на передовой, разворачивающиеся в рамках этого фрейма, наполнены событиями, которые содержат образы, соотносимые только с мотивом насильственной смерти: захоронение трупов, расстрел пленных и др. Совокупность этих образов призвана еще раз отразить и подчеркнуть масштабность трагедии: «Wir haben ihnen Armeen von Kadavern überlassen» [Ibid. S. 37] («Оставили им армии трупов»⁴); «Tote – es waren zu viele Tote dagewesen» [Ibid. S. 38] («Мертвецы – их было непомерно много»).

Особого внимания заслуживает мотив умирания и тления, который также возникает в рамках развертывания этого фрейма. Ситуационно он связан с образом смерти, проявляющимся в описании состояния трупов

⁴ Здесь и далее перевод на русский язык приведен по изданию: Ремарк Э.М. Время жить и время умирать: пер. с нем. Н. Федоровой. М.: Издательство АСТ, 2019.

однопольчан главного героя, извлекаемых из-под тающего снега: «Es stand in den offenen Mündern, als wären die Toten ertrunken» [Ibid. S. 12] («Эта вода стояла в открытых ртах, словно мертвецы утонули»), «Das Fleisch der Füße war durch das Schneewasser im Leder verfault und gab nach» [Ibid. S. 20] («Плоть внутри сгнила из-за талой воды и уступила»), «Sie roch nach Salpeter, Fäulnis und den Toten» [Ibid. S. 36] («Внутри пахло селитрой, гнилью и мертвецами»).

Э.М. Ремарк не случайно сравнивает Восточный фронт весны 1944 г. с Африканским театром военных действий вермахта. Если в Африке смерть была сухой – в песке, на солнце, на ветру («...Skelette übriggeblieben, die in den plötzlich viel zu weiten Uniformen lose ratterten» [Ibid. S. 11] («...скелеты, гремевшие в чересчур просторных мундирах»)), то в России – грязной, зловонной. По сути, уже в самом начале романа Восточный фронт представлен земным адом, в котором оказывается главный герой и его фронтовые товарищи. Именно на фронте, несмотря на нацистскую пропаганду, все чаще происходят разговоры о невозможности победы и крушении планов вермахта. Там же изменяется отношение Гребера к сослуживцам, которые все еще верили нацистской пропаганде и продолжали, не задумываясь, следовать приказам. Для центрального персонажа свои стали чужими.

В рамки фрейма «Kriegszeit – убийца» локализуются события, происходящие в период отпуска героя. Предстоявшие две недели отпуска в воображении Эрнста Гребера должны были стать некоей отдушиной от фронта: нетронутый войной родной город, родительский дом, родительские объятия, кофе с медом и булочками, выложенными мамой на знакомую скатерть в сине-белую клетку, аромат герани – все это предвкушал Эрнст по пути домой. Но, к его удивлению, «родная Германия оказалась незащищенной»: город разбомблен, дом разрушен, судьба родителей неизвестна. Мотив смерти прослеживается не только в описании фронта, но и в эпизодах, относящихся к родному городу главного героя: «Die Toten sind

überall» [Ibid. S. 162] («Мертвые повсюду»), «Fünftausend allein in dieser Stadt» [Ibid. S. 178] («Пять тысяч погибших только в этом городе»). Таким образом, хронотопы тыла и фронта объединены единым пространством войны, враждебным для главного героя.

Мотивы небытия и смерти, типичные для отражения фронтовых будней, четко просматриваются в описании бомбардировок тыла, осуществлявшихся английской авиацией: «Beide waren platt gedrückt. Die Gesichter waren flach; nichts stand mehr hervor, die Nase war fort, die Zähne waren zwei Reichen flacher Kerne, etwas verstreut und schief...» [Ibid. S. 90] («Оба были расплющены в лепешку. Лица плоские, совершенно без выступов, носа нет, зубы – два ряда плоских зерен, вразброс вкривь и вкось...»), «Sie liegen unter den Trümmern mit ihren zertretenen Gesichtern» [Ibid. S. 162] («Они лежат под развалинами с разможженными лицами...»). Война не только убивает, калечит физически и морально, но и лишает возможности захоронить тела («Wissen Sie, wieviel Leichen noch draußen liegen?» [Ibid. S. 136] («Знаете, сколько трупов до сих пор лежат непогребенные?»)).

В эпизодах захоронения царит гнетущая атмосфера пространства войны: «Die Knochen der ausgebombten Toten hatte man zum größten Teile wieder gesammelt und zu einem sauberen Haufen aufgeschichtet...» [Ibid] («Кости мертвецов, попавших под бомбежку, большей частью собрали и сложили аккуратной кучкой...»).

Эпизод, наполняющий этот контекстуальный фрейм, отчетливо отражает суть политики фашистского геноцида: «За линией фронта СД вообще тысячами ликвидировало людей под тем предлогом, что создает жизненное пространство для немецкого народа. Ликвидировало все нежелательное, большей частью расстреливая народ...» [6, с. 194].

Кроме того, эпизоды, в которых возникает мотив умерщвления людей, достаточно четко характеризуют образ войны – изощренного убийцы, использующего любые средства уничтожения людей («пристрелить»,

«строить виселицу», «расстрелять русского», «расстрельная команда», «отстрелил нижнюю челюсть», «выстрел в затылок», «выстрел в ухо», «расстреливать народ», «расстрел заложников» – всего 22 случая).

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – разрушитель» наполняют эпизоды, в которых прослеживается мотив разрушения материального мира и природных объектов («разрушенная деревня», «обугленные крыши», «окровавленная постель», «сгоревшая крыша», «разрушенная церковь», «разбитые фигуры святых», «деревня – район боевых действий», «разбитая кровля», «обрубки рук Девы Марии», «отсутствие ног у Христа», «разрушенный дом», «сплошные развалины», «груда обломков», «руины», «хаос пожарища», «обугленные стены», «остатки улиц», «город – будто выжженный угольный карьер», «дымящиеся руины», «сгоревшие дотла дома», «разбомбленная улица», «обугленные деревья», «спаленные земли», «изнасилованный воздух», «дерево, вырванное бомбой из почвы» – всего 53 случая). Репрезентантами данного фрейма создается образ «войны-вандала». Особенно ярко он проявляется в описании природных объектов, на которых отпечатываются уродливые следы войны: «Бомба почти вырвала дерево из почвы. Часть корней висела в воздухе, ствол расщепился, несколько сучьев обломились, но оно действительно было сплошь в белых цветах, розоватых от зарева... Для деревьев сейчас весна, и только. Все прочее их не касается... Они растут, выгоняют листья и цветы, и даже когда искорежены, та часть, у которой в земле остались корни, продолжает цвести и зеленеть» [Там же. С. 204]. По мысли Э.М. Ремарка, человеческому существованию не должна быть свойственна война, человек, как и природа, может и должен жить в соответствии с божественными заповедями.

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – могильщик» представлен описанием мест захоронения и процессов похорон («могилы в заледенелой земле», «хоронили как доски», «отрытые могилы», «отшвырнуло в могилу», «воронка вместо могилы», «массовые могилы под землей», «могилы без памятников и имен», «похоронная фабрика», «братские могилы», «обитель

смерти стала самым оживленным местом в городе», «бесконечный морг», «квартиры-гробы», «сплошная мертвецкая», «процессия катафалков» – всего 33 случая).

Метафора «весь город в трауре, бесконечный морг, окутанный чернотой с квартирами-гробами, сплошная мертвецкая» [Там же. С. 159] создает образ превращенного в огромную могилу города, улицы которого сравниваются с моргом, квартиры – с гробами. Э.М. Ремарк называет звуки, издаваемые ударами обрывка кабеля по клавишам уцелевшего в развалинах дома фортепиано, звоном «колокола мертвецов» [Там же. С. 177], что дополняет образ города, который в период войны становится огромной могилой.

В размышлениях Гребера об ужасах войны («Dahinter und ringsum kämen düster, wie unter endlosen Leichentüchern, Deutschland, Frankreich, Italien, der Balkan, Österreich und alle die andern Länder, die im Krieg sind» [24, S. 155] («А вокруг мрак. Германия, Франция, Италия, Балканы, Австрия и все прочие страны, участвующие в войне, словно под бесконечным саваном»)) отражен образ «времени военного – могильщика», похоронившего народы многих стран. Более того, главный герой говорит о тридцати тысячах голландцев, погибших в результате фашистской оккупации. Но в данном эпизоде не чувствуется скорби, переживания вины и стыда. Эрнст в большей степени обеспокоен другим обстоятельством – запретом въезда немецким туристам, который после войны может быть установлен Голландией и другими странами Европы. Здесь прослеживается расхождение авторской оценки сущности войны и ее восприятия главным героем, для которого трагедия других народов менее значима, чем трагедия соотечественников.

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – диктатор» наполнен императивами («приказ есть приказ», «через день-другой станешь унтер-офицером или будешь раздавлен танком», «о фронтовом времени нельзя говорить ни слова», «нельзя включать свет», «никаких детей в такое время», «с ампутированными спорить нельзя; тот, кто стал калекой, всегда прав»,

«даже во сне слушаемся приказа», «тотальное правление – тотальное поражение»), которые реализуют мотив безысходности, отчаяния и уныния. На вопрос Польшмана об обязанности возвращения на фронт Гребер отвечает: «Ich kann mich weigern. Dann werde ich gehängt oder erschossen» [Ibid. S. 187] («Могу отказаться. Тогда меня повесят или расстреляют»). Этот разговор указывает на антигуманную суть тоталитарного режима Третьего рейха, который был враждебен для самих немцев: при неподчинении власти они становились ее врагами и подлежали преследованию.

Эпизоды романа, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – vor», отражают реализацию мотивов похищения времени, отведенного человеку для жизни, утраты счастья и надежд на будущее. Война нарушает привычное течение времени: «Fast zwei Jahre. Zwanzig Jahre. Es war alles dasselbe» [Ibid. S. 56] («Без малого два года миновало. Или двадцать лет. Все едино»). Фраза Гребера «Ich möchte einschlafen und in einer anderen Zeit aufwachen» [Ibid. S. 50] («Эх, уснуть бы и проснуться в другие времена») лучше всего отражает отношение человека ко времени, прожитому в период войны, как к украденной части жизни. Время военное похищает у человека счастье, крадет надежды и перспективы. По дороге с фронта на родину Гребер вспоминает о беззаботном детстве в родительской семье, юношеских мечтах о дальних странах. Но сладкие воспоминания резко прерываются теми реалиями, в которые его поставила война: «Fremde Länder hatte er inzwischen genug gesehen; aber nicht so, wie er es damals geträumt hatte» [Ibid. S. 80] («Дальних стран он с той поры успел навидаться, но не так, как мечтал тогда»). В рассуждениях главного героя и его возлюбленной о счастье просматривается мысль о том, что во время военное не может быть счастливо ни одно живое существо: «Glücklich allein sind heute bloß noch die Kühe. Oder vielleicht auch die nicht mehr. Vielleicht sind es nur noch die Steine» [Ibid. S. 222] («Только счастливы нынче одни коровы. Хотя, может, и они уже нет. Может, счастливы одни лишь камни»). Парадигма существования человека в военное время, вложенная Ремарком в уста главного героя, звучит так: «Wir sind nicht

mehr tot. Und wir sind noch nicht tot» [Ibid. S. 222] («Мы уже не мертвы. И еще не мертвы»).

Во многих эпизодах, наполняющих данный фрейм («Без малого два года миновало. Или двадцать лет. Все едино», «Эх, уснуть бы и проснуться в другие времена», «То был отпуск, а жизнь солдата отмеряется временем на фронте, а не отпусками»), течение времени на фронте оценивается несколько иначе, чем в условиях тыла. Нежелание оказаться во времени, выпадающем на войну, замедление течения времени в условиях угрозы человеческому существованию и, напротив, ускорение его течения в квазимирные периоды (в тылу) обусловлено естественной человеческой потребностью к самосохранению своего «я». Таким образом, в ощущениях течения времени прослеживаются мотивы жизни и смерти, являющиеся доминирующими в романе.

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – животное» наполнен эпизодами, в которых использованы лексические единицы, употребляемые, как правило, для описания поведения животных: «Diese ruhigen zwei Stunden fraßen mehr an ihrer Energie als ein Gefecht» [Ibid. S. 383] («Эти два спокойных часа отняли у них больше энергии, чем бой»), «Er starrte auf die zerfressenen Dächer der Häuser» [Ibid. S. 134] («Он смотрел на сожранные крыши домов»). Применение автором данного приема способствует отражению античеловеческой природы войны и усилению экзистенциального кризиса в романе.

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – судья» представлен эпизодами, в которых главный герой, непосредственно принимавший участие в расстрелах гражданского населения, пытается определить не только степень своей личной сопричастности преступлениям вермахта на Восточном фронте, но и виновность в развязывании войны верховной власти Германии. Мотив вины, возникающий в рамках этого фрейма, связан с поисками пути преодоления экзистенциального кризиса, попыткой примирения со своей совестью. В итоге Гребер осознает, что ответы на тревожащие его вопросы, как

сочетаются философские постулаты ценностей и ликвидация невинных людей, когда начинается совиновность и как быть, если невозможно дальше бесприкословно исполнять преступные приказы, надо искать в себе. Реализацию мотива в полной мере можно наблюдать в конце романа, когда главный герой не только признает свою молчаливую совиновность в преступлениях нацистского режима, но и пытается хоть как-то реабилитироваться, спасая от расстрела пленных партизан.

Время военное выносит обвинение тем лицам, которые виновны в развязывании войны: «Dreck, aufgeführt von Leuten, die älter sind als wir, und die vernünftiger sein sollten» [Ibid. S. 145] («И заварили эту мерзость люди старше нас, которм бы следовало быть умнее»). Ремарковская максима «Es würde weniger Kriege geben, wenn nicht jeder danach streben würde, anderen seine Wahrheit aufzuzwingen» [Ibid. S. 143] («Войн было бы меньше, если бы каждый не норовил непременно навязать другим свою правду») вызывает на ассоциативном уровне представление о войне как неком арбитре, который оценивает причины происходящего и выносит вердикт виновникам.

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – извратитель» наполняется эпизодами, отражающими фальсификационную сущность войны, изменяющей естественные потребности и блага человека («Im Kriege waren die Vorstellungen von Glück immer mit Essen verbunden» [Ibid. S. 220] («В войну представление о счастье неизменно связано с едой»), «Zweihundert Gramm Kaffee für eine Stunde Todesangst» [Ibid. S. 147] («Двести граммов кофе за час смертельного страха»)), подавляющей волю и сознание человека («Diktatorkult wurde leicht zu Religion» [Ibid. S. 144] («Кульм диктатора легко превращается в религию»), «Ich fühle mich eingesperrt... Das ist schlimmer als alt» [Ibid. S. 145] («Я чувствую себя узницей... А это еще хуже, чем старухой»)).

Во время ужина в ресторане «Германия» Эрнст откровенно говорит своей возлюбленной: «So sind wir! Voll Angst vor unserem Gefühl. Und wenn wir es spüren, glauben wir gleich, wir wären Betrüger» [Ibid. S. 169] («Вот такие

мы с тобой! Боимся чувствовать. А если чувствуем, сразу считаем себя обманщиками»).

Война извращает традиционные христианские ценности. Мотив забвения нравственности прослеживается в эпизодах, отражающих причины поступков главного героя: «Die zehn Gebote gelten nicht fürs Militär» [Ibid. S. 203] («В армии десять заповедей не имеют силы»), «Wann wird zu Mord, was man sonst Heldentum nennt?» [Ibid. S. 188] («Когда то, что обычно называют героизмом, оборачивается убийством?»).

Время военное меняет мировоззрение главного героя. Враждебными для Гребера становятся некоторые его соотечественники: школьный товарищ Альфонс Биндинг, занимающий пост местного шарфюрера, эсэсовец Хайни, заживо сжигающий узников концлагеря, ярый нацист Штайнбрэннер, «жиличка по уплотнению» в доме Крузе, пишущая доносы в гестапо. И, напротив, в конце романа русские партизаны, оказавшиеся в плену, не представляются ему врагами.

Изменяется и ощущение течения времени: «Aber ich habe ungefähr drei Wochen Urlaub bekommen für zwei Jahre im Felde. Fast zwei Wochen bin ich hier. Das entspricht etwa fünfzehn Monaten an der Front. Ich kenne dich also so gut wie ein Jahr – den Gegenwert von fast zwei Wochen Urlaub» [Ibid. S. 234] («Но мне дали около трех недель отпуска за два года на фронте. Я здесь почти две недели. Что соответствует примерно пятнадцати месяцам на фронте. Выходит, я знаю тебя приблизительно год, что равнозначно почти двум неделям отпуска»). Относительно спокойная жизнь в период отпуска представляется главному герою кратким мигом, а фронтовые будни – вечностью: «Es war ein Urlaub gewesen; aber das Leben eines Soldaten rechnet nach der Zeit an der Front und nicht nach Urlauben» [Ibid. S. 387] («То был отпуск, а жизнь солдата отмеряется временем на фронте, а не отпусками»). Таким образом, течение времени в период войны воспринимается неоднозначно в зависимости от ощущений человека: на фронте оно замедляется, в тылу ускоряется [174, с. 663]. В релятивистском подходе

автора к течению времени прослеживается символическое выражение мотива чуждости войны человеческой природе.

Война настолько извратила ощущения людей, что даже раскаты грома ими воспринимаются как канонада фронта: «Es sind keine Bomben und keine Artillerie und keine Flugzeuge, Elisabeth... Es ist ein Gewitter» [24, S. 277] («Это не бомбежка, не артиллерия и не самолеты... Это гроза»). Примечательно, что мотив изменения реализуется на уровне оппозиций, где сравниваются звуки от взрывающихся снарядов и звуки от раскатов грома: «Sie wirkten blaß und künstlich nach dem, was sie an Gewittern kannten, die von Menschen erzeugt wurden, und auch der Donner war kaum zu vergleichen mit dem Dröhnen eines Flugzeugschwarms – ganz zu schweigen von dem eines Bombardements» [Ibid] («После тех гроз, что творили люди, они казались бледными и искусственными, да и гром толком не выдерживал сравнения с ревом авиации, а уж тем более с грохотом бомбежки»).

Изменения в сознании людей, происходящие в годы войны, прослеживаются также в единицах текста: «не так, как раньше», «больше никакого доверия», «больше никакой веры», «делать диким», «старательный прислужник смерти». Война подтасовывает сам процесс старения человека – люди становятся «стариками без мудрости». Меняется традиционное отношение к собственности как к благу. Например, в душевном состоянии Элизабет, возлюбленной Эрнста, прослеживается мотив подмены: иногда она хочет обнаружить свое жилье сгоревшим, чтобы вместе с имуществом сгорел и страх, безнадежность, ненависть: «Wenn das Haus verbrannt wäre, wäre auch das vorbei, dachte ich, und ich könnte von neuem anfangen» [Ibid. S. 218] («Если бы дом сгорел, думала я, они бы тоже пропали, и я могла бы начать сначала»).

Фрейм «Kriegszeit – объект» представлен двумя контекстуальными фреймами: «Kriegszeit – ограниченный ресурс» и «Kriegszeit – ценность».

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – ограниченный ресурс» наполнен эпизодами, отражающими переживания героев, связанные с ощущением

полной подвластности своего существования войне и ежедневным созерцанием неизбежности смерти: «aus dem Begrenzten und der zufälligen Form, die für kurze Zeit Ernst Graeber hieß, zurück in das Grenzenlose, das nicht nur Tod war, sondern entsetzlich viel mehr, Auslöschung, Auflösung, Ende des Ichs, Wirbel sinnloser Atome, Nichts» [Ibid. S. 227] («...из случайной формы, так недолго называвшейся Эрнстом Гребером, назад в безграничность, которая была не просто смертью, а много-много большим – истреблением, распадом, кончиной “я”, вихрем бессмысленных атомов, ничто»). Экзистенциальные переживания Гребера, связанные с предчувствием своей кончины, ярко прослеживаются в эпизоде: «Geblieden war nur der Widerschein des Augenblicks, als das Leben ihm plötzlich sehr nahe war und mit Bäumen aus Pflastersteinen und Ruinen zu brechen schien, um mit grünen Händen nach dem Licht zu greifen. Zwei Wochen, dachte er. Zwei Wochen Leben noch. Ich sollte es greifen wie die Linde das Licht» [Ibid. S. 192] («Остался только отблеск того мгновения, когда жизнь вдруг оказалась совсем рядом и словно бы вместе с деревьями рвалась из мостовых и развалин, чтобы зелеными руками поймать свет. Две недели, думал он. Еще две недели жизни мне осталось! Надо ловить ее, как липа ловит свет»). Репрезентанты этого фрейма дополняют образ «войны-убийцы», раскручивающемуся маховику которой не в силах противостоять главный герой.

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – ценность» наполнен эпизодами, отражающими ценность времени даже в условиях предельной экзистенциальной ситуации («два дня для нас двоих», «выиграть две минуты жизни», «подаренное время», «три недели отпуска как три года», «терять время», «отнимать много времени», «нехватка времени»). В эпизоде «Einmal allerdings hatte eine Frau sich auf die Knie geworfen, nachdem sie nicht getroffen worden war, und ihnen mit Tränen gedankt für die ein, zwei Minuten Leben, die sie dadurch gewonnen hatte» [Ibid. S. 27] («Однако однажды, когда пули прошли мимо, какая-то женщина пала на колени и в слезах благодарила их за лишние две-три минуты жизни, что достались ей таким образом») автором

использован глагол «gewinnen», который всегда связан с положительной коннотацией, но в контексте данного фрагмента он придает повествованию негативный оттенок.

Фрейм «Kriegszeit – состояние» представлен двумя контекстуальными фреймами: «Kriegszeit – состояние человека» и «Kriegszeit – состояние событий».

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – состояние человека» наполнен эпизодами, в которых экзистенциальный мотив выживания подчеркивается использованием темпоральной лексики («усталый день», «ползущий страх времени», «страх механической бесчеловечности времени»). В ощущениях течения времени на войне проявляется эмоциональная напряженность героев. В эпизоде, содержащем проекцию настоящего на будущее («Nach dem Kriege dreht sich so etwas. Dann bist du kein Held mehr; dann bist du nur noch ein Krüppel» [Ibid. S. 261] («После войны все меняется. Тогда ты уже не герой, а просто калека»)), проявляется внутренняя опустошенность героев, их страх перед будущим.

Состояние утраты жизненной перспективы, ощущение хрупкости своего существования просматривается даже в условиях тыла. Главный герой сравнивает праздничность атмосферы, царящей в ресторане «Германия», с миром и безопасностью. Однако в глубине его души возникает страх обманчивости происходящего («...es kam ihm vor, als wäre er aus Versehen getreten auf dünnem Eis und stellte zu meiner Überraschung fest, dass das Eis hält. Ich wusste, dass das Eis dünn war und wahrscheinlich nicht lange halten würde, aber jetzt hält es, und das reicht» [Ibid. S. 169] («...он чувствовал себя так, будто случайно ступил на тонкий лед и, к своему удивлению, обнаружил, что лед держит. Знал, что лед тонкий и держать будет, пожалуй, недолго, но сейчас держит, и этого достаточно»)).

Определенный интерес представляет процесс трансформации образа главного героя, в сознании которого происходят глубинные перемены. Из одного состояния, характеризующегося беспрекословным исполнением

преступных приказов командования (передовая на Восточном фронте в начале романа), он переходит в другое, качественно иное: для него уже нет никаких сомнений в преступности гитлеровского режима, он готов противостоять нацизму (попытка расправы с эсэсовцем Хайни, убийство национал-социалиста Штайнбрэннера). Освобождение партизан из плена и отказ от оружия – это последняя деталь, которой Э.М. Ремарк завершает описание процесса трансформации мировоззрения главного героя.

Изменение мировоззрения Гребера, несомненно, связано с теми реалиями, с которыми он сталкивается в тылу (разруха, голод, политический цинизм, концентрационные лагеря для нелояльных режиму, страх доноительства). Поворотными моментами в переформатировании его сознания являются беседы с учителем Польманом, у которого Эрнст ищет ответы на терзающие его вопросы о своей виновности в происходящем, о причинах войны, о своем дальнейшем существовании.

Ассоциативная связь просматривается в эпизодах, в которых говорится о схожести глаз Польмана и партизана, расстрелянного в России. Э.М. Ремарк неслучайно повторяет эту мысль. Сначала Гребер не помнит, где он видел эти глаза, а в следующем фрагменте автор дает нам понять, что Польман смотрит на Гребера глазами убитого русского. Польман – тот, к кому идет Гребер, чтобы получить ответ на вопрос: что делать, во что остается верить? Заметим, что Гребер идет с этим вопросом не в костел, а к своему учителю. Для главного героя Польман является источником истины, поэтому его глаза – глаза правды. Такие же глаза были у расстрелянного партизана. Гребер понимает: расстреляна правда, та правда, с которой ведет борьбу Германия на востоке.

Путь Гребера к пониманию преступной сущности гитлеровского режима, осознанию своей совиновности в преступлениях нацизма и его гибель от рук советского партизана, освобожденного им же из-под стражи, может иметь разные трактовки. Убийство освобожденным своего освободителя можно понять, как желание отразить слепую ненависть к

противнику, привитую советской пропагандой. Но не исключена и иная трактовка этого эпизода: нереализованная Гребером возможность уйти за линию фронта вместе с русскими была несовместима с позицией автора, дистанцировавшегося и от левых, и от правых [175, с. 366].

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – состояние событий» наполнен эпизодами, демонстрирующими восприятие героями событий прошлого и настоящего. В предложении «Die Vergangenheit... Sie beschwert uns nur» [24, S. 295] автор использовал глагол «beschweren» (обременять, отягощать), который придает событиям прошлого отрицательную оценку. Прошлое рассматривается как некое отягощение, от которого необходимо избавиться, чтобы начать все сначала. Эпизод фрейма «Man hat uns das Licht gegeben, und es hat uns zu Menschen gemacht. Wir aber haben es gemordet und sind wieder Höhlenbewohner geworden...» [Ibid. S. 153] («Нам был дарован свет, и он сделал нас людьми. А мы его убили и опять стали пещерными троглодитами») достаточно ярко демонстрирует упадок цивилизации, откат к состоянию дикости и варварства.

Саркастический подтекст использован автором для описания отношения фронтовиков к событиям недавнего прошлого и настоящего. Развернувшаяся в поезде дискуссия солдат-отпускников о ложных и истинных арийцах, о расах господ и недочеловеков явно не встраивалась в геббельсовские пропагандистские штампы.

Описывая реалии фашистской диктатуры, приведшей к трагическим последствиям для той части немецкого общества, которая оказала сопротивление режиму и попала в концентрационные лагеря, Э.М. Ремарк прибегает к злой иронии: «Im KZ... höflich und kalt. Man ist dort ausgezeichnet eingerichtet» [Ibid. S. 318] («В концлагере вежливо и холодно... Там все превосходно организовано»). «Холодная вежливость» фашистского режима в отношении соотечественников подчеркивается автором в повествовании о судьбе отца Элизабет, оказавшегося в концлагере, о зверской расправе

нацистов с семьей еврея Йозефа, о следах пыток, запечатлевшихся на его теле.

Эпизод в ресторане «Nach den Jahren hart am Tode war der Wein nicht nur Wein, das Silber nicht nur Silber, die Musik, die von irgendwoher in den Raum sickerte, nicht nur Musik und Elisabeth nicht nur Elisabeth – sie alle waren Symbole jenes anderen Lebens, des Lebens ohne Töten und Zerstören, des Lebens um des Lebens willen, das schon fast zu einer Mythe und zu einem hoffnungslosen Traum geworden war» [Ibid. S. 168] («После нескольких лет на грани смерти вино было не только вином, серебро не только серебром, музыка, откуда-то проникавшая в зал, не только музыкой, а Элизабет не только Элизабет – все они были символами другой жизни, жизни без убийства и разрушения, жизни ради жизни, которая стала едва ли не мифом и безнадежной грезой») вызывает ассоциацию виртуальности человеческой жизни в условиях военного времени, когда стирается грань между бытием и небытием, когда человеческое существование превращается в иллюзию.

В большинстве фреймов эксплицитно либо имплицитно присутствует негативная оценка войны. Рассмотрим наиболее характерные примеры.

В прозрении главного героя – «Нам был дарован свет, и он сделал нас людьми. А мы его убили и опять стали пещерными троглодитами» (контекстуальный фрейм «Kriegszeit – состояние событий») – отражена антивоенная позиция автора, считающего войну противоестественным для человечества явлением, возвращающим его в эпоху варварства.

Опасность для человечества фашистской «миссии сверхчеловеков», приведшей к трагедии народов многих стран мира – «А вокруг мрак. Германия, Франция, Италия, Балканы, Австрия и все прочие страны, участвующие в войне, словно под бесконечным саваном» (контекстуальный фрейм «Kriegszeit – могильщик») – не только ярко высвечена в романе, но и явилась своеобразным предупреждением человечеству о необходимости пресекать всякие попытки реванша неонацистов, появившиеся в послевоенное время.

Отрицательная оценка войны находит отражение в используемых автором лексемах «unmenschlich» (бесчеловечный, жестокий), «fremd» (чужой, чуждый). Например, в описании автором ландшафта в лунной ночи прослеживается мысль о разрушении войной гармонии в человеке и в окружающем его пространстве: «Es war eine Kraterlandschaft, unmenschlich und fremd, etwas, das man träumte, aber das nicht wirklich sein konnte» [Ibid. S. 93] («Сплошные воронки, варварский чужой ландшафт, такой можно увидеть во сне, но никак не в реальности»).

Использование лексической единицы «Stunden» в сочетании с глаголом «fressen» (контекстуальный фрейм «Kriegszeit – животное») отражает некую «агрессивность» военного времени: «Diese ruhigen zwei Stunden fraßen mehr an ihrer Energie als ein Gefecht» [Ibid. S. 383].

Эпизоды романа, в которых повествуется о превращении ангелов в самолеты, несущие смертоносные бомбы, о разбитых фигурах Богоматери и Христа (контекстуальный фрейм «Kriegszeit – разрушитель»), несут отрицательную эмоциональную оценку утраты веры в Бога, отрыва человечества от традиционных моральных ценностей, содержащихся в христианских заповедях, которые в устах главного героя приобретают иную интерпретацию: «В армии десять заповедей не имеют силы».

Вызванный войной процесс трансформации сознания человека нарушает рефлексию окружающей действительности. Негативные последствия этого процесса отражают репрезентанты контекстуального фрейма «Kriegszeit – извратитель» («Боимся чувствовать. А если чувствуем, сразу считаем себя обманщиками» [Там же. С. 186], «В войну представление о счастье неизменно связано с едой» [Там же. С. 245]). Весенний гром в сознании главного героя путается с канонадой фронта («Это не бомбежка, не артиллерия и не самолеты... Это гроза» [Там же. С. 310]). Но гроза и раскаты грома ощущаются не так, как в мирное время – они кажутся бледными и искусственными, напротив, вечерний закат воспринимается как полыхание пожара.

Э.М. Ремарк вкладывает в уста главного героя следующую максиму: «Смерть никогда не укладывается в голове, сколько бы часто ты ее не видел» [Там же. С. 350]. Война противоречит божественному предназначению человека, несет смерть, калечит судьбы людей, обнажает цинизм и лицемерие власти, отбрасывает человечество назад. Она порождает бесчувствие, стирает грани между диаметрально противоположными явлениями: разлукой и встречами, обладанием и потерей, прошлым и будущим. У войны не может быть полномочий определять время, отведенное человеку для жизни, – такова этическая позиция автора, ставшая лейтмотивом романа.

2.3. Творчество Х.Г. Конзалика в свете оценки литературной критики и проблемы амбивалентности читательского восприятия

Х.Г. Конзалик относится к числу писателей, творчество которых получило образное название «литература руин» (Л. Франк, В. Борхерт, В. Кеппен, Г. Бёлль, З. Ленц, Э.М. Ремарк, Х. Кирст и др.). В произведениях этих авторов, являвшихся участниками или очевидцами Второй мировой войны, «нашла свое выражение послевоенная национальная идеология, метафористически называемая “день ноль” и обозначающая сложный ментальный комплекс, связанный с трагедией фашизма: распад времен, культурный разрыв, растерянность, надежда на обретение в будущем кардинально нового начала в культуре» [173, с. 47]. Проблемы, поднятые представителями «литературы руин», на долгие годы стали доминирующими в западногерманской литературе.

Хайнц Гюнтер Конзалик родился в 1921 г. в Кельне. В юности увлекался литературой, театральным искусством, изучал медицину. С 1937 г. Х.Г. Конзалик занялся журналистским творчеством на профессиональной основе. Принимал непосредственное участие во Второй мировой войне на Восточном фронте, где получил тяжелое ранение. С 1951 г. Х.Г. Конзалик – свободный писатель [104].

Теме войны Х.Г. Конзалик посвятил несколько романов: «Der Arzt von Stalingrad» (1956), «Sie fielen vom Himmel» (1958), «Strafbataillon 999» (1960), «Das Herz der 6. Armee» (1968), «Sie waren zehn» (1979), «Frauenbataillon» (1981), «Das Bernsteinzimmer» (1986). Мировую известность писатель получил после выхода в свет своего первого романа.

Сталинградская битва, в ходе которой была утрачена стратегическая инициатива немцев на Восточном фронте, а поражение вермахта приобрело масштаб катастрофы [153, с. 108], нашла отражение в творчестве многих немецких писателей (Ф. Весса, Г. Герлаха, В. Хайнриха и др.). Повествуя о событиях под Сталинградом, они в большей степени уделяют внимание ходу военных баталий и причинам сокрушительного поражения. В отличие от них, Х.Г. Конзалик лишь косвенно затрагивает Сталинградское сражение – в большей степени его интересует судьба соотечественников, оказавшихся в плену.

Тема отбывания заключения военнопленными в лагерях НКВД и возвращения их на родину стала наиважнейшей для немецкого народа уже сразу после окончания войны. В этой связи роман Х.Г. Конзалика «Der Arzt von Stalingrad» («Сталинградский врач») приобрел широкую популярность в Германии.

Исходя из концепции об использовании военнопленных «западных национальностей» [225, с. 70], время их заключения определялось периодом, необходимым для полного восстановления объектов, разрушенных вермахтом за время оккупации территории СССР. Однако уже в 1946 г. в данную концепцию были внесены поправки, касающиеся возвращения в Германию заключенных, оказавшихся нетрудоспособными по состоянию здоровья [219, с. 855-859]. Следующим шагом к возвращению военнопленных на родину явилось совместное решение министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции 1947 г., в соответствии с которым подлежали возвращению все пленные, не относящиеся к военным преступникам [226, с. 12]. Политические события начала 1950-х годов (смена политического

руководства в СССР и установление дипломатических отношений между Германией и СССР [55, с. 19]) способствовали принятию итогового решения о досрочном освобождении и репатриации всех немецких военнопленных, в том числе осужденных за военные преступления [229, с. 470].

Центральным хронотопом в романе является лагерь НКВД для военнопленных «западных национальностей» под Сталинградом. События, происходящие за колючей проволокой лагерного забора, охватываются длительным временным интервалом: с момента пленения солдат и офицеров вермахта, оказавшихся в Сталинградском котле (1943 г.), до их репатриации на родину (начало 1950-х гг.). Таким образом, временной интервал событий включает как период войны, так и послевоенное время. Но мирное время для заключенных лагеря, по сути, ничем не отличается от времени военного (то же правовое положение, тот же режим и условия заключения).

Повествуя о положении немецких военнопленных, Х.Г. Конзалик акцентирует внимание на судьбе бывших военных врачей вермахта Бёллера, Зельнова и Шульцхайса, выполняющих в лагере непростую миссию оказания первой медицинской помощи и лечения больных пленных. Подчеркивается высокий профессионализм немецких врачей и их врачебный долг, который оказывается выше личных интересов (Фриц Бёллер).

Создавая образ главного врача лагерного лазарета Фрица Бёллера, профессионала высочайшего класса, Х.Г. Конзалик пытается доказать превосходство немецкой нации во всем, а вторжение Германии в СССР представить выполнением некой культурной миссии немецкой нации. Исследуя произведения Х.Г. Конзалика, посвященные теме войны, Л.И. Лятифова справедливо отмечает необъективность автора в отражении исторических фактов: «Зная, что Германия неправа в своих намерениях и действиях, он все же пытался оправдать ее, даже своего рода защитить» [117, с. 23]. Уникальные операции (трепанация черепа Вернера Зельнова, полостная операция по удалению перфорированного аппендикса у пациента «номер 4583», ампутация обмороженной ноги), проведенные врачом

Ф. Бёллером в условиях отсутствия необходимых медикаментов и хирургических инструментов, вызывают удивление лагерного начальства и зависть советской профессуры. Своим высоким профессионализмом Бёллер затмевает лауреата сталинской премии советского профессора Т. Павловича. Советских врачей (А. Касалинскую, С. Кресина) Х.Г. Конзалик называет профессионально непригодными и забывшими клятву Гиппократата.

Врач Й. Шультхайс говорит: «Ich bewundere Böhler nicht nur als Arzt, sondern auch als Mensch. Immer ist er zurückhaltend und still, immer zur Stelle, nie erregt. Er ist als Arzt wagemutig und führt einen verbissenen stillen Kampf gegen den Tod, der hier allgegenwärtig ist. Er macht keine großen Worte» [17, S. 64] («Я восхищаюсь Бёллером. Его сдержанностью и спокойствием, отвагой. Он ведет ожесточенную борьбу со смертью и не произносит громких слов»⁵). Несмотря на многочисленные попытки унижительного обращения к нему лагерной администрации, Бёллер сохраняет спокойствие и стойкость духа. Имея возможность вернуться на родину, Бёллер принимает непростое решение – оставаться в лагере до освобождения последнего заключенного. Преданность профессиональному долгу непонятна лагерной администрации: «Sie verleugnen Ihre Heimat, Ihre Frau, Ihr Kind. Sie handeln nicht heldisch, sondern verantwortungslos gegen die Menschen, die Ihnen am nächsten stehen und seit acht Jahren auf Sie warten!» [Ibid. S. 346] («Вы отрицаете свою родину, свою жену, своего ребенка. Вы действуете не героически, а безответственно против самых близких Вам людей, которые ждали Вас восемь лет!»).

Время войны – это время, потерянное для жизни, молодые годы героев романа искалечены и отравлены войной. Для старшего врача Вернера Зельнова это целых девять лет: «Neun Jahre, neun verlorene Jahre, die mir keiner wiedergibt» [Ibid. S. 24] («Девять лет, девять потерянных лет, которые мне никто не вернет»). Его коллега Й. Шультхайс сожалеет о потерянной молодости: «Man hat mir nichts genommen als meine Jugend» [Ibid. S. 25] («У меня ничего не украли, кроме моей молодости»). Горечь войны чувствуется и

⁵ Здесь и далее перевод текста романа наш. – Д. Ф.

в словах Янины Салью: «Der Krieg verbittert die Herzen und sät Haß, wo man lieben sollte. Ich bin so jung und habe nichts anderes gesehen als Krieg» [Ibid. S. 61] («Война озлобляет сердца и сеет ненависть там, где нужно любить. Я так молода и ничего не видела, кроме войны»).

По мнению М. Сарджента «Х.Г. Конзалик уходит от образа немецкого солдата-агрессора, отображая его жертвой войны» [202, р. 216]. Убийцей не может быть военнопленный Карл Георг, трогательно заботящийся о незабудках и тюльпанах на лагерной клумбе. Благоговейному трепету Карла перед всем живым противопоставлен вандализм лейтенанта НКВД Маркова, регулярно топчущего цветы сапогами [17, S. 107].

Будучи ярким противником коммунистической идеологии, Х.Г. Конзалик не только высвечивает пороки сталинизма (культ личности вождя, произвол наркомата внутренних дел, кумовство во власти и продажность чиновничества, рассогласование между идеалами и реалиями и др.), но и демонстрирует неприемлемость этой идеологии для немецкой нации, добившейся «экономического чуда» без коммунизма [Ibid. S. 329]. При этом автор оттеняет негативные последствия реализации идей национал-социализма, объясняя их просчетами верховной власти.

Нарративу о неполноценности и культурной отсталости населения СССР, представляемого автором не иначе как «нация желтых азиатов», противоречит повествование о близких отношениях между немецкими военнопленными и советскими женщинами – сотрудницами лагеря. Х.Г. Конзалик отходит от главного постулата гитлеровской пропагандистской машины о невозможности какой-либо симпатии «сверхчеловека» к «недочеловеку», описывая чувство взаимной любви Йенса и Янины, Вернера и Александры [173, с. 50]. Однако военное время препятствует развитию любовных отношений. Развязка сюжета может быть объяснена и сложной структурой концепта “любовь” в творчестве Х.Г. Конзалика, который, по мысли Л.Р. Оганян, «представляет сложную структуру, базирующуюся на трех признаках: влечение к возлюбленному,

чувство привязанности к родине, родной земле и друзьям, верность и привязанность к семье» [131, с. 8].

В романе прослеживается мысль о недостаточно гуманных условиях содержания военнопленных и высокой смертности в лагерях НКВД. Однако Х.Г. Конзалик противоречит сам себе, повествуя о строгом учете количества умерших военнопленных, обязательной фиксации причин смерти, строгом ведомственном контроле за деятельностью лагерной администрации. Наличие строгого учета немецких военнопленных в советских лагерях отмечается и в мемуарах К. Аденауэра [1, с. 286]. Описывая условия нахождения соотечественников в советском плену, Х.Г. Конзалик даже не пытается проводить какое-либо сравнение с условиями выживания в нацистских лагерях смерти, где категория «ценность жизни» вообще не могла иметь звучания [55, с. 15-17]. Не раскрывая истинные причины нахождения соотечественников на территории СССР, автор обвиняет сталинский режим в массовой гибели пленных из-за плохого медицинского обслуживания, скудного питания, тяжелого труда и неприемлемых условий содержания [176, с. 749; 177]. Необъективность в отражении условий нахождения в советском плену военнослужащих стран гитлеровской коалиции, попытки исказить истинные причины войны и представить вермахт армией-жертвой вызвали негативный резонанс в Германии. Художественный фильм, снятый по мотивам романа западногерманскими кинематографистами (1958), был признан критиками открытой антисоветской пропагандой [194, S. 85].

Роман Х.Г. Конзалика «Штафбатальон 999», вышедший в свет в 1960 г., посвящен событиям более позднего периода войны, когда вермахт, потерпев сокрушительное поражение на Курской дуге, уже не мог успешно противопоставить наступлению Советской армии и вел оборонительные сражения. Действия в романе происходят осенью 1943 – зимой 1944 гг. на территории Белоруссии. Регулярное объявление в «час нации» о сокращении линии фронта стало все чаще применяться немецкой пропагандой, в идею

победоносного окончания войны уже не верило даже высшее военное руководство рейха. С учетом тяжелого положения армии, вынужденной вести оборонительные бои, и отсутствия резерва для пополнения личного состава политическим руководством Германии было принято решение формировать штрафные подразделения для использования на самых тяжелых участках фронта. Подобная практика, как отмечает А. Пересвет, «не была уникальным немецким явлением и применялась во многих странах в разных вариациях» [134, с. 273].

Герои романа – лица, осужденные к службе в штрафном батальоне. Среди них как военнослужащие вермахта, нарушившие армейскую дисциплину (рядовой Э. Видек, полковник Г. Бартлиц) или усомнившиеся в фюрере (майор Ремберг, майор Путкамер, оберлейтенант Штубниц), так и члены нацистской партии, подозреваемые в сочувствии пацифистам. В батальоне оказываются также немцы, относящиеся к диаметрально противоположным социальным слоям: представители интеллигенции (профессор микробиологии Дойчман, адвокат Райнер) и общеуголовные преступники (рецидивист Шванеке) [23, S. 9-11].

Хронотоп романа – Восточный фронт в районе белорусского города Орши, зима 1944 года. Автор достаточно подробно, с точностью до километра описывает место расположения батальона⁶. Здесь (в Витебской области) силами бойцов штрафного батальона 999 создается мощная система оборонительных сооружений вермахта. Несмотря на постоянные обстрелы артиллерии противника, солдаты-штрафники под надзором фельдфебеля Крюля ежедневно роют окопы первой линии передовой. Окончательное понимание того, что им уготована роль смертников, к бойцам батальона приходит тогда, когда их рота получает приказ провести разведку боем. Обещание командира штрафной роты Обермайера вернуть прежний статус в случае успешного выполнения задания («Jeder, der zurückkommt, wird sofort

⁶ Точность в описании места событий объясняется непосредственным участием автора в боях на территории Белоруссии.

zu seiner alten Einheit versetzt und bekommt seinen ehemaligen Rang» [Ibid. S. 176]) воспринимается ими скептически. Разведка боем, не имевшая реального успеха, заканчивается трагично: из всей роты в живых остаются фельдфебель Крюль, потерявший ногу, и тяжелораненый, ослепший Дойчман. Представляя соотечественников жертвами войны, автор замалчивает сущность нацистской политики уничтожения, которая с остервенением реализовывалась на оккупированных территориях.

Х.Г. Конзалик, восторгаясь стойкостью и мужеством своих соотечественников, в том числе воевавших в штрафных подразделениях вермахта, пытается скрыть темные стороны нацистского режима – агрессивную политику Третьего рейха, геноцид народов, не принадлежащих арийской расе, преследование пацифистов и других инакомыслящих в Германии.

Вслед за Т. Пливье («Сталинград», 1945), Г. Герлахом («Преданная армия», 1957), Ф. Вёссом («Собаки, вы хотите жить вечно?», 1958) Х.Г. Конзалик обращается непосредственно к теме Сталинградской битвы. В 1964 г. выходит в свет его роман «Das Herz der 6. Armee» («Сердце 6-й армии»). Роман основан на реальных исторических событиях, развернувшихся на Восточном фронте в октябре 1942 – январе 1943 гг. В условиях окружения и наступивших холодов армия Паулюса и союзнические армии Италии и Румынии оказываются в катастрофической ситуации, связанной с отсутствием боеприпасов, продовольствия и зимнего обмундирования. При отсутствии медикаментов возникает угроза жизни раненых, находящихся в полевых санитарных частях: «каждые семь секунд в России умирает немецкий солдат. Сталинград – братская могила» [18, S. 202]. Обещание фюрера оказать помощь окруженной армии с воздуха превращается в иллюзию.

Говоря о катастрофичности положения вермахта, Х.Г. Конзалик обвиняет «типичную немецкую бюрократию», приводящую к фатальным неверным решениям и гибели целой армии. Причины войны писатель

связывает с заблуждением горстки фанатиков и массовым умиранием разума. Солдаты вермахта, педантично исполняющие приказы командования, представлены «тевтонскими героями», способными жертвовать собой, выполняя воинский долг.

Высокие моральные качества, мужество и героизм немецкого солдата, способного сохранить «здоровое национальное чувство» в кризисной ситуации, писатель отражает также в романах «*Sie fielen vom Himmel*» («Они упали с неба»), «*Sie waren Zehn*» («Их было десять»), «*Frauenbataillon*» («Женский батальон»), «*Das Bernsteinzimmer*» («Янтарная комната»).

В романе «*Sie fielen vom Himmel*» Х.Г. Конзалик повествует о подвиге обороняющих местечко Монте-Кассино в Италии немецких десантников, которых можно уничтожить, но нельзя победить [21]. Роман «*Sie waren Zehn*» посвящен секретной операции немецкой разведки в тылу врага по физическому уничтожению Сталина [22].

Роман Х.Г. Конзалика «*Frauenbataillon*» (1981) посвящен событиям, происходившим на Восточном фронте летом 1943 г. Советский женский батальон противостоит гитлеровцам, готовящимся взять реванш под Курском и Белгородом за поражение под Сталинградом. Дуэли с немецкими снайперами на линии противостояния ведут «мадонны со смертоносными указательными пальцами»⁷ [20, S. 203]. Девушки, находящиеся под командованием капитана Зои Байды, «были воспитаны убивать, они гордились тем, что заносили в свою снайперскую книжку каждый выстрел в голову» [Ibid. S. 345]. Отражая фанатизм девушек-снайперов, которые руководствуются принципом «умереть, прежде чем жить», Х.Г. Конзалик ставит этический вопрос: «Кто они – героини или извращение войны?» [Ibid. S. 532]. Сюжетная линия романа предопределена встречей главных героев – лучшего снайпера женского батальона Стеллы и немецкого снайпера-аса Петера, между которыми разворачивается дуэль на линии фронта. Выискивая друг друга через прицел снайперской винтовки, каждый из них намерен

⁷ Здесь и далее перевод наш. – Д.Ф.

уничтожить противника, но внезапная рукопашная схватка заклятых врагов неожиданно меняет их отношения – после войны они становятся семьей, вынужденной проживать в далеком сибирском поселке под чужими именами из-за опасения Петера быть разоблаченным органами безопасности. Таким образом, Х.Г. Конзалик, уходя от тезиса превосходства арийской нации, типичного для ранних произведений о войне, строит повествование на основе парадигмы «люди должны быть братьями всегда и везде» [Ibid. S. 339]. Автор не замалчивает преступления нацистов против населения СССР, но перекладывает вину в развязывании войны на власти воюющих стран. Германское вторжение представляется вынужденной мерой, связанной с необходимостью нанесения превентивного удара. Подчеркивая тоталитарность режимов воюющих стран, автор приравнивает демонстрации с плакатами в дни революционных праздников в СССР к факельным шествиям в Германии.

Исследователи творчества Г.Х. Конзалика отмечают склонность автора к романтизации «подвигов» вермахта и замалчиванию преступлений, совершенных СД и СС, противоречивость его выводов о бессмысленности войны и наличии «светлых» сторон в немецкой военной доктрине в части положений, касающихся распространения культуры «великой нации» на оккупированных территориях [88; 131].

В одном из последних своих романов «Das Bernsteinzimmer» (1986) Х.Г. Конзалик отступает от тезиса «цивилизаторской миссии» Третьего рейха. Вывоз в Германию культурных ценностей из Екатерининского дворца в сентябре 1941 г. он называет кражей достояния СССР, поведение солдат вермахта, отбивавших штыками для подарка фрагменты янтарных панелей, – варварством [19, S. 8]. Вермахт уже не представляется армией-жертвой, а агрессия Третьего рейха против СССР не объясняется необходимостью нанесения упреждающего удара.

2.4. Художественное воплощение концепта «Kriegszeit» в романе Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач»

В настоящем параграфе мы продолжим исследование концепта «Kriegszeit» на материале текста романа Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач» с учетом положений, обоснованных в первой главе.

Исходя из анализа дефиниций терминов «Krieg» и «Zeit», проведенного нами во втором параграфе первой главы, основным значением концепта «Kriegszeit» является «период, в котором происходит вооруженная борьба враждующих сторон». Однако в романе повествуется как о событиях военного времени (зима 1943 г. – весна 1945 г.), так и послевоенного периода (весна 1945 г. – зима 1953 г.). По нашему мнению, использование концепта «Kriegszeit» при анализе событий послевоенного периода вполне правомерно, так как окончание войны не повлекло существенных изменений в правовом статусе военнопленных «западных» национальностей», о судьбе которых повествуется в романе. Более того, автор не упоминает об окончании войны, время для военнопленных на протяжении всего пребывания в лагерях НКВД течет в одном и том же ритме «от подъема до отбоя», как бы по кругу, делая однообразными дни, недели, месяцы, годы. Разнообразие в распорядок лагерной жизни может внести только болезнь. Для пленного, попавшего в лагерный лазарет, «время начинает течь еще медленнее, поскольку в отсутствии нормального лечения и ухода за больными каждый день является приближением смерти» [172, с. 67].

Хронотоп «лагерь НКВД для военнопленных стран гитлеровской коалиции под Сталинградом» выступает центром развития сюжета романа. Здесь, в поволжской степи, после окружения и разгрома 6-й армии фельдмаршала Паулюса, находятся в плену солдаты и офицеры вермахта. Конзалик использует множество художественных деталей для создания локуса лагеря: например, степь, продуваемая ветрами, колючая проволока лагерного забора, вышки с автоматчиками, лагерные бараки и нары, – все это создает удручающую картину плена. Стоит отметить, что особую

враждебную атмосферу создает и жуткий вой диких животных в степи, который нарушает тишину ночи и усиливает враждебность («Ein Reich der Wölfe und Bären, die des Nachts durch den Schnee irrten und die Stille mit ihren unheimlichen Lauten erfüllten» [17, S. 369]).

Несмотря на то, что в романе повествуется о целом десятилетии пребывания военнопленных в лагере, автор никогда не прибегает к описанию теплых летних месяцев года. Холод, стужа, снега, лютые ветра, убивающие все живое, создают образ вечной зимы: «Die Wolga ächzte unter dem Eis» [Ibid. S. 276] («Стонет даже Волга, воды которой скованы льдом»).

Огромная протяженность территории СССР и суровость его климата, по мысли Х.Г. Конзалика, выступает одной из причин проигрыша Германии в войне: «Mütterchen Rußland ist ein rauhes Mütterchen» [Ibid. S. 95] («Матушка Россия – суровая мать»), «Die Weite des Landes erdrückt das Herz» [Ibid. S. 85] («Ее бесконечные просторы сокрушают сердца»).

Повествуя о тяжести режима и бедственном положении пленных соотечественников в лагерях НКВД, Х.Г. Конзалик нигде не упоминает о побегах узников, но иронично замечает: «Die Größe Rußlands ist der beste Stachelzaun» [Ibid] («Ее размер – это лучший колючий забор»).

Особая роль в романе отводится хронотопу «далекая родина». Для пленных мысли и воспоминания о родине являются некой отдушиной, своеобразным окном в тот мир, который они вынужденно оставили. Для доктора Фрица Бёллера это любимая супруга Марго и дети, которых он видит во снах. Для старшего врача Вернера Зельнова это воспоминания о дружной семье, уютном доме с налаженным бытом. Его коллега Йенс Шульхайс вспоминает о родине всякий раз, когда взгляд останавливается на ярких лепестках первоцвета, того самого растения, с которым на родине связаны добрые народные приметы. Крупицы любимой Германии они видят в письмах и редких посылках, вызывающих у военнопленных слезы.

Хронотопу «далекая родина» противопоставлен хронотоп «суровая Россия». Стоит отметить, что подобное противопоставление присутствует и

на уровне системы персонажей: советское общество показывается отсталым, диким и даже варварским – для него оккупационный режим, уготованный «цивилизованной Германией», мог бы иметь только светлые стороны, что находит отражение во многих эпизодах. Автор часто употребляет для описания советских граждан лексемы «азиат», «монгол», «киргиз» с подтекстом «недочеловек», а также изображает представителей лагерной администрации и советских специалистов малообразованными. Сталинский лауреат профессор Павлович показан не только специалистом низкой квалификации, но и подлым человеком, пытающимся присвоить результаты гениальных операций, проведенных Фрицем Бёллером, а свои просчеты при лечении пациента Кислева, приведшие к смерти последнего, возложить на немецкого хирурга. С негативной точки зрения показаны работники административно-хозяйственных органов города Сталинграда и сотрудники аппарата НКВД, погрязшие в коррупции. Отражая удивление, возникающее у сотрудников лагерной администрации при досмотре содержимого посылок, доставленных военнопленным из Германии, автор подчеркивает экономическую отсталость СССР и невежество сотрудников НКВД, использующих шейный платок вместо пояса.

Война рассматривается Х.Г. Конзаликом и как средство спасения мира от большевистской идеологии, которая могла, по мнению автора, «наводнить Европу». В этой связи необходимость противостояния коммунистической идеологии в интерпретации Х.Г. Конзалика «оправдывала ремилитаризацию послевоенной Германии и создание Бундесвера» [142, с. 881].

Контекстуальный анализ романа «Сталинградский врач», проведенный с учетом основного значения концепта «Kriegszeit» и многообразия смыслов, содержащихся в информационном слое, позволил нам выявить наиболее частотные значения концепта, которые определили имена фреймов и его мотивно-фреймовую структуру:

- «Kriegszeit – субъект»;
- «Kriegszeit – объект»;

– «Kriegszeit – состояние».

Использование онтологических метафор времени позволяет представить время как действующий субъект; объект, имеющий определенную ценность и ограниченный ресурс; состояние человека и окружающего его мира.

Фрейм «Kriegszeit – субъект» представлен следующими контекстуальными фреймами: «Kriegszeit – убийца»; «Kriegszeit – разрушитель»; «Kriegszeit – могильщик»; «Kriegszeit – диктатор»; «Kriegszeit – вор»; «Kriegszeit – животное»; «Kriegszeit – судья»; «Kriegszeit – извратитель»; «Kriegszeit – культуртрегер».

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – убийца» наполнен мотивами, отражающими случаи массовой гибели соотечественников автора на поле боя и в условиях плена: «In den Gewölben unter den Hallen lagen Tausende von Verwundeten» [17, S. 122] («Тысячи раненых лежали в подвалах под завалами»). Мотив самосуда связан с образом русского солдата, который способен на вероломство по отношению к пленным («Und dort kam der Russe, der keine Gefangenen macht und den Verwundeten die Augen aussticht» [Ibid. S. 35]).

Х.Г. Конзалик, говоря о пленении 95 тысяч соотечественников под Сталинградом, отмечает, что только 10 тысяч из них прибыли в лагеря НКВД. Судьба остальных 85 тысяч немецких военнопленных сложилась трагично – они ушли в снег и лёд, погребены на берегу Волги, весной они оттаивали и загрязняли воздух запахом трупов («95000 Gefangene machte der Russe bei Stalingrad... knapp 10000 kamen in den Lagern an. Die anderen 85000? Sie waren verschwunden in Schnee und Eis, begraben an den Ufern der Wolga... im Frühjahr tauten sie auf und verpesteten die Luft mit Leichengeruch» [Ibid. S. 274]). Вину в массовой гибели соотечественников Х.Г. Конзалик не списывает на свирепые поволжские морозы – он обвиняет власти СССР, не желавшие оказать соответствующую медицинскую помощь пленным: «Ich habe viele Männer sterben sehen. Tausenden konnten wir helfen... aber noch mehr

starben, weil die äußeren Umstände sie sterben ließen» [Ibid. S. 51]. Х.Г. Конзалик подчеркивает, что трагедия под Сталинградом является не единственным случаем массовой гибели немецких военнопленных: «In Workuta sind bis jetzt 300000 Sträflinge gestorben» [Ibid. S. 233] («На сегодняшний день в Воркуте умерло 300 тысяч осужденных»). При этом автор отмечает тот факт, что военнопленные умирают от истощения и побоев, наносимых красноармейцами («In Workuta am Eismeer sterben täglich über hundert Gefangene an Entkräftung und unter den Schlägen der Rotarmisten...» [Ibid. S. 268]).

Если описанию гибели своих соотечественников на фронте и их близких от налетов английской авиации в тылу Х.Г. Конзалик уделяет пристальное внимание, представляя это величайшей национальной трагедией («Er erhielt einen Brief von zu Hause. Alle durch Bomben getötet» [Ibid. S. 154] («Он получил письмо из дома. Все убиты бомбами»), «Sein Schwiegersohn schreibt, die Frau und die Kinder liegen unter Trümmern» [Ibid. S. 153] («Его зять пишет, жена и дети лежат под завалами»)), то о фактах уничтожения вермахтом мирных советских граждан он умалчивает. Вина за преступления против мирного населения перекладывается автором сугубо на карательные подразделения СС и СД: «Eure schwarze Bande mit dem Totenkopf hat gar meine Mutter und meinen Bruder erschlagen» [Ibid. S. 30] («Ваша черная банда с черепом убила мою мать и моего брата»).

Повествуя о страданиях соотечественников в сталинских лагерях, автор отмечает, что циничное отношение к военнопленным было свойственно не только рядовым красноармейцам, но и советским врачам – Касалинской, Кресину, Павловичу, Седоковичу и др.: «Wenn es nach Genossin Kasalinskaja ginge, würde man alle Deutschen umbringen» [Ibid. S. 56] («Согласно позиции товарища Касалинской, все немцы должны быть убиты»).

Отдельные эпизоды, наполняющие данный контекстуальный фрейм, отражают не сами факты смерти, а ситуации, в которых просматривается мотив смертельной опасности. Автор подчеркивает отсутствие должного

контроля со стороны наркомата внутренних дел за деятельностью лагерной администрации, самоуправству которой не было предела: «Ich lasse Sie umbringen, sagte Alexandra mit unheimlicher Ruhe» [Ibid.] («Я прикажу тебя убить, – сказала Александра со сверхъестественным спокойствием»), «Ich kann Sie zertreten wie ein Insekt. Ich kann mich an Ihnen rächen, so fürchterlich, daß Ihr Tod schlimmer wäre als der eines Gefolterten» [Ibid. S. 193] («Я могу раздавить тебя как насекомое, я могу отомстить тебе так, что твоя смерть будет хуже, чем смерть замученного человека»), «Alle, alle werde ich erschießen lassen... Ich werde sie zerbrechen, wie man Holz über den Knien zerbricht» [Ibid. S. 218] («Я всех расстреляю. Я сломаю их, как ломают деревяшку о колено»), «Ich lasse dich erschießen, wenn du mir die Namen nicht nennst» [Ibid. S. 227] («Я прикажу тебя расстрелять, если ты не назовешь мне имена»).

Мотив самосуда присутствует и в поведении самих военнопленных, организующих расправу над провокаторами, завербованными лагерной администрацией: «Du gottverdammtes Aas, sagte er leise. Man sollte dich erwürgen» [Ibid. S. 106] («Проклятая падаль... тебя следует задушить»). В известной степени такая позиция автора была обусловлена распространенными в послевоенной Германии процессами уголовного преследования соотечественников, проявлявших симпатию к советской власти и оказавшихся вовлеченными в советском плену в антифашистское движение, а также замеченных в доносителе на своих товарищей и расправах («Kameradenschinder») [180].

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – разрушитель» наполнен эпизодами, отражающими реализацию мотива разрушения целостности и функций человеческого организма. Автор подчеркивает, что противоправные действия лагерной администрации могли сопровождаться не только моральным унижением, но и истязанием пленных, приводящим к тяжким последствиям: «Mongolen ihnen die Haut in Fetzen vom Rücken schlugen» [17, S. 80] («Монголы срезали кожу со спины в клочья»), «Uns ham sie in 'n

Hintern getreten und wie 'ne Herde Säue hierhergetrieben» [Ibid. S. 91] («Они били нас ногами по ягодицам и загнали сюда, как стадо свиней»), «Aber sein linkes Auge war nicht zu retten gewesen» [Ibid. S. 244] («Его левый глаз спасти не удалось»).

Тяжелые условия лагерного режима нередко становились причинами заболеваемости, истощения пленных, потери функций органов и их ампутации: «Diese Kranken mit den abgezehrten, welken Gesichtern, den tiefen Augenhöhlen, den bleichen Lippen hatten zweifellos Malaria» [Ibid. S. 89] («Эти пациенты с истощенными, иссохшими лицами, глубокими глазницами и бледными губами, несомненно, болели малярией»), «Ihre mageren Körper, ihre gelbweiße Haut, ihr sichtbares Gerippe schrie das Elend hinaus, in dem sie seit Jahren lebten» [Ibid. S. 144] («Их тонкие тела, их желто-белая кожа, их видимый скелет кричали о страданиях, в которых они жили годами»), «Sein Gesicht war in der kurzen Zeit eingefallen, grau und knöchern geworden. Die Augen hatten ihren Glanz verloren, sein Körper war zum Skelett abgemagert» [Ibid. S. 270] («Его лицо за короткое время осунулось, стало серым и костлявым. Глаза потеряли свой блеск, его тело истощено до скелета»), «...eine erfrorene Hand amputiert werden» [Ibid. S. 235] («...ампутировать отмороженную руку»).

Х.Г. Конзалик обходит вниманием описание трагических последствий массированных бомбардировок советских городов. Повествованию о разрушении мирной инфраструктуры не свойственна эмоциональная окраска, сами события отражены в виде сухой констатации: «Die Fabrik war 1942 zerstört» [Ibid. S. 117] («Завод был разрушен в 1942 году»), «...die Mauern von Einschlägen schwankten» [Ibid. S. 122] («...стены сотрясались от ударов»).

Мотивы и образы, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – могильщик», достаточно часто встречаются в романе. Многие из них одновременно являются репрезентантами контекстуального фрейма «Kriegszeit – убийца». Подчеркивая трагизм войны, автор использует выражение «лес крестов»: «...in dem Wald von Kreuzen, der sich vom Eismeer

bis zum Schwarzen Meer durch Rußland zieht» [Ibid. S. 196] («...в лесу крестов, который пролегает через всю Россию от Северного Ледовитого океана до Черного моря»). В описании захоронений умерших военнопленных (маленькая могила в степи, могила, занесенная снегом, могила на краю леса и пр.) прослеживаются экзистенциальные мотивы потерянности человека в пространстве огромной страны, отчужденности и абсурдности его существования. В уста Вильгельма Пассадовского, пропагандиста антимилитаристских идей среди немецких военнопленных, Х.Г. Конзалик вкладывает фразу: «...Adolf Hitler der Totengräber einer tausendjährigen europäischen Kultur wurde» [Ibid. S. 267] («Адольф Гитлер стал могильщиком тысячелетней европейской культуры»). Однако факт неприятия большинством военнопленных советской пропаганды дает основания предположить, что автор не разделял этот тезис, оставаясь приверженным профашистской концепции культурной миссии германской нации, что явно прослеживается в эпизодах, наполняющих контекстуальный фрейм «Kriegszeit – культуртрегер».

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – диктатор» представлен мотивами, реализующими значимость императива в условиях военного времени. Подавляющее большинство мотивов данного слота характеризует насилие и жестокость как стиль управления в советском государстве: «Nur die Gewalt bezwingt den Menschen» [Ibid. S. 96] («Только насилие побеждает человека»), «Hunger erzeugt klare Köpfe! Wer nichts zu fressen hat, wird vernünftig» [Ibid. S. 119] («Голод рождает ясные головы! Те, кому нечего есть, становятся здравомыслящими»), «...die Grausamkeit allein Sieger über den Menschen ist» [Ibid. S. 233] («...жестокость – единственная победа над человеком»), «Er stand einer Macht gegenüber, bei der es nicht um Recht ging, sondern um das autoritäre Wort eines einzelnen» [Ibid. S. 367] («Он столкнулся с властью, которая заключалась не в справедливости, а в авторитаризме»).

Х.Г. Конзалик прямо не называет политический режим СССР диктатурой, но эпизоды данного контекстуального фрейма, в которых

упоминается о всевластии Москвы, вызывают ассоциации сосредоточения власти в руках одного человека: «Es gab nichts, was mehr gefürchtet wurde als eine Meldung nach Moskau. Denn der Kreml kannte keine Gnade...er hatte Generäle, Minister, Vertraute gestürzt» [Ibid. S. 378] («Больше всего боялись донесения в Москву. Потому что Кремль не проявлял пощады... свергал генералов, министров, доверенных лиц»), «Ein Befehl von Moskau streicht alle Freundschaft und alle Vergangenheit – in Moskau regieren die einzigen Götter des Russen, ihr Wort ist ein Gebot, ein Heiligtum, ein Evangelium» [Ibid. S. 201] («Приказ из Москвы стирает всякую дружбу и все прошлое – единственные боги русского народа в Москве, их слово – заповедь, святыня, евангелие»), «Die kalte Hand Moskaus lag über dem Lager» [Ibid. S. 238] («Холодная рука Москвы лежала над лагерем»). Х.Г. Конзалик подчеркивает, что даже решение вопроса о возможности проведения богослужения в церкви требует согласования с Кремлем.

Отдельные эпизоды отражают неограниченность власти сотрудников Наркомата внутренних дел, в ведение которого в военное и послевоенное время входило руководство пенитенциарной системой страны. Широта полномочий лагерной администрации и отсутствие должного ведомственного контроля негативным образом сказывалось на положении военнопленных немцев: «Sie haben gar nichts zu verlangen! Sie sind Gefangener, Dr. Böhler – das vergessen Sie wohl? Sie sind ein schmutziger Plenni! ... Sie haben hier nichts zu verlangen, sondern nur zu gehorchen!» [Ibid. S. 201] («Вам не о чем просить! Вы заключенный, доктор Бёллер, забыли об этом? Вы грязный пленник, Вам здесь не о чем просить, просто слушайтесь»), «Man wird Sie an Ort und Stelle wieder verurteilen» [Ibid. S. 288] («Вас снова осудят на месте»), «Aber galten solche Gesetze in der Gesetzlosigkeit der Gefangenschaft?» [Ibid. S. 171] («Но применялись ли такие законы в беззаконии плена?»).

Эпизоды, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – вор», характеризуют войну как явление, противоположное естественной природе

человека, отбирающее у него время жизни, годы, которые он мог бы посвятить созиданию, любви, семье, детям. Немецкие врачи Вернер Зельнов и Йенс Шультхайс сожалеют о безвозмездно утраченных годах плена. Им вторит руководитель Сталинградской медицинской бригады Янина Салья: «Der Krieg verbittert die Herzen und sät Haß, wo man lieben sollte. Ich bin so jung und habe nichts anderes gesehen als Krieg» [Ibid. S. 61] («Война озлобляет сердца и сеет ненависть там, где нужно любить. Я так молода и ничего не видела, кроме войны»).

В эпизодах, наполняющих контекстуальный фрейм «Kriegszeit – животное», отражаются не только слепые инстинкты животных, которые перенесены на мотивы поведения людей в период военного времени («Da wird der Sanfte eine Bestie, wenn es um seine Frau, um sein Kind geht» [Ibid. S. 82] («Тогда кроткий человек становится зверем, когда дело касается его жены и ребенка»)), но и те нечеловеческие условия жизни, в которых оказываются люди в период времени военного: «Dabei kauten sie das feuchte, klebrige Brot, als enthalte es allein die Kraft, dieses Leben eines Tieres durchzustehen» [Ibid. S. 58] («Они жевали размокший, липкий хлеб, как будто только он мог дать силу выжить в этой жизни животного»)), «Es ist erstaunlich, was man aus Kriegsgefangenen, die vier Jahre hinter Stacheldraht sitzen, die hungern und im Winter wie die Fliegen frieren, herausholen kann!» [Ibid. S. 80] («Удивительно, что можно выжать из военнопленных, которые четыре года сидят за колючей проволокой, голодают и мерзнут, как мухи зимой!»)).

Проявление животного в человеке достаточно ярко отражено в образе лагерного врача, капитана медицинской службы Александры Касалинской, практиковавшей отправление на работу немощных и больных пленных. В конце романа Касалинская с раскаянием признается: «Ich habe jahrelang wie ein Schwein an diesen Menschen gehandelt» [Ibid. S. 333] («В течение многих лет я вела себя с этими людьми как свинья»).

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – судья» представлен эпизодами, содержащими оценку войны, исходящими от побежденных («...ihr, die

Russen, die Sieger, ihr mit dem großen Geschrei vom Menschenrecht, den Menschen derart mißachtet» [Ibid. S. 109] («...вы, русские, победители, вы так игнорируете людей, громко крича о правах человека»)) и победителей («Deutsche Bande! Man sollte keinen, keinen mehr nach Deutschland zurückschicken» [Ibid. S. 185] («Немецкая банда! Никого больше нельзя отправлять обратно в Германию»), «Er, der Russe, der Sieger, der Stärkere, der Machtvolle» [Ibid. S. 197] («Русский победитель, сильнейший, могущественный»)). Таким образом, в оценке итогов войны, даваемой в первые послевоенные годы бывшими противниками, чувствуются мотивы непримиримости, недоверия и неприязни.

В романе не оспариваются факты развязывания Германией Второй мировой войны, оккупации вермахтом Польши, Бельгии, Голландии, Франции, Норвегии, Дании, Балкан, Северной Африки и нападения на СССР, но всю вину Х.Г. Конзалик возлагает сугубо на Гитлера и его ближайшее окружение. Таким образом, автор снимает вину с соотечественников, вовлеченных нацистами в войну. Немецкие военнопленные, оказавшиеся в специальных лагерях НКВД, представлены жертвами одновременно двух диктаторских режимов – гитлеровского и сталинского.

Автор не снимает ответственность с лиц, проходивших службу в карательных структурах рейха (СС, СД, СА), за преступления против мирного населения, но полагает, что они не могут быть осуждены русским судом, так как он самый негуманный.

В эпизодах, наполняющих контекстуальный фрейм «Kriegszeit – извратитель», проявляется мотив подмены истинных человеческих ценностей ложными. Утрата человечности в условиях военного времени в нарративе Х.Г. Конзалика присуща в основном гражданам СССР (партийным функционерам, сотрудникам НКВД, ответственным работникам органов власти, представителям интеллигенции). В большинстве случаев прослеживаются мотивы ненависти, презрения и отвращения в отношении военнопленных, вызванные только их национальной принадлежностью: «Er

sah das Blut aus dem Gesicht Sauerbrunns rinnen und hätte jauchzen können, daß es deutsches Blut war. Er hatte das unheimliche Verlangen, dieses rinnende Blut zu trinken, um schreien zu können: Ich fresse einen Deutschen!» [Ibid. S. 70] («Он видел кровь, текущую по лицу Зауэрбрунна, и мог бы ликовать, что это была немецкая кровь. У него было сверхъестественное желание выпить эту сочащуюся кровь, чтобы он мог закричать: “Я ем немца!”»), «Ich lernte vom ersten Tage an die Deutschen hassen» [Ibid. S. 75] («С первого дня я научился ненавидеть немцев»), «Sie sind ein Gefangener, ein Deutscher, mein Feind!» [Ibid. S. 101] («Вы пленник, немец, мой враг»), «Er ist ein Deutscher! Er ist immer gefährlich!» [Ibid. S. 238] («Он немец, он всегда опасен»), «Laßt die Leichen liegen und verfaulen – sie düngen den russischen Boden» [Ibid. S. 144] («Хоронить немцев не стоит, пусть трупы лежат и гниют, удобряя русскую почву»), «Es ist schrecklich für mich, soviel deutschen Geruch einatmen zu müssen» [Ibid. S. 146] («Мне ужасно, что я вдыхаю столько немецкого запаха»), «Er nahm sich vor, nichts Menschliches mehr im Umgang mit den Deutschen zu zeigen» [Ibid. S. 149] («Он решил не проявлять ничего более человеческого в общении с немцами»), «Dann sind Sie zwei Zentner Fleisch und Knochen, die schnell verwesen werden» [Ibid. S. 179] («Вы – два центнера мяса и костей, которые быстро сгниют»).

В нескольких эпизодах просматриваются мотивы надменности и высокомерия, проявляющиеся в поведении лагерной администрации: «Die Gefangenschaft wird eine Erholung sein» [Ibid. S. 158] («Неволя будет отдыхом»), «Sie werden verlangen, daß die Plennis mehr und besser schuften, weil sie alle Vorteile der Freiheit hinter Stacheldraht genießen!» [Ibid.] («Они потребуют, чтобы пленные трудились все больше и лучше, так как у них есть все блага и свободы за колючей проволокой!»), «Wo gibt's denn das: der Russe wird human!» [Ibid. S. 159] («Где это видано, что русский стал гуманным»).

Усиление этих мотивов просматривается в эпизодах, демонстрирующих отношение советских врачей к военнопленным, нуждающимся в медицинской помощи: «Dystrophie, Gelbsucht und Tbc-

Verdacht! Das sind keine Krankheiten!» [Ibid. S. 96] («Дистрофия, желтуха и подозрение на туберкулез – это не болезни»), «Am besten wir schneiden ihm den Kopf ab. Dann haben wir den Herd der Vergiftung an der Wurzel gepackt» [Ibid. S. 174] («Лучше бы нам отрубить ему голову. Тогда мы найдем источник отравления»).

Отдельные эпизоды фрейма отражают извращение массового сознания людей, происходящее под воздействием «большевистской» идеологии: «Je mehr Elend in der Welt, um so stärker die Partei!» [Ibid. S. 119] («Чем больше в мире бедствий, тем сильнее партия»), «Das Grundübel unserer Menschheit ist das Gewissen! Nur der Gewissenlose gewinnt, nur der Skrupellose siegt!» [Ibid. S. 207] («Основное зло нашего человечества – это совесть! Только бессовестные и беспринципные побеждают!»), «Er sucht Opfer, über die er nach oben ins obere Politbüro der Partei kommt. Er will einen Knüppeldamm aus Knochen bauen, denn der Weg nach Moskau ist schlammig und schlüpfrig und sehr glatt» [Ibid. S. 219] («Чтобы попасть в высшие партийные структуры, он хочет построить мост из костей, так как дорога в Москву грязная, скользкая и очень льстивая»). Таким образом, отражая сугубо негативные аспекты эпохи сталинизма, Х.Г. Конзалик пытается спроецировать их на все население СССР, замалчивая многие социально-экономические достижения страны, позволившие одержать победу над фашистской Германией.

Х.Г. Конзалик не отрицает, что время военное негативным образом отразилось на нравственном облике соотечественников, находящихся в плену: «...Soldaten, die für eine Scheibe Brot morden können und den besten Freund verraten, um weiterzukommen» [Ibid. S. 143] («...солдаты, которые могут убить за кусок хлеба и предать своего лучшего друга, чтобы продвинуться вперед»). Однако безнравственность поведения приписывается лишь тем немцам, которые поддерживали коммунистическую идеологию (входили в КПГ до 1933 г.) [Ibid.]. Другие случаи искажения типичных для мирного времени установок и стереотипов поведения человека (сокрытие факта смерти в целях получения лагерного пайка умершего) автор объясняет

ситуацией крайней необходимости, периодически возникающей в связи с полугодовалым существованием военнопленных: «Auch der Tod hat hier seinen Sinn und erfüllt einen bestimmten Zweck. Er ernährt die Überlebenden» [Ibid. S. 84] («Даже смерть имеет свое значение и конкретную цель – она кормит выживших»).

Выделенный нами контекстуальный фрейм «Kriegszeit – Kulturtrüger», исходя из буквального перевода немецкого слова «Kulturträger», должен быть представлен ситуациями, отражающими цивилизаторскую миссию немецкого «похода на восток», способствующую взаимопроникновению и взаимообогащению культур. Именно в таком ракурсе Х.Г. Конзалик пытается представить образ немецкого солдата, который в большей степени цивилизатор, чем завоеватель, а поражение Германии в войне – как нереализованную попытку приобщения народов СССР к европейской культуре. Образы и мотивы, наполняющие данный фрейм, демонстрируют экономическую отсталость СССР и нищенское положение населения: «...die Plennis waren sehr reich... sie hatten zu essen, besser als Genosse Stalin im Kreml und Genosse Kommissar im schmutzigen Stalingrad» [Ibid. S. 326] («...еда (в посылках) пленных была лучше, чем у комиссаров в Сталинграде и у товарища Сталина в Кремле»), «...die stinkenden Katen in den Dörfern, die Erdhütten am Rande von Orscha, die Blechbaracken bei Minsk» [Ibid. S. 124] («...вонючие хаты в деревнях, землянки на окраинах Орши, жестяные бараки под Минском»), «Das sind die Träger der sowjetischen Idee! Die Männer im Sonnenblumenfeld, die drallen Weiber am Ziehbrunnen, die dreckigen Kinder im Stall...» [Ibid. S. 255] («Это носители советской идеи! Мужики на поле подсолнухов, пышногрудые бабы у колодца, грязные дети в хлеву...»).

В отдельных эпизодах автором подчеркивается тот факт, что граждане СССР не только чувствуют упадок культуры, но и стыдятся своей родины: «Die Betten, dreistöckig, die schmutzige Wäsche, der Geruch nach Schweiß und Kot. Das ist eine Bestialität, sagte er, ich schäme mich, Russe zu sein» [Ibid. S.

310] («Трехэтажные кровати, грязное белье, запах пота и фекалий... Это скотство, сказал он. Мне стыдно быть русским»).

Бескультурие, аморализм поведения, склонность советского человека к воровству («Piotr Markow tobte und zertrat die Tulpen» [Ibid. S. 20] («Петр Марков бушевал и давил тюльпаны»)), «Der Mongole trug den Schlips um den Leib bis 12 Uhr mittags» [Ibid. S. 45] («Монгол носил галстук на талии в качестве пояса до полудня»)), «Gibt es einen Russen, der nicht klaut?!» [Ibid. S. 161] («Есть ли русский, который не ворует?!»)) автор связывает с испорченной ментальностью населения.

Многие эпизоды, наполняющие данный фрейм, отражают преимущества немецкой материальной и духовной культуры, а также подчёркивают высокие моральные качества немецких военнопленных: «...seine Pfeife war deutschen Ursprungs – er hatte sie eingetauscht gegen ein Küchenmesser» [Ibid. S. 334] («Трубка лейтенанта Маркова немецкого происхождения. Он выменял ее на кухонный нож»)), «Und die Deutschen sind gute Facharbeiter, die wir nicht missen können» [Ibid. S. 340] («Немцы – хорошие квалифицированные рабочие, без которых нам не обойтись»)), «Wäre ich kein Russe, ginge ich mit dir nach Deutschland» [Ibid. S. 365] («Если бы я не был русским, я бы поехал с тобой в Германию»)). Автор повествует о том, что по истечении нескольких лет общения с немецкими военнопленными оппозиция «свой – чужой», на которой строилась система персонажей, кардинально меняется: отдельные представители администрации лагеря меняют свое отношение к немцам, воздерживаются от штампа «военный преступник».

Отдельная группа репрезентантов отражает преимущества социально-экономического развития Германии в период правления нацистов и утопичность коммунистической идеологии: «Für den Arbeiter wird in Deutschland alles getan... auch ohne Kommunismus» [Ibid. S. 329] («В Германии все делается для рабочего, даже без коммунизма»)).

Фрейм «Kriegszeit – объект» представлен двумя контекстуальными фреймами: «Kriegszeit – ограниченный ресурс» и «Kriegszeit – ценность».

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – ограниченный ресурс» наполнен образами, характеризующими безвозвратную потерю времени как части человеческого существования: «Neun Jahre, neun verlorene Jahre, die mir keiner wiedergibt!» [Ibid. S. 24] («Девять лет, девять потерянных лет, которые мне никто не вернет»), «Vier Jahre Krieg, vier Jahre Gefangenschaft – das sind acht Jahre ohne gestärktes Hemd, ohne Bügelfalte, ohne Krawatte, ohne Weste und weiche Schuhe» [Ibid. S. 171] («Четыре года войны, четыре года лишения свободы – это восемь лет без накрахмаленной рубашки, без стрелок на брюках, без галстука, без жилетки и мягкой обуви»).

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – ценность» представлен ситуациями, в которых отражены экзистенциальные мотивы и переживания человека, вызванные войной: «...sind wir geschmacklos geworden in den Jahren der Gefangenschaft» [Ibid. S. 137] («...мы потеряли вкус к жизни за годы заключения»), «Er ist jung, man hat ihn um die besten Jahre seines Lebens betrogen» [Ibid. S. 345] («Он молод, его лишили лучших лет жизни»), «...die verdammten Jahre, die du in der Steppe verloren hast» [Ibid. S. 371] («...проклятые годы, потерянные в степи»).

Фрейм «Kriegszeit – состояние» представлен двумя контекстуальными фреймами: «Kriegszeit – состояние человека» и «Kriegszeit – состояние событий».

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – состояние человека» наполнен эпизодами, характеризующими чувства и переживания человека в условиях войны. Наиболее острые переживания военнопленных немцев вызваны страхом никогда не вернуться на родину: «Unsere Herzen sind voll von Sehnsucht und Träumen, aber unsere Taten sind klein und armselig und überschattet von der Angst, nie mehr die Heimat zu sehen» [Ibid. S. 137] («Наши сердца полны тоски и мечтаний, но наши дела малы и бедны, омрачены страхом никогда больше не увидеть родной дом»).

В отдельных эпизодах просматривается экзистенциальный мотив смерти: «In ihren Augen flackerte die Todesangst» [Ibid. S. 203] («Страх смерти вспыхнул в ее глазах»), «Leben in diesem Straflager nur eine Verlängerung ihrer Qualen war, ehe man sie hinrichtete» [Ibid. S. 264] («Жизнь в лагере – продолжение их мучений перед казнью»), «Ich bin eine atmende Leiche» [Ibid. S. 202] («Я дышащий труп»), «Und zwischen diesen Ängsten wurde sein Leben zermahlen – zu Mehl, zu Staub, der im leisesten Wind zerflattern würde» [Ibid. S. 227] («И среди этих страхов его жизнь превратилась в пыль, которая развеялась бы при малейшем ветре»).

Осознание статуса вечного узника советских лагерей, отсутствие какой-либо перспективы выйти на свободу приводит к опустошению души, утрате собственного «я»: «Wojennoplenni. Kriegsgefangener» [Ibid. S. 172] («Военнопленный. Заключенный войны»), «Das ganze Leben ist Mist!» [Ibid. S. 339] («Вся жизнь отстой!»), «Arme Kerle, die hoffen, damit ihre Leidenszeit abkürzen zu können» [Ibid. S. 138] («Бедняги, которые надеются сократить время своих страданий»), «...der entrechtete Plenni, angewiesen auf das Wohlwollen seiner Bewacher...» [Ibid. S. 192] («...бесправный пленный, зависящий от доброжелательности своих стражников...»).

Течение времени в плену ощущается иначе, чем на свободе – время замедляется, сжимается, останавливается: «Vierzehn Tage – vierzehn Ewigkeiten» [Ibid. S. 165] («Четырнадцать дней – четырнадцать вечностей»), «...die Enge der jahrelangen Verdammnis» [Ibid. S. 373] («...теснота лет проклятия»). Время бодрствования для военнопленных не имеет никакой ценности, отдушиной становится время ночи, когда они могут погрузиться в виртуальную реальность сновидений: «Nachts bin ich schon seit Jahren zu Hause in Deutschland. Die Tage sind nur eine Unterbrechung meiner Träume» [Ibid. S. 403] («Я много лет был дома в Германии по ночам. Дни – это просто перерыв от моих снов»).

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – состояние событий» представлен элементами текста, отражающими разрушение войной естественного для

мирного времени хода событий и уклада жизни: «Nach vier langen, qualvollen, hoffnungslosen Jahren Post!» [Ibid. S. 151] («Письма спустя четыре долгих, мучительных, безнадежных года»), «O Gott, wäre doch nie dieser Krieg gekommen... dieser grausame, unselige Krieg» [Ibid. S. 197] («О боже, если бы эта война никогда не начиналась, эта жестокая, несчастная война»), «Der Krieg ist furchtbar für die Menschen, Jens. Er verbittert die Herzen und sät Haß, wo man lieben sollte» [Ibid. S. 61] («Война ужасна для людей, она озлобляет сердца и сеет ненависть там, где нужно любить»).

Образ войны-преступника отчетливо раскрывается в эпизодах, наполняющих фрейм «Kriegszeit – субъект». Его структурные компоненты («Kriegszeit – убийца», «Kriegszeit – разрушитель», «Kriegszeit – вор») своими названиями отражают преступную сущность войны. Капитуляция Германии не изменила течение времени для героев романа, они продолжали страдать и гибнуть в суровых условиях лагерного режима от ежедневного тяжелого труда, голода и болезней. Трагедия плена стала для них продолжением ужасов войны. Время плена, растянувшееся на десятилетие, поглощает время жизни, разрушает здоровье и уничтожает человеческое в человеке.

Образ войны-преступника достаточно противоречив. Война в нарративе Х.Г. Конзалика в большей степени представляется злом для его соотечественников, оказавшихся ее жертвами. Страдания населения СССР оставлены за рамками повествования. Автор снимает вину с солдат и офицеров вермахта, «добросовестно исполнявших приказы командования». Преступниками в романе представлено верховное руководство Третьего рейха («Гитлер – могильщик тысячелетней европейской культуры») и карательные подразделения СС, СА, СД («черная банда с черепом»).

Образ войны-извратителя, отменяющей действие моральных норм, наделяющей человека жестокостью и цинизмом, сеющей вражду между людьми разных национальностей, создают эпизоды, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – извратитель». Х.Г. Конзалик старается показать, что негативные изменения в сознании свойственны сугубо

советским гражданам, которые не только оказались не готовыми к пониманию миссии «культурных цивилизаторов», но и не проявили должной сдержанности в отношении военнопленных.

Репрезентанты контекстуального фрейма «Kriegszeit – культуртрегер», демонстрирующие «мистическое царство красоты и гармонии Третьего рейха» в сравнении с «отсталостью и варварством» СССР, по замыслу автора, должны создавать образ арийца – распространителя высокой культуры. По сути, автор пытается оправдать вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР, попытки порабощения населения и разграбление страны, используя нацистский тезис «культурной миссии великой нации».

Таким образом, Х.Г. Конзалик заменяет тезис «натиск на восток», утративший свой первоначальный смысл после поражения Германии, тезисом «цивилизаторский поход на восток», для обоснования которого сопоставляет пробелы, имеющиеся в социально-экономической и культурной сферах СССР, с отдельными экономическими успехами Третьего рейха. Более того, Х.Г. Конзалик пытается показать, что для реализации цивилизаторской миссии немцев на востоке имелись необходимые политические предпосылки, вызванные ошибками и злоупотреблениями диктатуры большевиков.

Обратимся к эпизодам, которые иллюстрируют концепт «Kriegszeit» на ассоциативном уровне.

Платок, украденный фельдшером Эмилем Пельцем в целях использования шелковых нитей для проведения экстренной полостной операции, мог стать основанием для расстрела десятков военнопленных [Ibid. S. 29]. Этот эпизод – иллюстрация того, что значимость человеческой жизни в условиях военного времени сводится к нулю. Совершение предательства и убийства лучшего друга ради куска хлеба усиливает указанную ассоциацию.

Репрезентанты контекстуального фрейма «Kriegszeit – животное» вызывают ассоциативный образ «человек на войне – хищный зверь». В них

отражен слепой инстинкт животного, который перенесен на человеческое существование во время войны («Он кружил вокруг него, как хищник» [Ibid. S. 72], «...кроткий человек становится зверем, когда дело касается его жены и ребенка» [Ibid. S. 82] и др.). В период войны природные инстинкты побеждают разум, и человеческое существование сводится к жизни зверя.

Репрезентанты контекстуального фрейма «Kriegszeit – судья» вызывают две противоположные ассоциации. Первая связана с оценкой итогов войны победителями («Война была преступлением против человечности ... плен – справедливое искупление» [Ibid. S. 110] и др.), вторая исходит из оценки войны, даваемой побежденными («Немецкому военнопленному врачу никогда не разрешат оперировать в военном госпитале» [Ibid. S. 285], «Вашей России ничего не угрожает – но вы угрожаете миру» [Ibid. S. 82]).

Анализ концепта на ценностном уровне показал противоречивость позиции автора в оценке войны. Среди репрезентантов, наполняющих контекстуальный фрейм «Kriegszeit – извратитель», доминируют те, в которых жертвами войны представлены солдаты и офицеры вермахта. Таким образом, негативную сторону войны автор связывает прежде всего с образами своих соотечественников, погибших на фронтах и попавших в плен. О трагедии народов, оказавшихся под фашистской оккупацией, автор старается умалчивать. Факты массового уничтожения мирного населения в концентрационных лагерях на территориях государств, оккупированных Германией, в романе не приводятся.

Исходя из анализа репрезентантов контекстуального фрейма «Kriegszeit – культуртрегер», можно прийти к выводу о том, что автор находит в войне отдельные светлые стороны. Так, нападение на СССР представлено как попытка цивилизованного государства (Третьего рейха) передать свои культурные достижения «народам, находящимся на низкой, варварской ступени развития». Опираясь на идеологию культуртрегерства, автор пытается завуалировать агрессивную, захватническую политику

фашистской Германии, представить нападение на СССР освободительной и цивилизаторской миссией. Итоги войны оцениваются односторонне – как сугубо немецкая трагедия, связанная с просчетами правящей верхушки Третьего рейха. Жесточайшие последствия войны для народов, подвергшихся гитлеровской оккупации, оставлены автором за рамками повествования.

2.5. Сравнительный анализ реализации концепта «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» и Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач»

С учетом использованного нами мотивно-фреймового представления концепта «Kriegszeit» и его послойной репрезентации сравнительный анализ реализации концепта целесообразно провести на каждом уровне репрезентации – образном, ассоциативном, оценочном. Для уяснения причин совпадения или несовпадения фреймовых структур концепта и их наполнения в романах Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика необходимо учитывать реалии исторического периода, в который были написаны произведения, а также особенности предшествующего творческого и жизненного пути обоих писателей.

Оба романа создавались в период первого послевоенного десятилетия, когда в немецком обществе появилась насущная потребность осмысления причин, событий и последствий войны. Этот период запечатлелся в коллективном немецком сознании как время, когда феномен «немецкой вины» стал объясняться, исходя из принципа «амнистии и амнезии», провозглашенного канцлером К. Аденауэром [1]. У большинства немцев воспоминания и переживания, связанные с войной, ассоциировались с угрозой общественному спокойствию. По образному выражению Б. Бонвича, «счеты с прошлым и разбор собственного поведения не были популярны» [66, с. 12]. Однако наблюдались и диаметрально противоположные мировоззренческие позиции: от полного отвращения к свергнутому режиму –

до оправдания тех, кто его поддерживал. Несомненно, что многовекторность процессов, происходивших в немецком общественном сознании в этот период, не могла не отразиться на разноплановости художественных образов войны.

Биографические особенности авторов романов не могли не повлиять на характер восприятия и оценки ими событий Второй мировой войны. Э.М. Ремарк, находясь в эмиграции, не принимал непосредственного участия во Второй мировой войне, но имел окопный опыт участия в Первой мировой войне и уже приобрел мировую писательскую известность. Напротив, Х.Г. Конзалик являлся участником Второй мировой войны (в боях на Восточном фронте был тяжело ранен) и получил мировую известность после выхода анализируемого нами дебютного романа «Сталинградский врач». Кроме того, Э.М. Ремарк занимал последовательную пацифистскую позицию, а Х.Г. Конзалик отличался приверженностью идеям свергнутого режима. Х.Г. Конзалик являлся гражданином ФРГ, а Э.М. Ремарк, лишившийся немецкого гражданства еще до начала войны, так и не получил его в послевоенное время. В биографии Э.М. Ремарка есть еще один очень существенный штрих, который не мог не оставить определенный отпечаток на его послевоенном творчестве – казнь его родной сестры Эльфриды, совершенная нацистами по обвинению в антивоенной пропаганде, основанному на доносе [203, S. 95].

Романы обоих авторов посвящены непосредственно теме войны, но если период времени, о котором повествует Э.М. Ремарк, включает всего несколько недель весны 1944 г., проведенных главным героем на фронте и в тылу, то развитие сюжета в романе «Сталинградский врач» охватывает целое десятилетие (1943–1953). Послевоенный период времени (1945–1953) становится для героев романа Х.Г. Конзалика естественным продолжением времени военного в силу статичности художественного пространства.

Объединяющим признаком хронотопов обоих романов является враждебность пространства. Для героев романа «Сталинградский врач»

враждебна не только территория «лагеря НКВД для военнопленных гитлеровской коалиции» (лагерные бараки, забор с колючей проволокой и сторожевыми вышками), но и бескрайние просторы страны, ее суровый климат. Для главного героя романа «Время жить и время умирать» оказываются одинаково враждебными художественные пространства фронта и тыла. Постоянная угроза гибели нависает над ним как на передовой, так и в родном городе, оказавшемся не защищенным от бомбовых ударов авиации противника. Оба автора подчеркивают противоестественность войны человеческому существованию, противопоставляя ужасы военного времени мирному прошлому героев, в которое они переносятся в снах и воспоминаниях. Однако если для Э.М. Ремарка война представляет катастрофу мирового масштаба, то для Х.Г. Конзалика это сугубо немецкая трагедия.

Использованная нами теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона позволила представить абстрактную категорию «время» в трех аспектах: как субъект, которому присущи разные роли (фрейм «Kriegszeit – субъект»); как объект, включающий блага и интересы героев, оказывающиеся под угрозой в период войны (фрейм «Kriegszeit – объект»); как состояние событий, отразившееся в человеческом сознании (фрейм «Kriegszeit – состояние»).

Фрейм «Kriegszeit – субъект» самый объемный по содержанию. Его структура представлена в обоих романах несколькими контекстуальными фреймами, имеющими одинаковые имена («Kriegszeit – убийца», «Kriegszeit – разрушитель», «Kriegszeit – могильщик», «Kriegszeit – диктатор», «Kriegszeit – вор», «Kriegszeit – судья», «Kriegszeit – извратитель», «Kriegszeit – животное»), но отличающимися своим наполнением. В ходе анализа романа «Сталинградский врач» достаточно четко просматривается мотив «культуртрегерства немецкой нации», присущий только нарративу Х.Г. Конзалика. В этой связи эпизоды,

связанные с данным мотивом, сформировали отличительный контекстуальный фрейм «Kriegszeit – культуртрегер».

Эпизоды, наполняющие одноименные контекстуальные фреймы, отражают экзистенциальную направленность обоих романов. Например, контекстуальный фрейм «Kriegszeit – убийца» в романе Э.М. Ремарка пронизан мотивом смерти («Tot», «Tote», «alte Tote», «Januartoten», «Dezembertoten», «ein trockener/schmieriger/stinkender Tod»). В романе Х.Г. Конзалика данный контекстуальный фрейм наполнен эпизодами, в которых в большинстве случаев идет речь о гибели соотечественников автора, находящихся в советском плену. Автор называет число – 300 тысяч погибших. Они гибнут от голода, травм, получаемых на тяжелых работах, вследствие болезней, которые лагерное начальство цинично называет симуляцией. Х.Г. Конзалик акцентирует внимание на безысходности положения немецких военнопленных, жизнь которых всецело зависит от воли и настроения всевластной лагерной администрации. Лишь в единичном случае угроза расправы исходит от самих военнопленных и адресуется соотечественнику – Вальтеру Гроссу, ставшему на путь тайного сотрудничества с лагерным начальством. Желая представить солдат и офицеров вермахта жертвами войны, Х.Г. Конзалик уходит от повествования о массовых убийствах мирного населения, перекладывая вину на карательные формирования Третьего рейха – СС, СД, СА («черная банда с черепом»).

Совпадают по своему наполнению контекстуальные фреймы «Kriegszeit – разрушитель». В обоих романах присутствуют эпизоды, отражающие разрушение войной человеческого существа: «...из случайной формы, так недолго называвшейся Эрнстом Гребером, назад в безграничность, которая была не просто смертью, а много большим – истреблением, распадом, кончиной “я”, вихрем бессмысленных атомов, ничто» (Э.М. Ремарк о душевном состоянии главного героя), «скелет с пергаментной кожей, наполненный пятью литрами крови» (Х.Г. Конзалик о

плачевном состоянии военнопленного немца). Для полноты отражения трагедии военного времени Э.М. Ремарк описывает также процессы разрушения живой природы и предметов материального мира (дерево, вырванное бомбой из почвы, искореженные листья и цветы липы, разрушенные деревня/дом/церковь, разбитые фигуры святых, разбомбленная улица, спаленные земли и др.).

В эпизодах, наполняющих контекстуальный фрейм «Kriegszeit – могильщик», просматривается мотив смерти. Главный герой романа «Время жить и время умирать» в начале повествования представлен в образе могильщика (мотив поиска и погребения трупов солдат, пролежавших под снегом в течение нескольких месяцев). Описывая разрушения родного города Гребера, Э.М. Ремарк сравнивает его с «бесконечным моргом с квартирами-гробами». Повествуя о разрушенных фашистами Австрии, Голландии, Греции, Польше, Франции и других странах Европы, Э.М. Ремарк создает мрачный образ «континента-покойника», покрытого бесконечным саваном. Напротив, Х.Г. Конзалик не упоминает о трагедии разоренных вермахтом стран Европы, в его нарративе просматривается лишь мотив скорби о соотечественниках, погибших на фронте («Лес крестов, который пролегает через всю Россию от Северного Ледовитого океана до Черного моря»).

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – диктатор» в обоих романах представлен различными императивами. Если у Э.М. Ремарка эти императивы связаны с ограничениями и табу, обусловленными спецификой военного положения («приказ есть приказ», «о фронтовом времени нельзя говорить ни слова», «нельзя включать свет», «никаких детей в такое время», «с ампутированными спорить нельзя», «даже во сне слушаемся приказа» и др.), то у Х.Г. Конзалика они отражают усиление авторитарной сущности советской власти в условиях военного времени («Наша сила – это жестокость, пренебрежение личностью во имя цели, представляющей большой интерес», «...система коллективизации души и пренебрежения любым человеческим достоинством», «...Кремль не щадил. У него были

свергнутые генералы, министры, приближенные», «Единственные боги русского народа в Москве, их слово – заповедь, святыня, евангелие» и др.) и неограниченность власти карательных органов («Ты заключенный, ты грязный пленник, тебе здесь не о чем просить, просто слушайся», «Законы в беззаконии плена» и др.).

Анализ наполнения контекстуальных фреймов «Kriegszeit – вор» выявил совпадение трактовки времени, прожитого на войне. Оно представлено вычеркнутым из жизни, украденным войной. Эпизоды, наполняющие данный контекстуальный фрейм в романе Х.Г. Конзалика («У меня ничего не украли, кроме моей молодости», «Я был молод и ничего не видел, кроме войны» и др.), отражают нарушение войной гармонии мира, обесценивание естественного права человека на жизнь. Используя релятивистский подход к восприятию течения времени, Э.М. Ремарк выводит некую пропорцию соотношения времени, реально прожитого Гребером на фронте, и времени, вычеркнутого за этот период из его жизни («Без малого два года миновало. Или двадцать лет...»), усиливая тем самым трагизм положения главного героя.

В эпизодах контекстуального фрейма «Kriegszeit – животное» в романе «Сталинградский врач», отражающих нечеловеческие условия существования соотечественников в плену («...он был стервятником, рвущим свою добычу», «Он не ел ее, он пожирал ее, как хищник, который бродил голодным и теперь сталкивается с внезапной добычей» др.) и зверство лагерной администрации («Они били нас ногами по ягодицам и загнали сюда как стадо свиней» и др.), просматривается мотив утраты человеческого в человеке. Эпизод романа «Время жить и время умирать», наполняющий этот контекстуальный фрейм («Нам был дарован свет, и он сделал нас людьми. А мы его убили и опять стали пещерными троглодитами...»), отражает мотив деградации общества в условиях гитлеровской диктатуры. Э.М. Ремарк, отражая «звериный» характер войны, использует лексические единицы «Stunden» и «Dacher» с глаголом «fressen»

и прилагательным «zerfressende», усиливающими негативную коннотацию феномена войны.

Таким образом, в эпизодах романа Х.Г. Конзалика, наполняющих данный контекстуальный фрейм, просматриваются мотивы ожесточения и озлобления человека в условиях военного времени, но не отрицается значение войны как инструмента политики. Напротив, в нарративе Э.М. Ремарка война, развязанная Германией, оценивается как результат деградации общества, как абсолютное зло.

В эпизодах контекстуальных фреймов «Kriegszeit – судья», демонстрирующих оценку причин войны и вины соотечественников в преступлениях нацистов, отчетливо просматривается авторская позиция. В романе Э.М. Ремарка главный герой, признавая коллективную вину немцев («тех, которые исполняли приказы вермахта на фронтах, так и тех, которые своим молчаливым согласием не препятствовали нацистам»), желает определиться со степенью своей личной виновности. В романе Х.Г. Конзалика данный контекстуальный фрейм наполнен эпизодами, отражающими оценку итогов войны победителями («Война была преступлением против человечности», «Немецкая банда», «Русский победитель, сильнейший, могущественный» и др.) и побежденными («Вы, русские, победители, вы так игнорируете людей, громко крича о правах человека» и др.). Автор не осуждает своих соотечественников, а представляет их жертвами тоталитарных режимов – гитлеризма и сталинизма.

Таким образом, контекстуальные фреймы «Kriegszeit – судья», имеют в романах разное смысловое наполнение. Эпизоды, реализующие данный контекстуальный фрейм в романе Э.М. Ремарка, раскрывают образ соотечественника, мировоззрение которого меняется на войне. Рядовой солдат вермахта пытается не только определить степень сопричастности к военным преступлениям, но и установить виновных в развязывании войны. Время военное, воспринимаемое сквозь призму сознания главного героя, становится обличителем нацистского режима, выносит обвинение правящей

верхушке Третьего рейха, ввергшей мир в катастрофу. Напротив, герои романа Х.Г. Конзалика, испытавшие ужасы войны и признавшие поражение в войне, не меняют своей мировоззренческой позиции, они не считают себя преступниками, они всего лишь жертвы войны. Более того, нападение Германии на СССР в их сознании оправдывается необходимостью нанесения превентивного удара и реализации гуманной миссии цивилизатора евразийского пространства.

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – извратитель» выделен нами в обоих романах. Его наполнение в романе Э.М. Ремарка отражает те негативные процессы, которые порождает война в сознании людей. Искажаются принципы и идеалы, которые были незыблемы в мирное время («В армии десять заповедей не имеют силы»), потребности, относящиеся к категории жизненно необходимых, приобретают главенствующее значение («В войну представления о счастье неизменно связано с едой»), рушатся представления о доблести, отваге, мужестве, которые до войны были высшей нравственной оценкой солдата («После войны все меняется. Тогда ты уже не герой, а просто калека»). Война стала причиной искаженного восприятия природных явлений («Это не бомбежка, не артиллерия и не самолеты... Это гроза»). Течение времени становится неестественным («Но мне дали около трех недель отпуска за два года на фронте. Я здесь почти две недели, что соответствует примерно пятнадцати месяцам на фронте»).

В романе Х.Г. Конзалика этот контекстуальный фрейм пронизан мотивом подмены истинных человеческих ценностей ложными. Этот мотив прослеживается в поведении советских врачей (Касалинской, Кресина, Павловича), ведущих себя аморально по отношению к немецким военнопленным, цинично нарушающих первую заповедь врача «не навреди» («Они пленники ... они прокляты!» [17, S. 230] «... я не могу позволить себе пойти в лагерь только для того, чтобы лечить немецкого заключенного» [Ibid. S. 308] и др.). Безнравственности советских врачей противопоставлена моральная позиция немецкого врача Бёллера, строго следовавшего этическим

принципам клятвы Гиппократата. В ряде эпизодов отчетливо просматриваются германофобские мотивы, характерные для поведения офицеров НКВД («С первого дня я научился ненавидеть немцев», «Вы пленник, немец, мой враг», «Хоронить немцев не стоит, пусть трупы лежат и гниют, удобряя русскую почву», «Мне ужасно, что я вдыхаю столько немецкого запаха» и др.). В отдельных эпизодах Х.Г. Конзаликом демонстрируются злоупотребления большевистской идеологии, которые отразились в сознании граждан («Чем больше в мире бедствий, тем сильнее партия», «Чтобы попасть в высшие партийные структуры, он хочет построить мост из костей ...» и др.).

Таким образом, если Э.М. Ремарк определяющим фактором искажения психики человека называет саму войну, то Х.Г. Конзалик старается нивелировать ее негативное влияние на сознание людей, заостряя внимание в большей степени на злоупотреблениях сталинского правления, наиболее ярко проявившихся в условиях военного времени.

Отличительной особенностью художественной реализации концепта «Kriegszeit» в романе Х.Г. Конзалика является наличие явно выраженного мотива культуртрегерства. Автор пытается создать образ немецкого солдата-цивилизатора, несущего прогресс народам оккупированных стран. Эпизоды, наполняющие данный контекстуальный фрейм, можно разделить на две группы. К первой группе мы отнесли сцены, в которых демонстрируется экономическая отсталость СССР, авторитарность формы ее правления, низкий уровень жизни и аморальность населения («Это Россия. Это самое ужасное средневековье!», «В России фармацевтическая промышленность – очень отсталая отрасль медицины», «Русские спят на печи», «...с 1919 года предпринимались попытки... сделать нас машиной партии, винтиком в теле республики», «Монгол носил галстук на талии в качестве пояса», «Есть ли русский, который не ворует?!» и др.). Во вторую группу вошли эпизоды, в которых отражаются достижения «нации сверхчеловеков» («Еда в посылках пленных была лучше, чем у комиссаров в Сталинграде и у товарища Сталина в Кремле», «В Германии все делается для рабочего, даже без коммунизма»,

«Немцы – хорошие квалифицированные рабочие, без которых нам не обойтись» и др.).

Таким образом, Х.Г. Конзаликом предпринимается попытка завуалировать истинные причины войны некой «культурно-политической миссией» немецкой нации, состоящей в освобождении народов СССР от ига большевизма и их приобщении к «культурным достижениям» Третьего Рейха.

Заметим, что в романе «Время жить и время умирать» нигде не просматривается идея «культуртрегерской миссии» германской нации. Напротив, Э.М. Ремарк прямо говорит о целях и задачах фашистов («За линией фронта СД вообще тысячами ликвидировало людей под тем предлогом, что создает жизненное пространство для немецкого народа» [6, с. 194]). Более того, Э.М. Ремарк старается всячески развенчать нацистский миф о «сверхчеловеке». Прибегая к историческим фактам («Русские не были недочеловеками, пока мы с ними были союзниками» [Там же. С. 73]) и иронии («Как с японцами. Нынче и они тоже арийцы, с тех пор как стали нашими союзниками в войне. Желтые арийцы» [Там же]), Э.М. Ремарк отражает фальшивость и циничность пропаганды Третьего рейха.

Фрейм «Kriegszeit – объект» в обоих романах представлен контекстуальными фреймами «Kriegszeit – ограниченный ресурс» и «Kriegszeit – ценность», наполнение которых отражает близость, но не тождественность позиций авторов.

Контекстуальный фрейм «Kriegszeit – ограниченный ресурс» в романе Э.М. Ремарка наполнен эпизодами, в которых время не имеет определенно-количественного представления («мало времени», «отнимать много времени», «нехватка времени»). В эпизодах, наполняющих данный контекстуальный фрейм в романе Х.Г. Конзалика, время измерено конкретными количественными величинами («Четыре года войны, четыре года лишения свободы – это восемь лет без накрахмаленной рубашки, без складок, без галстука, без жилетки и мягкой обуви», «Девять лет, девять

потерянных лет, которые мне никто не вернет») [173, с. 49]. Неопределенно-количественное измерение времени обусловлено не только особенностями сюжета романа Э.М. Ремарка, но и этической позицией писателя, желавшего отразить состояние человека, находящегося между жизнью и смертью, когда привычные единицы измерения времени оказываются неприемлемыми.

Контекстуальные фреймы «Kriegszeit – ценность» в романах обоих авторов имеют практически идентичное наполнение (размышления героев о смысле жизни, ценностях, одиночестве, смерти, ответственности), отражающее ценность времени даже в состоянии экзистенциального кризиса.

Фрейм «Kriegszeit – состояние» реализуется в романах Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика одноименными контекстуальными фреймами: «Kriegszeit – состояние человека» и «Kriegszeit – состояние событий».

Эпизоды обоих романов, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – состояние человека», отражают экзистенциальные мотивы абсурдности окружающего мира, страха перед будущим: «Мы уже не мертвы. И еще не мертвы», «ползущий страх времени», «страх механической бесчеловечности времени» (Э.М. Ремарк); «Страх больше никогда не увидеть родного дома», «Четыре долгих, мучительных, безнадежных года» (Х.Г. Конзалик).

Эпизоды, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – состояние событий», в обоих романах отражают мотив противоестественности войны, ее несовместимости с человеческой природой: «жестокая, несчастная война» (Х.Г. Конзалик); «необъяснимое время» (Э.М. Ремарк).

Повествуя о положении пленных соотечественников («Бесправный пленный, зависящий от доброжелательности своих стражников», «Я дышащий труп», «Жизнь превращается в муку, в пыль, развевающуюся при малейшем ветре» и др.), Х.Г. Конзалик не проводит никаких параллелей с условиями содержания советских граждан в нацистских концентрационных лагерях и ничего не упоминает о специальных лагерях смерти (Майданеке,

Освенциме, Треблинке и др.) [224], о существовании которых писатель не мог не знать. Кроме того, автор не считал необходимым объективно отразить положение в СССР немецких военнопленных, работа которых в послевоенный период не только оплачивалась, но и могла быть организована без конвоя, в условиях свободы [124, с. 175].

Проведем сравнительный анализ концепта «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика на образном уровне.

Наполнение контекстуальных фреймов «Kriegszeit – убийца», «Kriegszeit – разрушитель», «Kriegszeit – могильщик», «Kriegszeit – диктатор», «Kriegszeit – вор», «Kriegszeit – животное», входящих в структуру фрейма «Kriegszeit – субъект», создает образы времени военного, имеющие много сходных элементов. Это время, несущее смерть, увечье, разруху, превращающее землю в сплошной могильник, представляющее угрозу человеку, лишаящее его естественных прав, похищающее у него время, предназначенное для жизни, созидания и любви. Трагизм человеческого существования усиливается мотивом смерти, пронизывающим оба романа: «Мы уже не мертвы. И еще не мертвы», «обед приговоренного к смерти» и др. (Э.М. Ремарк); «...умрешь ли ты быстро или медленно – ты умрешь в лагере», «Пусть трупы лежат и гниют – они удобряют русскую почву...», «...задушить эту красивую женщину и полакомиться ее смертью»; «Единственная судьба, которую я признаю, – это смерть» (Х.Г. Конзалик).

Образ войны-цивилизатора представлен эпизодами контекстуального фрейма «Kriegszeit – культуртрегер», выделенного нами только в романе Х.Г. Конзалика. Описывая ужасы войны, Х.Г. Конзалик пытается найти ее положительное предназначение, которое видится писателю в реализации культуртрегерской миссии «цивилизованного государства». «Окультуривание» отсталых народов, населяющих огромные пространства на востоке, и освобождение их от власти большевиков – исходный посыл, используемый Х.Г. Конзаликом для сокрытия истинных планов Третьего рейха.

Эпизоды, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – судья» в романе Э.М. Ремарка, раскрывают образ соотечественника, мировоззрение которого меняется на войне. Рядовой солдат вермахта пытается выяснить степень своей сопричастности к преступлениям нацизма. Напротив, герои романа Х.Г. Конзалика, испытывающие все ужасы войны, не меняют своей мировоззренческой позиции, они исключают сопричастность вермахта к военным преступлениям, относя себя к жертвам войны.

Проведем сравнительный анализ концепта «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика на ассоциативном уровне.

В сценах, наполняющих контекстуальные фреймы «Kriegszeit – вор» («Без малого два года миновало. Или двадцать лет. Все едино» (Э.М. Ремарк); «У меня ничего не украли, кроме моей молодости» (Х.Г. Конзалик)) просматривается однотипная ассоциация – «война – похититель времени жизни».

Неодинаковые ассоциации вызывают эпизоды, наполняющие контекстуальные фреймы «Kriegszeit – животное». Если у Э.М. Ремарка война ассоциируется с животным, «пожирающим» энергию человека, «прогрызающим» крыши домов, то у Х.Г. Конзалика непосредственно человек на войне превращается в животное («кроткий человек становится зверем, когда дело касается его жены и ребенка», «выжить в этой жизни животного» и др.).

Эпизоды, отнесенные нами к контекстуальным фреймам «Kriegszeit – извратитель» («то, что зовут героизмом, оборачивается убийством», «питаться человечинной», «в армии десять заповедей не имеют силы» (Э.М. Ремарк); «русский шарф стоит более 10000 немецких жизней», «могут убить за кусок хлеба и предать своего лучшего друга, чтобы продвинуться вперед» (Х.Г. Конзалик)), вызывают ассоциацию «забвения заповедей Божьих». Однако, подавляющее большинство эпизодов данного фрейма в романе Х.Г. Конзалика отражает утрату моральных ценностей исключительно гражданами СССР («Вы все убийцы... немецкие свиньи»,

«...я научился ненавидеть немцев», «Немцы не имеют ценности, их хоронить не стоит...», «Мне ужасно, что я вдыхаю столько немецкого запаха», «Где это видано, что русский стал гуманным» и др.).

Среди выделенных нами фреймов явно выраженной оценочной семантикой наделен фрейм «Kriegszeit – субъект». Наполнение данного фрейма в романе Э.М. Ремарка не содержит положительной оценки войны. Поражение в войне рассматривается автором как путь избавления человечества от ее ужасов. В романе Х.Г. Конзалика большинство контекстуальных фреймов отражают также негативную оценку войны. Исключение составляет контекстуальный фрейм «Kriegszeit – культуртрегер», эпизоды которого отражают позитивное, с позиции автора, свойство войны нести цивилизаторскую миссию. Х.Г. Конзалик подходит к обоснованию своей позиции, исходя из нескольких посылов. Во-первых, СССР изображен отсталым государством, далеким от европейской цивилизации, с населением, состоящим в основном из азиатов («желтых монголов»), находящихся на низкой ступени развития. Во-вторых, гитлеровская Германия представлена высокоразвитым государством, отличающимся высокими достижениями в социально-экономическом и культурном развитии, которые могут быть реализованы при условии ликвидации власти большевиков [170, с. 733]. Очевидно, что подобная мотивация автора явно противоречит решениям Международного военного трибунала (Нюрнберг, 1946), возложившего на политическое и военное руководство Третьего рейха всю ответственность за совершенные преступления против мира и человечества, в том числе за холокост и германизацию оккупированных территорий [191; 224].

Эпизоды, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – разрушитель», также отражают трагизм положения соотечественников писателя. В эпизодах, наполняющих контекстуальный фрейм «Kriegszeit – могильщик», просматривается мотив скорби по умершим соотечественникам, безымянные могилы которых затерялись на бескрайних российских

просторах. Эпизоды, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – состояние человека», несут сугубо отрицательную оценку душевного состояния немецких военнопленных.

Таким образом, концепт «Kriegszeit», исследованный в романе «Сталинградский врач», отражает позицию автора, опирающуюся на тезис «война является трагедией для немецкого народа». Тема величайшей трагедии советского народа, вынесшего на себе главную тяжесть войны с фашизмом, а также трагедии народов Европы, автором не поднимается. Кроме того, судьбы находившихся в советском плену военнослужащих стран гитлеровской коалиции (австрийцев, румын, венгров, итальянцев и др.) оставлены автором за рамками повествования. Напротив, для Э.М. Ремарка война – это трагедия народов всех стран, втянутых в конфронтацию, расплата за забвение библейских заповедей.

Проведенный нами сравнительный анализ реализации концепта «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» и Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач» показал, что обоим произведениям не характерен героический нарратив войны: такие категории военной этики, как подвиг, доблесть, отвага, воинская честь, фактически оказались не затронуты писателями. Внимание авторов в большей степени сконцентрировано на описании ужасов войны, многочисленных жертв, разрушений, людского горя, цинизма властей. Э.М. Ремарк раскрывает истинные причины войны, отражает преступления фашистов, совершенные против народов Европы, демонстрирует суть репрессивной политики нацистов в отношении инакомыслящих. Напротив, Х.Г. Конзалик умалчивает факты преследования соотечественников, несогласных с нацистским режимом, а единичные случаи участия пленных в антифашистском движении представляет «клеветнической кампанией против немецких братьев».

Совершенно очевидно, что художественный образ войны, созданный Э.М. Ремарком, тесно связан с исторической реальностью, запечатленной в международно-правовых документах. Напротив, интерпретация причин и

итогов Второй мировой войны Х.Г. Конзаликом представляет лишь определенный срез общественных настроений той части немецкого общества, которая оказалась несогласной с официально признанной оценкой причин и итогов войны и желала реабилитации нацизма.

Выводы по второй главе

1. Тема войны, пронизывающая практически все творчество Э.М. Ремарка, в романе «Время жить и время умирать» нашла особое звучание. Придерживаясь неизменной антимилитаристской позиции, Э.М. Ремарк показывает угрозу, которую несет миру фашизм. Проблема «немецкой вины», остро стоявшая перед соотечественниками в середине 1950-х годов, представлена писателем с позиций признания совиновности и коллективной ответственности. Несмотря на то, что события романа охватывают всего несколько недель весны 1944 г., Э.М. Ремарк смог отчетливо отразить глубину экзистенциального кризиса, вызванного войной, и показать трагедию нового «потерянного поколения». Называя роман созвучно ветхозаветной заповеди «время родиться и время умирать», автор не случайно заменяет «время родиться» на «время жить», подчеркивая непреходящую ценность человеческой жизни.

2. Пространство войны, в котором развивается сюжет романа «Время жить и время умирать», разделено на фронт и тыл. Течение времени на фронте и в тылу неодинаково: на фронте оно замедлено, в тылу – ускорено. Хронотоп тыла выполняет функцию усиления враждебности окружающего мира, он формирует особое пространство войны, которое оказывается для главного героя не менее опасным, чем пространство фронта. Главный герой романа оказывается в плену пространства войны, которое отбирает у него естественное право человека на жизнь, оставляя ему обязанность умереть.

3. Контекстуальный анализ романа Э.М. Ремарка, проведенный с учетом основного значения концепта «Kriegszeit» и многообразия смыслов, содержащихся в понятийном слое, позволил выявить наиболее частотные

значения концепта, которые определили имена фреймов и мотивно-фреймовую структуру концепта: «Kriegszeit – субъект», «Kriegszeit – объект», «Kriegszeit – состояние». Анализ концепта позволил выявить отнюдь неромантический образ войны, ее неприятие и отторжение писателем. Война в нарративе Э.М. Ремарка – абсолютное зло.

4. Анализ творчества Х.Г. Конзалика показал, что тема войны на протяжении почти тридцати лет являлась основной для писателя. Его романы «Сталинградский врач», «Они упали с неба», «Штрафной батальон 999», «Сердце 6-й армии», «Их было десять», «Женский батальон», «Янтарная комната», вышедшие в свет в 1956–1986 гг., строились на основе военных сюжетов. Непосредственное участие автора в «русском походе» в составе группы армий «Центр» определило Восточный фронт основным художественным пространством большинства его произведений. Германское вторжение в СССР представляется Х.Г. Конзаликом вынужденной мерой, связанной с необходимостью нанесения превентивного удара. Подчеркивая авторитаризм режимов воюющих стран, автор приводит гитлеризм и сталинизм к единому знаменателю. Воспевая боевой дух, самоотверженность и героизм солдат и офицеров германской армии, Х.Г. Конзалик развивает идею о «чистом вермахте», непричастном к военным преступлениям нацизма. Автор замалчивает преступления, совершенные нацистскими карательными структурами – СС, СА и СД. В большинстве романов прослеживается стремление завуалировать германскую агрессию выполнением благородной «цивилизаторской миссии».

5. Центральным хронотопом, в котором развивается повествование в романе «Der Arzt von Stalingrad», является хронотоп «лагерь НКВД для военнопленных стран гитлеровской коалиции». Замкнутость пространства лагеря, однообразие ритма течения времени, осознание отсутствия перспектив освобождения из плена – причины экзистенциального кризиса, в котором оказываются военнопленные. Враждебность пространства усиливается повествованием автора о суровой русской зиме, метелях, лютых

ветрах, о свирепом реве диких животных. Хронотопу «лагерь НКВД для военнопленных стран гитлеровской коалиции» противопоставлен хронотоп «далекая родина». Восхваление высоких социально-экономических достижений Третьего рейха и противопоставление их реалиям СССР использовано автором для обоснования цивилизаторской миссии Германии.

6. Контекстуальный анализ романа «Сталинградский врач», проведенный на основе мотивно-фреймовой структуры концепта «Kriegszeit» («Kriegszeit – субъект», «Kriegszeit – объект», «Kriegszeit – состояние»), позволил выявить позицию, занимаемую автором в дискуссиях, развернувшихся в немецкой литературе 50-х годов XX века: о причинах Второй мировой войны и обоснованности «превентивного удара»; о «чистом» вермахте; о цивилизаторской миссии германской нации; об отношении к соотечественникам, вернувшимся на родину из советского плена.

7. Проведение сравнительного анализа романов Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика сквозь призму концепта «Kriegszeit», исходя из мотивно-фреймового представления концепта и его послойной репрезентации, позволило установить следующие сходения и различия в его реализации:

7.1. образ войны-убийцы, войны-разрушителя, войны-могильщика прослеживается в обоих романах. Экзистенциальные мотивы абсурдности человеческого существования, отчаяния, одиночества и пустоты усиливаются в эпизодах, наполняющих одноименные контекстуальные фреймы «Kriegszeit – похититель» и «Kriegszeit – состояние человека». Но если у Э.М. Ремарка война представлена катастрофой мирового масштаба, то Х.Г. Конзалик ограничивается трагедией исключительно своих соотечественников. Повествуя о бедствиях немецких солдат в плену, автор не упоминает о судьбах военнопленных стран гитлеровской коалиции (румын, венгров, австрийцев и др.);

7.2. в структуре фрейма «Kriegszeit – субъект» в романе Х.Г. Конзалика нами выделен контекстуальный фрейм «Kriegszeit – культуртрегер», который

не обнаруживается в нарративе Э.М. Ремарка. Тезис о цивилизаторской миссии Гемании, используемый Х.Г. Конзаликом, является некой попыткой оправдания германской агрессии против СССР. Представление населения СССР «азитскими дикарями», «недочеловеками» подчеркивает приверженность Х.Г. Конзалика нацистской идеологии;

7.3. анализ эпизодов, наполняющих контекстуальный фрейм «Kriegszeit – судья» в романе Э.М. Ремарка, отражает позицию автора о непригодности войны как средства для разрешения конфликтов. Эпизоды, наполняющие одноименный контекстуальный фрейм в романе Х.Г. Конзалика, вызывают иную ассоциацию – «война может выступать в роли арбитра»;

7.4. неодинаковые ассоциации возникают при анализе контекстуальных фреймов «Kriegszeit – животное». Если у Э.М. Ремарка сама война ассоциируется с кровожадным животным, то у Х.Г. Конзалика инстинкты животного перенесены сугубо на граждан СССР, представленных «недочеловеками»;

7.5. эпизоды, наполняющие контекстуальный фрейм «Kriegszeit – извратитель» в романе Э.М. Ремарка, пронизаны экзистенциальным мотивом «смерти Бога». Моральную деградацию соотечественников, попирающих библейские заповеди, автор связывает с негативным влиянием идеологии нацизма. Наполнение одноименного контекстуального фрейма в романе Х.Г. Конзалика отражает утрату моральных ценностей сугубо гражданами СССР. Соотечественники писателя, напротив, изображены высокоморальными людьми, сохраняющими нравственные качества даже в условиях плена.

Заключение

Вторая мировая война, в которую было втянуто 57 стран, оставила неизгладимый след в мировой истории. Причины и итоги этого крупнейшего военного противостояния XX века нашли неоднозначное отражение в историческом и художественном нарративах. Разделение Германии на два государства послужило развитию двух направлений немецкой литературы. Если в военном творчестве писателей ГДР (Б. Брехта, А. Зегерс, В. Бределя, А. Цвейга, Ф. Вольфа и др.) просматривалась твердая антифашистская и антимилитаристская позиция, то для западногерманской литературы характерна многовекторность подходов к освещению темы войны, связанная с «изменением памяти» о национальном прошлом.

Анализируемые романы Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика вышли в свет в середине 1950-х годов, когда наиболее распространенной сюжетообразующей доминантой военного творчества западногерманских прозаиков стала тяжкая участь соотечественников, обманутых нацистским режимом. Преступления нацистов, совершенные на оккупированных территориях и против своего народа, либо замалчивались, либо признавались правомерными деяниями в силу исполнения приказов. Цели «восточного похода» объяснялись вынужденной необходимостью осуществления превентивного удара и выполнением миссии «культурных добродетелей».

В качестве научного инструментария для проведения сравнительного анализа романов «Время жить и время умирать» и «Сталинградский врач» нами был использован немецкоязычный концепт «Kriegszeit». Опираясь на принципы и методы ведения когнитивного анализа, изложенные в работах Е.В. Дзюбы, В.Г. Зусмана, В.И. Карасика, Е.А. Липиной, В.А. Масловой, Л.В. Миллер, О.Е. Похаленкова, И.А. Стернина, И.А. Тарасовой, В.Г. Тимофеевой, мы разработали схему анализа концепта, включающую следующие этапы:

- рассмотрение этимологии компонентов «Krieg» и «Zeit» концепта «Kriegszeit» на материале этимологических словарей;

- анализ русских и немецких толковых словарей, энциклопедических словарей, словарей синонимов и антонимов с целью выявления информационного поля концепта и выделения его основного значения;

- анализ интерпретационного поля концепта;

- контекстуальный анализ сочетаемости лексем, связанных с темпоральной семантикой, и лексем, связанных с военным временем на ассоциативном уровне;

- построение модели концепта с использованием мотивно-фреймовой структуры;

- интерпретация ассоциативного, образного и оценочного компонентов концепта посредством контекста.

Проведенный нами анализ исторического пути немецкого народа позволил выявить особенности видения мира, ценностные ориентиры, стратегии и сценарии поведения, определившие особенности германского менталитета, и проследить возникновение коннотаций базового значения концепта.

В целях понимания немецкой языковой картины мира нами проведен анализ историософских подходов к нравственной оценке войны, в ходе которого определились три направления немецкой историософской мысли: апологетика, пацифизм, плюрализм. Апологетическая позиция, доминировавшая в немецком миропонимании, способствовала формированию внешней политики Германии, которая на протяжении нескольких столетий характеризовалась агрессивной направленностью.

В целях уяснения процесса формирования политических и этических позиций Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика нами изучены особенности биографии писателей и проведен анализ произведений, относящихся к их творчеству военной тематики. У Э.М. Ремарка, принимавшего непосредственное участие в Первой мировой войне, военная тема, явно либо косвенно, прослеживается на протяжении всего его предшествующего творческого пути («На Западном фронте без перемен», «Возвращение», «Три

товарища», «Искра жизни» и др.). Для Х.Г. Конзалика, непосредственного участника Второй мировой войны, роман «Сталинградский врач» явился творческим дебютом. В этой связи для уяснения мировоззренческой позиции писателя мы обратились к его позднему военному творчеству («Они упали с неба», «Штрафной батальон 999», «Сердце 6-й армии», «Их было десять», «Женский батальон», «Янтарная комната»).

Анализ концепта «Kriegszeit» в романах Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика позволил установить определенную связанность компонентов хронотопа войны. Течение времени определяется свойствами художественного пространства войны, которое в большинстве случаев представлено враждебным для героев романов (Восточный фронт и «защищенная Германия» для Гребера; «лагерь НКВД под Сталинградом» – для военнопленных гитлеровской коалиции). Война дает им лишь отдельные моменты, в которые они могут быть действительно счастливы.

В ходе концептуального анализа текстов романов нами выделены три фрейма («Kriegszeit – субъект», «Kriegszeit – объект», «Kriegszeit – состояние»), идентичные по наименованию, но имеющие различную структуру. В частности, в концепте, исследованном на материале романа «Сталинградский врач», фрейм «Kriegszeit – субъект» содержит контекстуальный фрейм «Kriegszeit – культуртрегер», который не обнаруживается в одноименном фрейме в романе Э.М. Ремарка, что отражает стремление Х.Г. Конзалика завуалировать и оправдать агрессивную политику Третьего рейха, представить ее некой цивилизаторской миссией, благом для народов оккупированных стран.

Репрезентанты контекстуального фрейма «Kriegszeit – извратитель» в романе Э.М. Ремарка созвучны с экзистенциальным мотивом «смерти Бога» – забвение библейских заповедей его соотечественниками неоднократно подчеркивается автором. В романе Х.Г. Конзалика репрезентанты одноименного контекстуального фрейма отражают утрату

моральных ценностей гражданами СССР и защищают миф о «чистом вермахте», невиновном в военных преступлениях.

Неодинаковые ассоциации вызывают лексические репрезентанты контекстуальных фреймов «Kriegszeit – животное». Если у Э.М. Ремарка сама война ассоциируется с кровожадным животным, то у Х.Г. Конзалика инстинкты животного перенесены сугубо на граждан СССР, представленных «недочеловеками».

Репрезентанты контекстуального фрейма «Kriegszeit – судья» в романе Э.М. Ремарка отражают позицию автора о непригодности войны как средства для разрешения конфликтов. Трагедия мирового масштаба требует осознания соотечественниками своей виновности в ней. Таким образом, вопрос о «вине отцов», который появится в коллективном немецком сознании в середине 1960-х годов, актуализирован Э.М. Ремарком уже в 1954 г. Репрезентанты одноименного контекстуального фрейма в романе Х.Г. Конзалика вызывают иную ассоциацию – «война может выступать в роли арбитра».

Оба автора негативно относятся к авторитарным режимам. Э.М. Ремарк, будучи убежденным пацифистом, осуждает, прежде всего, фашистский режим и агрессивную политику гитлеровской Германии. Внутреннее несогласие писателя с коммунистической идеологией четко просматривается в конце романа, когда главный герой, имея возможность перейти на сторону противника, не решается сделать такой выбор. Здесь прослеживается личная позиция автора, дистанцировавшегося и от левых, и от правых. Э.М. Ремарк не развивает тему советского авторитаризма и не старается оправдать гитлеровскую агрессию против СССР необходимостью нанесения превентивного удара. Он не пытается скрыть факты массового геноцида на оккупированных Германией территориях и преступления нацистов против соотечественников, оказавшихся в оппозиции фашистскому режиму. Напротив, Х.Г. Конзалик, высвечивая пороки сталинского режима, восхваляет внутреннюю политику Третьего рейха, способствовавшую созданию «нацистского экономического чуда», и относительно мягко

критикует внешнюю политику Германии, возлагая поражение в войне на ее высшее руководство. Более того, автор, отражая тяготы и лишения немецких военнопленных, оставляет в тени тему массового истребления фашистами славян и иных народов.

Война представлена Э.М. Ремарком абсолютным злом, разрушителем цивилизации, что отражает его последовательную пацифистскую позицию, закрепившуюся в ранних антивоенных произведениях. Х.Г. Конзалик, пытаясь завуалировать ужас войны, находит в ней светлые стороны. Германская агрессия представляется упреждающим ударом, цивилизаторской миссией, что доказывает приверженность автора идеологии нацизма, определившей мотивный комплекс его поздней военной прозы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Художественные тексты, письма, дневники

1. Аденауэр, К. Воспоминания (1953-1955); пер. с нем. - М.: Прогресс, 1968. - 293 с.
2. Бёлль, Г. Где ты был, Адам? ; пер. с нем. Н.С. Португалов, М. М. Гимпелевич. - М.: АСТ, 2011. - 224 с.
3. Вёсс, Ф. Вечно жить захотели, собаки? - М.: Новое время, 1993. – 512 с.
4. Зурмински, А. Отечество без отцов. - М.: Центрполиграф, 2010. -416 с.
5. Молотов, В. Письмо Сталину о статье Шляпникова, романе Ремарка и других вопросах 21.12.1929 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 768. Л. 134–137 // Фонд Александра Н. Яковлева: сайт. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1014564> (дата обращения: 10.06.2022).
6. Ремарк, Э.М. Время жить и время умирать: пер. с нем. Н. Федоровой. - М.: Издательство АСТ, 2019. - 448 с.
7. Ремарк, Э.М. Возлюби ближнего своего. - М.: АСТ, 2015. - 400 с.
8. Ремарк, Э.М. Искра жизни. Пер. с нем. В. Котелкина. - М.: АСТ, 2016. - 383 с.
9. Ремарк, Э.М. Триумфальная арка. Пер. с нем. М.Л. Рудницкого. - М.: АСТ, 2014. - 540 с.
10. Тимм, У. На примере брата / Пер. с нем. М. Рудницкого // Иностранная литература. - 2004. - № 11. - С. 34-109.
11. Шлинк, Б. Чтец. - М.: Азбука, 2015. - 180 с.
12. Duckers, T. Himmelskorper. - Berlin: Aufbau Verlag, 2003. - 319 S.
13. Gerlach, H. Die verratene Armee. – München, 1957. - 544 S.
14. Hahn, U. Unscharfe Bilder. - München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. - 279 S.
15. Heinrich, W. Das geduldige Fleisch. – München. Bertelsmann Verlag, 1999. - 381 S.

16. Herbert, O. Die Lüge. - Berlin: Verl. Kultur und Fortschritt, 1956. - 340 S.
17. Kosalik, H.G. Der Arzt von Stalingrad. Köln: Lingen Verlag, 1980.- 404 S.
18. Kosalik, H.G. Das Herz der 6. Armee. - München: Lichtenberg Verlag, 1964. - 397 S.
19. Kosalik, H.G. Das Bernsteinzimmer. - München: Wilhelm Heyne Verlag, 2001. - 514 S.
20. Kosalik, H.G. Frauenbataillon. - Köln: Bastei Lübbe, 2002. - 637 S.
21. Kosalik, H.G. Sie fielen vom Himmel. - Köln: Lingen Verlag, 1986. - 203 S.
22. Kosalik, H.G. Sie waren zehn. - München: Kaiser, 2007. - 400 S.
23. Kosalik, H.G. Strafbataillon 999. - München: Kindler, 1975. - 207 S.
24. Remarque, E.M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. - Köln: KiWi, 2006. - 420 S.
25. Remarque, E.M. Im Westen nichts Neues. Mit Materialien und einem Nachwort von Tilman Westphalen. - Köln: KiWi, 1999. - 284 S.
26. Remarque, E.M. Der Weg Zurück. Roman. - Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1988. - 255 S.
27. Remarque, E.M. Drei Kameraden. - Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. - 398 S.
28. Remarque, E.M. Arc de Triomphe. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. - Köln: KiWi, 2005. - 498 S.
29. Remarque, E.M. Die Nacht von Lissabon. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. - Köln: KiWi, 2005. - 314 S.

Литература по теоретическим вопросам

30. Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. - С. 267-279.
31. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. - 312 с.

32. Володина, Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: моногр. - М. : Флинта : Наука, 2010. - 256 с.
33. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы философии. - 2001.- № 1.- С. 35-47.
34. Дзюба, Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – 280 с.
35. Зусман, В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. - 2003. - № 2. - С. 3-17.
36. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград-Архангельск. ВГПУ «Перемена», 1996. - С. 3-16.
37. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. - Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. - С. 75-81.
38. Корнеева, Т.А. Семантическое пространство билингвального текста: интертекстуальный и интратекстуальный план // Эпоха науки. 2016. № 8. - С. 215-220.
39. Лихачев, Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. - 1968. - № 8. - С. 74-87.
40. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка. - М.: РАН, 1993. -287 с.
41. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998.- 285 с.
42. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. – Архангельск, 1997. Вып. 1. - С. 11-35.
43. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007. - 296 с.
44. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. - 2000. - № 4. - С.39-45.
45. Минский, М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ.; под ред. Ф.М. Кулакова. - М.: Энергия, 1979. - 151 с.

46. Павилёнис, Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. - М.: Мысль, 1983. - 286 с.
47. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. - 314 с.
48. Постникова, Е.А. Художественный образ в сравнении со смежными понятиями филологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2014. - № 1 (31). - Ч.1. - С. 147-150.
49. Прохоров, Ю.В. В поисках концепта. 2-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 176 с.
50. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. - С. 58-65.
51. Тарасова, И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография. 2-е изд. перераб. - М.: Флинта, 2012. - 198 с.
52. Тарасова, И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2010. - № 4 (2). - С. 742-745.

Научно-критическая литература

53. Абеляр, П. Теологические трактаты; пер. с лат. С.С. Неретиной. - М.: Канон, 2010. - 640 с.
54. Адясова, Л.Е. Концепт «Советский Союз» и его языковая экспликация в российском медиадискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Адясова Людмила Евгеньевна; НГУ им. Лобачевского. – Новосибирск, 2016. - 20 с.
55. Аристов, С.В. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. - М.: Молодая гвардия, 2017. - 320 с.
56. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 895 с.
57. Бабков, М.Ю. Атеизм или богоборчество? К вопросу о религиозной концепции Э.М. Ремарка (на материале романа «Черный обелиск») //

- Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. и сообщ. – Пермь, 2004. - С. 56-58.
58. Баданян, И.Ф. Концепт «Деловая женщина» и его экспликация в современном медиадискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филолог. наук 10.02.19/ Баданян Ирина Феликсовна; Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 2017. - 25 с.
59. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика; пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. - М.: Прогресс, 1989. - 616 с.
60. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-художественные статьи – М.: Худож. лит., 1975. - С. 234-407.
61. Бергельсон, Г. Во имя мира (предисловие к романам) // Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. Три товарища – М.: Транспорт, 1991. – С. 3-14.
62. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. О назначении человека. - М.: Хранитель, 2006. - С. 5-265.
63. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности - М.: Изд-во МГУ, 1990. - 256 с.
64. Бердяев, Н.А. Футуризм на войне. Публицистика времен Первой мировой войны - М.: Канон, 2004. - 384 с.
65. Беспалова, О.Е. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Беспалова Ольга Евгеньевна; РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2002. - 24 с.
66. Бонвеч, Б. Вторая мировая война в национальной памяти Германии и России // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28 – 30 октября 2005 г.): Сборник статей. Под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина - М.: Директмедиа Паблишинг, 2006. - С. 8-24.

67. Борозняк, А.И. «Мертвые будут обвинять вас...» Роман Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» в контексте дискуссии о преступлениях нацизма // Новая и новейшая история. - 2008. - №1. - С. 185-200.
68. Борозняк, А.И. Имя Сталинграда, выжженного огнем: Сталинградская битва в исторической памяти ФРГ // Российская история. 2014. - №1.- С. 111-122.
69. Борозняк, А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века. М.: РОССПЭН. – 2014. - 351 с.
70. Боярский, О. О творчестве Ремарка // Крым. – 1959. - № 23. - С. 121-126.
71. Брусилов, А.А. Мои воспоминания - М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. - 464 с.
72. Вагнер, Р. Что такое немецкое? // Философская культура. - 2005. -№1. - С. 149-174.
73. Васильева, А.А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О.Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Васильева Анна Анатольевна; ТГУ, - Томск, 2004. - 24 с.
74. Ветте, В. Гитлеровский вермахт: Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Неприкосновенный запас. - 2005. - № 3. - С.270-274.
75. Волкова, В.Б. Концептосфера современной военной прозы: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Волкова Виктория Борисовна – Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. - Екатеринбург, 2014. - 44 с.
76. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт - М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. - 192 с.
77. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования/ 5-е изд., стереотип. - М.: КомКнига, 2007. - 144 с.
78. Гегель, Г.В.Ф. Философия права; пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц - М.: Мысль, 1990. - 524 с.

79. Генц, Ф. О вечном мире // Трактаты о вечном мире / сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. - СПб.: Алетейя, 2003. - С. 316-350.
80. Гердер, И. Письма для поощрения гуманности // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. - СПб.: Алетейя, 2003. - С. 250-259.
81. Геродот, История в девяти книгах - М.: Ладомир, 1993. - 600 с.
82. Гёррес, И. Всеобщий мир – идеал // Трактаты о вечном мире / сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. - СПб.: Алетейя, 2003. - С. 259-315.
83. Гоббс, Т. Философские основания учения о гражданине - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. - 304 с.
84. Грачев, А.С. Семантическое наполнение и языковая экспликация концепта «война» в романе К. Симонова «Живые и мертвые» // Вестник ННГУ. 2011. № 6 (1). - С. 364-366.
85. Громова, Е.А. Миротворческий дискурс в отечественной социально-философской мысли начала XX века // Вести. Волгогр. гос. ун-та. сер. 7. филос. - 2013 - № 2 (20). - С. 143-150.
86. Гроций, Г. О праве войны и мира; пер. с лат. А.Л. Саккетти. - М.: Ладомир, 1956. - 868 с.
87. Девекин, В.Н. Не сгоревшие на костре: Нем. антифашист. лит. 1933-1935 гг. - Москва : Сов. писатель, 1979. - 439 с.
88. Долгий, А.И. Лингвостилистические, сопоставительно-типологические особенности текста романов Х.Г. Конзалика в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Долгий Андрей Иванович; АГУ. - Майкоп, 2003. - 26 с.
89. Дмитриев, А. Гуманизм без веры в будущее: о творчестве Ремарка // Молодая гвардия. - 1960. - № 2. - С. 215-223.
90. Дубовицкая, М. А. Кросс-культурная концептуализация иноязычной ментальности (на материале арабо-американской литературы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дубовицкая Мария Анатольевна. - М., 2018. - 162 с.

91. Дубовицкая, М. А. Триада «концепт – образ – мотив» в арабо-американской литературе. Филологические науки в МГИМО. – 2021.- № 7(3) - С. 53-64.
92. Желтов, М. П. Практическая философия: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. - 152 с.
93. Залесский, В. Время жить, время бороться: заметки о творчестве Ремарка // Октябрь. - 1957. - № 6. - С. 203-210.
94. Затонский, Д.В. Ремарк/ Д.В. Затонский // История немецкой литературы в 5 т.- Т. 5 (1918 – 1945). - М.: Наука, 1976. - С.198-214.
95. Затонский, Д.В. Эрих Мария Ремарк, или двадцать лет спустя / Д.В. Затонский // Художественные ориентиры XX века. – М.: Советский писатель, 1988. - С. 313-349.
96. Зацепина, М.В. Концептуализация феномена отчуждение в русской и немецкой этноконцептосферах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Зацепина Марина Владимировна; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. - 236 с.
97. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою : собр. соч.: в 10 т. - М.: Рус. кн, 1999. Т.5 - С. 31-222.
98. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. - СПб.: Алетейя, 2003. - С. 205-241.
99. Кант, И. Критика чистого разума; пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. - М.: Наука, 1999. - 591 с.
100. Каринцева, И. Роман против войны // Лит. газ. - 1955. - 16 апр. - С. 3-10.
101. Карпенко, С.М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества М.С. Гумилева): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Карпенко Светлана Михайловна.-Томск, 2000. - 26 с.
102. Карнер, С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе 1941-1956 / Пер. с нем. О. Асписовой. М.: РГГУ, 2002. - 302 с.

103. Карсавин, Л.П. Церковь, личность, государство // Карсавин Л.П. Малые сочинения. – СПб.: Алетейя, 1994. - 532 с.
104. Кацевич, Д. Хайнц Гюнтер Конзалик. Биография // Люди: сайт. URL: https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/heinz_gunther_konsalik/ (дата обращения: 12.02.2022).
105. Кирпотин, В. Без путеводной звезды: о романах Ремарка // Пафос будущего. - М.: Прогресс, 1963. - С. 296-306.
106. Клаузевиц, К. О войне. - М.: Наука, 1994. - 448 с.
107. Клишас, А. А. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт. - М.: Статут, 2019. -512 с.
108. Колесов, В.В. Отражение русского менталитета в слове //Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара «Человек» - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. - С. 106-124.
109. Копелев, Л. Победы и поражения Ремарка // Сердце всегда слева. - М.: Советский писатель, 1960. - С. 364-392.
110. Кузьминых, А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Кузьминых Александр Деонидович. – ФГАОУ ВПО Северный федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2014 – 50 с.
111. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем; пер. с англ. под ред. А.Н. Баранова. - М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
112. Липина, Е.А. Реализация лингвокультурного концепта "Время военное / Kriegszeit" в идиолектах К.М. Симонова и Э.М. Ремарка (на материалах текстов военной прозы) автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Липина Елена Андреевна. – Тюмень, 2008. - 25 с.
113. Лисенко, А. Р. Конфликт отцов и детей в немецкой драме XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Лисенко Анжела Рафизовна. – Казань, 2014. - 202 с.

114. Лозинская, Е.В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.- информ. исслед. Отд. литературоведения. – М., 2007. – 160 с.
115. Локк, Дж. Два трактата о правлении: соч. в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. – С. 137-405.
116. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. - 352 с.
117. Лятифова, Л.И. Тема «войны» в творчестве Хайнца Гюнтера Конзалика // Человек и вселенная. 2018. - № 3. - С. 21-25.
118. Макарычев, М. Одиннадцать малоизвестных фактов о Ремарке // РГ. – 2013. – 24 сент. - URL: <https://rg.ru/2013/09/24/remark-site.html>. (дата обращения: 10.06.22).
119. Макиавелли, Н. Государь. - М.: Эксмо, 2013. - 544 с.
120. Маковельский, А.О. Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды. - Минск: Харвест, 1999. - 784 с.
121. Мануильский, Д.З. Предисловие // Э.М. Ремарк. На Западном фронте без перемен. Роман-газета. - 1930. - № 2 (56). - С. 1-2.
122. Матвеев, М.А. Принципы формирования поэтики ранних произведений Э.М. Ремарка: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Матвеев Михаил Александрович. - СПб., 2015. - 187 с.
123. Мацкевич, С.М. Концепт и слово «восток» в языке произведений Бунина: к вопросу об основаниях художественной концептуализации // Вестник МГУ. Серия: Русская филология. - 2014. - №5. - С. 43-48.
124. Медведев, С.А. Немецкие военнопленные в СССР в 1941 - 1956 гг. и формирование образа Советского Союза: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Медведев Сергей Александрович. – Воронеж, 2009. - 199 с.
125. Мотылева, Т. Ремарк и советские читатели // Лит. газ. - 1960. - 1 марта.
126. Муратова, Е.Н. Структура и семантическое наполнение фрейма «урок» (на материале немецкого языка) // Известия ВГПУ. 2011. № 5. – С. 88-91.

127. Николаева, Т.С. Творчество Ремарка-антифашиста. – Саратов: изд. Сарат. ун-та, 1983. - 134 с.
128. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей; пер. с нем. Е. Герцык и др. - М.: Культурная Революция, 2005.- 880 с.
129. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов: соч. : в 2 т. - М.: Мысль, 1996. Т.1 - С. 231-490.
130. Образцова, И.В. Военная социология: проблема исторического пути и методология // Социологические исследования. - 1993. - № 12. - С. 4-19.
131. Оганян, Л.Р. Типология речевых реализаций концепта «любовь» в прозе Х. Конзалика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Оганян Лариса Рафиковна – АГУ. Майкоп, 2004. - 26 с.
132. Олицкая, Д.А. Образы Сибири в немецкой паралитературе XIX и XX вв. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. - № 18. - С. 44-64.
133. Орлов-Корф, В. Немецкая литература конца 20 начала 21 веков. Проза.ру : сайт. URL: <https://proza.ru/avtor/kbvjyjdrrf&s=50&book=1#1> (дата обращения: 12.03.2023).
134. Пересвет, А. По ту сторону прицела, по эту сторону души. // А. Пересвет, В. Хенс. По другую сторону войны. - М.: Интерэксперт, 2005. - С. 273-277.
135. Петелин, Г. О Ремарке и ремаркизме // Дон. - 1961.- № 4. - С. 160-169.
136. Плато, А. Биографическое исследование на примере денацификации // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28 – 30 октября 2005 г.): Сборник статей. Под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина.- М.: Директмедиа Паблишинг, 2006.- С. 316 – 327.
137. Платон, Законы: собр.соч.: в 4 т. - Т.4. - М.: Мысль, 1994. – 830 с.
138. Поршнева, А. С. Пространство эмиграции в романном творчестве Э.М. Ремарка: дис ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Поршнева Алиса Сергеевна. - Екатеринбург, 2010.- 256 с.

139. Похаленков, О.Е. Концепт «Враг» в творчестве Э.М. Ремарка и советской «лейтенантской прозе» 1950-60-х гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Похаленков Олег Евгеньевич. – Иваново, 2011. - 224 с.
140. Похаленков, О.Е. Мотивные комплексы и повествовательные стратегии романов «потерянного поколения» в контексте военной прозы XX века: дис. ... док. филол. наук: 10.01.03 / Похаленков Олег Евгеньевич. - Калининград, 2018. – 369 с.
141. Похаленков, О.Е. Феномен «потерянного поколения» в творчестве Э.М. Ремарка / О. Е. Похаленков, Д. М. Фролов // Германские и романские языки в высшей школе России: Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора А.Л. Зеленецкого, Калуга, 20–22 апреля 2021 года. - Калуга: ФБГОУ ВО "Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского", 2021. - С. 173-178.
142. Похаленков, О.Е. Э.М. Ремарк и Х.Г. Конзалик: дилемма Второй мировой войны / О. Е. Похаленков, Д. М. Фролов // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Калуга, 8–9 апреля 2020 года. - Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2020. - С. 878-882.
143. Прозоров В.В. Другая реальность: очерки о жизни в литературе. Саратов: Лицей. 2005. 208 с.
144. Пронин, В.А. История немецкой литературы. - М.: Университетская книга. Логос, 2007. - 384 с.
145. Пушкарева, И.А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Пушкарева Ирина Алексеевна. – Томск, 1999. - 318 с.

146. Пыхалов, И. В. Штрафники: правда и вымысел // Штрафбаты по обе стороны фронта: Военно-исторический сборник / Ред.- сост. И. В. Пыхалов. - М.: Яуза, Эксмо, 2007. - 320 с.
147. Радек, К. Мелкий буржуа возвращается с войны // Интернациональная литература. - 1930. - № 3. - С. 100-102.
148. Ражнев, В.Г. История немецкого воинственного менталитета // Вестник Полесского государственного университета. - 2015. - № 2. - С. 26-30.
149. Ренан, Э. Что такое нация?: собр. соч. в 12 т. - Т.6. Киев, 1902. - 164 с.
150. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. - М.: «КАНОН-пресс», 1998. - 416 с.
151. Руссо, Ж.Ж. Суждение о вечном мире // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. - СПб.: Алетейя, 2003. - С. 162-172.
152. Руткевич, А.М. Консервативная революция // Новая философская энциклопедия: в 4 т. - Т.2. - М.: Мысль, 2001. - С. 287-288.
153. Самсонов, А.М. Сталинградская битва, 4-е изд., испр. и доп. - М.: Наука, 1989. - 120 с.
154. Свердлов, М. Потерянное поколение: «На Западном фронте без перемен»/ М. Свердлов // Литература. - 2004. - №32. - С.26-28.
155. Серебрянников, В.В. Социология войны / В.В. Серебрянников - М.: Научный мир, 1997. - 398 с.
156. Склеинис, Г.А. Системность романного творчества Э.М. Ремарка// Век Ремарка: сборник статей. - Магадан: Кордис, 1998. - 78 с.
157. Соловьев, В.С. Оправдание добра: соч. в 2 т. - М.: Мысль, 1990. Т. 1 - 580 с.
158. Степанова, Е. Пожива для моего МГ: современная немецкая литература о войне с Советским Союзом // НЛЮ: электрон. журн. - 2010. - № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/pozhiva-dlya-moego-mg-sovremennaya-nemeczkaya-literatura-o-vojne-s-sovetskim-soyuzom.html> (дата обращения: 12.10.2022).

159. Сучков, Б.Л. О книгах Э.М. Ремарка // Лики времени: Статьи о писателях и литературном процессе: в 2 т. - М.: Худож. лит., 1976. - Т. 2. - С. 139-174.
160. Тимофеева, В.Г. Основные концепты русской культуры в исторических романах о Петре I: автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Тимофеева Вера Геннадьевна. – Воронеж, 2001. - 20 с.
161. Толстой, Л.Н. Война и мир: роман в 4 т.- Т.3. - М.: Просвещение, 1981. - 318 с.
162. Толстой, Л.Н. Война и мир: роман в 4 т. -Т.4.- М.: Просвещение, 1981. - 270 с.
163. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): Учебное пособие. - М.: Высшая школа, 1979. - 219 с.
164. Фененко, А. Истоки Третьего рейха // РСДМ: сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/istoki-tretego-reykha/> (дата обращения: 10.09.2022).
165. Флакман, А.А. Немецкий язык как отражение ментальности его носителей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Флакман Анна Александровна - Н. Новгород, 2005. - 172 с.
166. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Издание подготовил А.В. Лебедев - М.: Наука, 1993. - 576 с.
167. Фрадкин, И. Ремарк и споры о нем: к оценке творчества нем. писателя советской критикой // Вопр. лит. - 1963. - № 1.- С. 92-119.
168. Франк, С.Л. Нравственное учение Л.Н. Толстого // Франк С.Л. Русское мировоззрение. - СПб.: Наука, 1996. - С. 432-439.
169. Франк, С.Л. Сила и право // Русская мысль. - 1916. - № 1.- С. 12-17.
170. Фролов, Д.М. "Восточный поход" глазами Э.М. Ремарка и Х.Г. Конзалика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2022. - Т. 15.- № 3.- С. 731-734.

171. Фролов, Д.М. Немецкий взгляд на проблему войны сквозь призму концепта «Kriegszeit» // Art Logos. - 2020. - № 2 (11). - С. 139-144.
172. Фролов, Д.М. Немецкий взгляд на события второй мировой войны в романе Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач» // Наука и технологии: актуальные вопросы, достижения, инновации: Сборник докладов и материалов IV Национальной научно-практической конференции, Москва, 17–18 декабря 2020 года. Москва: Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт непрерывного образования", 2020. - С. 66-70.
173. Фролов, Д.М. Трагизм войны и её последствий в романе Х.Г. Конзалика "Сталинградский врач" // Успехи гуманитарных наук. - 2022. - № 1. - С. 47-51.
174. Фролов, Д.М. Феномен военного времени в романе Э.М. Ремарка "Время жить и время умирать" // Автор - текст - читатель: теория и практика анализа : Материалы Седьмых Международных научных чтений, Калуга, 29 – 31 октября 2020 г. Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2020.- С. 661-665.
175. Фролов, Д.М. Экзистенциальная проблематика в антивоенном творчестве Э.М. Ремарка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2022.- Т. 15. - № 2. - С. 363-367.
176. Фролов, Д.М. Проблема «немецкой вины» в военной прозе Х. Г. Конзалика и Э. М. Ремарка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2023. - Т. 16. - № 3. С. 748-753.
177. Фролов, Д.М. Феномен военного времени в романе Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач» / Д.М. Фролов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» Второе издание: переработанное и дополненное / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов.– М.: МАКС Пресс, 2020. С. 139-144. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-vzglyad-na-problemu-voyny-skvoz-prizmu-kontsepta-kriegszeit/viewer>. (дата обращения: 10.06.2022).
178. Фролов Д.М. Концепт «война» в романе Х.Г. Конзалика «Сталинградский врач» / О.Е. Похаленков, Д.М. Фролов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2022. № 1-4-1 (104). С. 10-14.
179. Фукидид, История / Изд. подготовили Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровкий. - Л.: Изд-во «Наука», 1981. - 542 с.
180. Хелльбек, Й. Прорыв под Сталинградом: вырванные советские корни немецкого военного бестселлера // НЛЮ: электрон. журн.- 2012. - № 116. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/4> (дата обращения: 05.09.2022).
181. Цибулевский, Б. Тегеран – Ялта – Потсдам. - М.: Международные отношения, 1970. - 129 с.
182. Чернейко, Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. - 1995. - № 4. - С. 73-83.
183. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью. - М.: Прогресс, 1992. - 576 с.
184. Antkowiak, A. Erich Maria Remarque: Leben und Werk / A. Antkowiak. - Westberlin: Verl. Das Europ. Buch, 1983. -163 S.
185. Bierich, N. Kulturpornografie, Holo-Kitsch und Revisionismus. Der Vorleser kommt ins Kino. URL: <https://docplayer.org/63439691-Kulturpornografie-holo-kitsch-und-revisionismus-der-vorleser-kommt-ins-kino.html> (дата обращения: 05.06.2022).
186. Deißner, D. Ist "Der Vorleser" ein großer Roman? / D. Deißner, T. Lindemann // Die Welt. 2007. 07. Okt.
187. Deutsche Literatur-Geschichte von den Anfang bis zur Gegenwart / von Wolfgang Benti – 4. Aufl. Stuttgart: Metzler, 1992. - 371 S.

188. Eggebrecht, A. Gespräch mit Remarque // Ein militanter Pazifist: Texte und Interviews 1929-1966, Edited by Thomas F. Schneider. – Cologne: Kiepenheuer and Witsch, 1994. - pp. 43-51.
189. Emmott, C. Narrative comprehension: A discourse perspective. – Oxford; N.Y.: Clarendon press; Oxford univ. press, 1999. - 323 p.
190. Firda, R. Erich Maria Remarque. A thematic analysis of his novels. - New York, Bern, Frankfurt/Main, Paris: Peter Lang, 1988. - 328 p.
191. Friedländer, S. Kitsch und Tod. - Frankfurt/M: Fischer Verlag, 1984. - 144 S.
192. Hacke, Ch. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Weltmacht wider Willen? - Berlin: Ullstein, 1997. - 605 S.
193. Harder, M. Erfahrung Krieg. Zur Darstellung des Zweiten Weltkrieges in den Romanen von Heinz G. Kosalik. Mit einer Bibliographie der deutschsprachigen Veröffentlichungen des Autors von 1943–1996. - Würzburg: Königshausen und Neumann, 1999. - 320 S.
194. Jahn, P. Stalingrad Erinnern. Stalingrad im deutschen und russischen Gedächtnis. - Berlin: Ch. Links Verlag, 2003. - 191 S.
195. Klein H. Basic Attitude and Enemy Images in the Representation of the First World War by Remarque, Hemingway and Cèline // Krieg and Literatur /War and Literature. 4/1989. Osnabrueck. Vol. I (№ 1). S. 7–32.
196. Lakoff, G., Turner, M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1989. – 230 p.
197. Mendie, D. Remarque Erich Maria // Metzler Autoren Lexikon. Deutschsprachige Dichter und Schriftsteller vom Mittelalter bis zur Gegenwart. - Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1986. - 674 S.
198. Murdoch, B. The Novels of Erich Maria Remarque. Sparks of Life. - Rochester/NY, Woodbridge: Camden House, 2006. - 245 p.
199. Müller, H.H. Der Krieg und die Schriftsteller. Der Kriegsroman der Weimarer Republik / H.H. Müller. – Stuttgart, 1986. - 398 S.

200. Parvanova, M. «... das Symbol der Ewigkeit ist der Kreis». Eine Untersuchung der Motive in den Romanen von Erich Maria Remarque. - Berlin: Tenea, 2003. - 311 S.
201. Remarque E.M. Ein militanter Pazifist. Texte und Interviews 1929-1966. - Köln, 1994. - 160 S.
202. Sargeant, M. Kitsch & Kunst. Presentations of a Lost War. - Bern: Peter Lang Publishing, 2005.- 275 p.
203. Schlösser, I. Die Darstellung des Exils bei Erich Maria Remarque: [Examensarbeit] / I. Schlösser. – Köln, 2001. - 113 S.
204. Schneider, T. Remarque E.M. Ein militanter Pazifist: Texte und Interviews, 1929–1966. Edited by Thomas F. Schneider. – Cologne: Kiepenheuer and Witsch, 1994. - 160 p.
205. Schneider, T. Erich Maria Remarque: Ein Chronist des 20. Jahrhunderts: Eine Biographie in Bildern und Dokumenten. - Bramsche: Rasch Verlag, 1991. - 148 S.
206. Schneider, T. Ein ekler Leichenwurm: Motive und Rezeption der Schriften Erich Maria Remarques zur nationalsozialistischen Vergangenheit. // Text + Kritik -.2001 - №. 149 - S. 42–54.
207. Steppich, Ch. J. Erasmus and alleged dogma Lutheri concerning war against the Turks // Lutherjahrbuch 78, Jahrgang 2011: Organ Der Internationalen Lutherforschung. Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. - pp. 205-225.
208. Sternburg, W. Als wäre alles das letzte Mal. Erich Maria Remarque: Eine Biographie. – Cologne: Kiepenheuer und Witsch, 2000. - 528 S.
209. Stolberg, E.-M. Siberia as a Mental Map in German Imagination, 1850-1990 // Сибирская заимка: электрон. журн. - 2005. – 26 июня. URL: <https://zaimka.ru/stolberg-siberia/>(дата обращения 05.06.2022).
210. Tims, H. Erich Maria Remarque: The Last Romantic. – London: Constable, 2003. - 288 p.
211. Tucholsky, K. Briefe - Auswahl 1913 bis 1935 - Berlin: Volk und Welt, 1983. – 325 S.

212. Wagener, H. Remarque in Amerika – zwischen Erfolg und Exilbewußtsein, Erich Maria Remarque Jahrbuch/Yearbook, 9 (1999). - pp. 18-38.
213. Wagener, H. Understanding Erich Maria Remarque. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1991 (Understanding Modern European and Latin American Literature). - pp. 75-81.
214. Westphalen, T. Erich Maria Remarque 1898–1970. Osnabrück: Rasch, 1988. - 147 S.
215. Westphalen, T. Nachwort. Wann wird zum Mord, was man sonst Heldentum nennt? Erich Maria Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Roman. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. - Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. - S. 401-421.
216. Wulf, J. Literatur und Dichtung im Dritten Reich: Eine. Dokumentation. Ungekürzte Ausg / J.Wulf. - Frankfurt/M; Berlin; Wien: Ullstein, 1983. - 388 S.

Справочные издания, словари, нормативно-правовые документы

217. Атеистический словарь / Абдусамедов А. И., Алейник Р. М., Алиева Б. А. и др.; Под общ. ред. М. П. Новикова. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Политиздат, 1985. - 512 с.
218. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 // Грамота.ру : сайт. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=концепт&all=x> (дата обращения: 10.05.2022).
219. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загорулько. - М.: Логос, 2000. - 1120 с.
220. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / под общей ред. Е.С. Кубряковой. - М.: Изд-во МГУ, 1996. - 245 с.
221. Мэрц, П. Канцлеры ФРГ – политический стиль и национальный статус // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и

- перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28 – 30 октября 2005 г.): сборник статей / под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина. М.: Директмедиа Паблишинг, 2006. - С. 107-121.
222. Новая философская энциклопедия: в 4 т. - Т.2: Е-М / Научн. ред. М.С. Ковалева и др. - М.: Мысль, 2010. - 744 с.
223. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. - М.: Сов. Энциклопедия, 1972. - 900 с.
224. Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г. // Электрон. б-ка исторических документов: офиц. сайт. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163756-prigovor-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-nyurnberg-1-oktyabrya-1946-g>. (дата обращения: 10.06.2022).
225. Сидоров, С.Г. Особенности проведения репатриации иностранных военнопленных из СССР в 1945-1946 годах // Вести Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2012. № 1 (21). С. 67-75.
226. Сидоров, С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939-1956 гг./ С.Г. Сидоров - Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. - 450 с.
227. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. / 3-е изд. испр. и доп. - М.: Академический Проект, 2004. - 982 с.
228. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – Т.1 / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940. - 750 с.
229. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.09.1955 г. «О досрочном освобождении и репатриации немецких военнопленных, осуждённых за военные преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. - М.: Издание Верховного Совета СССР.- 1955. - № 17 (4 октября). - С. 465–480.

230. Ушаков Д. Н. Большой современный толковый словарь русского языка. Современная редакция. - М.: Изд-во Славянский дом книги, 2014. - 960 с.
231. Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung> (дата обращения: 05.03.2022).
232. Longman Dictionary of Contemporary English Online. Concept. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/concept>. (дата обращения: 03.02.2022).
233. WAHRIG Deutsches Wörterbuch. - Gütersloh/München: Wissen Media Verlag GmbH, 2011. - 1728 S.